

B $\frac{2}{97}$

ОТКУДА ИДЕТЬ
РУССКАЯ ЗЕМЛЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Михаила Максимовича.

КІЕВЪ.

1837.

42

ОТКУДА ИДЕТЬ
РУССКАЯ ЗЕМЛЯ,

ПО СКАЗАНІЮ НЕСТОРОВОЙ ПОВѢСТИ
И ПО ДРУГИМЪ СТАРИНЫМЪ ПИСАНІЯМЪ
РУССКИМЪ.

oooooooooooooooo

СОЧИНЕНІЕ

Михаила Максимовича

Орд. Профессора Русской Словесности
въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Университетѣ Св. Владиміра.

— * — * — *

К І Е В Ъ.

Въ Университетской Типографіи.

1837.

„... Откуда есть пошла Руская Земля,
кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и от-
куда Русская Земля спала естъ.“

Несторъ.

„Не праведно разсуждаешъ, кто Варяж-
ске имя приписываешъ одному народу.
Многія сильныя доказательствъ увѣряюшъ,
что *Варяги* отъ разныхъ племенъ и язы-
ковъ состояли“.

Ломоносовъ.

П Е Ч А Т А Т Ь П О З В О Л Я Е Т С Я ,

по опредѣленію 1 Отдѣленія Философскаго Факультета.
Кіевъ, Генваря 8 дня, 1837 года.

Ректоръ Университета *Владиміръ Цыхъ.*

2007110046

ПАМЯТИ ДОМОНОСОВА

Михаилу Петровичу Погодину
отъ Марии Вилл.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляю вниманію и суду Читателей краткое изслѣдованіе о *Руссахъ и Варягахъ* въ нашемъ Отеествѣ, по сказанію объ нихъ Преподобнаго Нестора, которое я старался согласовать съ другими нашими, особенно древними писаніями, и изъяснилъ оное нѣсколько иначе, чѣмъ другіе; ибо, по моему изслѣдованію, ни у одного Русскаго писателя до XIX в. не видно мысли чтобъ Руссы были Скандинавы.

Для опредѣленія Несторова мнѣнія, приняты мною въ основаніе два списка его Повѣсти временныхъ лѣтъ: *Лаврентьевскій*, написанный въ Суздаль Инокомъ Лаврентіемъ 1377 г., и *Ипатьевскій*, написанный также въ XIV в. (по мнѣнію Карамзина) и вѣроятно въ Южной Руси, какъ два древнѣйшіе, а потому если и отступившіе отъ подлинника Несторова, то не много и не во многомъ. Первымъ изъ нихъ я пользовался по печатному изданію Тимковскаго (М. 1824), прерывающемуся 1019 годомъ, утвержденіемъ Ярослава въ Кіевѣ; вторымъ—по Шлецеву *Нестору* (въ Русскомъ переводѣ Языкова Спб. 1809—19.), оканчивающемуся 980 годомъ, началомъ Княженія Владимірова въ Кіевѣ. Прочіе списки Русской Лѣтописи принадлежатъ позднѣйшему времени, и за исключеніемъ *Кенигсбергскаго* (XVI в. по Карамз.), представляютъ иногда значительныя отмѣны противъ двухъ первыхъ, сообразно мнѣніямъ, какія въ среднія

времена были; почему въ такомъ значеніи я и принималъ сіи отмѣны, часто между собою совершенно сходныя.

Для означенія же того, что называю я древнимъ, среднимъ, новымъ періодомъ нашей Словесности, нелишнимъ почитаю здѣсь представить принятое мною дѣленіе оной на *періоды* и *отдѣлы*.

I-й Періодъ, Древній — отъ 60-тыхъ годовъ IX вѣка до послѣдней четверти XIII-го.

Въ 60-тые годы IX вѣка, началась новая жизнь Русской Земли, съ пришествіемъ Руссовъ; началось Русское Православіе; составилаь Словенская грамота, книжный Словенскій языкъ и преложеніе на оныя Священныхъ и Церковныхъ Книгъ, на коихъ основалось и утвердилось Русское Просвѣщеніе въ Кіевѣ.

Господствомъ сихъ Книгъ, книжно - Словенскаго языка и вліяніемъ Греко - Восточнаго Просвѣщенія ознаменованъ сей древній періодъ.

Я раздѣляю древній періодъ на 3 отдѣла:

1-й отдѣлъ—до кончины Ярослава, 1054.

2-й отдѣлъ—до кончины Мономаха, 1125.

3-й отдѣлъ—до конца древняго Стольнаго Кіева, съ переселеніемъ Русскаго Митрополита въ Сѣверовосточную Русь.

II-й Періодъ, Средній—отъ послѣдней четверти XIII-го по XVIII-й вѣкъ.

Переселеніємъ Русскаго Митрополита изъ Кіева во Владиміръ-Залтскій и первымъ тамъ Соборомъ 1274 г., положено начало обновленія умственной и общественной жизни Сѣверовосточной Руси и того вліянія на нее *Русскаго Духовенства*, какое особенно было въ сей періодъ,—означенный съ другой стороны вліяніемъ *Латино-Западнаго Просвѣщенія* на умственную жизнь Южной и Западной Руси, съ которыми вмѣстѣ оно перешло и въ Великую Россію. Кромѣ того сей періодъ ознаменованъ сильнымъ раскрытіемъ на Православіи утвержденной *Русской народности*, и ея безпримѣрно — богатымъ проявленіемъ въ *народной Поэзіи* Великорусской и Украинской.

Я раздѣляю Средній періодъ на 3 отдѣла:

1-й отдѣлъ—до исхода XV вѣка.

2-й отдѣлъ—до исхода XVI вѣка.

3-й отдѣлъ—до конца XVII вѣка.

III-й Періодъ, Новый—XVIII-й вѣкъ и первая четверть XIX-го.

Въ 1700-мъ году, съ утвержденіемъ полного Единовластія Петра Великаго, начались Его нововведенія въ Россіи и преобразование оной по образцу Европейскому, чѣмъ и положено начало *Гражданско-Русскаго Просвѣщенія* подъ вліяніемъ Ново-Европейскаго. (Въ 1700 г. между прочимъ прекратилось Русское Патріаршество, начался Новый годъ съ Генваря, новое лѣточисленіе съ Р. Х.).—Стремленіемъ къ *Европеизму*, переимчивымъ подражаніемъ ему и его усвоеніемъ озна-

менованъ сей новый періодъ, который я раздѣляю на 4 отдѣла:

1-й отдѣлъ—до вѣка Елисаветы, по 1740 годъ (до Ломоносова).

2-й отдѣлъ—до кончины Екатерины Великой, 1796 года (до Карамзина).

3-й отдѣлъ—до 1812 года (до Жуковского).

4-й отдѣлъ—до кончины Александра I, 1825 г. (Карамзинъ—Историкъ предзначаетъ новѣйшее направленіе Русской Словесности).

IV-й Періодъ, Новѣйшій или Современный.

Въ нынѣшнее историческое Царствованіе возродилось общее стремленіе къ самобытному и своеобразному раскрытію *Русскаго духа* во всѣхъ отрасляхъ жизни, по собственной мысли и въ своемъ видѣ,—означилось *просвѣщенное обращеніе къ своенародности и положительности*: ибо раскрытіемъ народности мы были богаче всѣхъ, а стихія былевой (исторической) положительности была всегдашнимъ, природнымъ свойствомъ народности нашей—въ самой Поэзіи.

„Се Русія—уродившися въ Вѣрѣ Православной, за послушную рѣчь почитаемъ, абы вѣдалъ самъ и инымъ Рускимъ сыномъ сказалъ: отколь Русь почалася, и якъ Панство Руское, за початку ставши, до сего часу идетъ.“

Закрываю мое Предисловіе сими словами Кіевскаго инока Θεодосія Софоновича, изъ его *Хроники зъ Лѣтописцовъ стародавнихъ*, 1672 г.

1. Декабря, 1836 г.

М. Максимовичъ.

Кіевъ.

О РУССАХЪ И ВАРЯГАХЪ.

§ 1.

По Словенски *языкомъ* называется и собственно языкъ, и народъ. Такое двойственное значеніе сего слова, равно и его образованіе изъ слова язъ или азъ, я — имѣють основаніемъ своимъ ту вѣрную мысль, что въ языкъ выражается личность народа, и обличають глубокое чувство и сознаніе сей личности у племени Словенскаго.

Исторія Словесности и языка каждаго народа должна идти рядомъ съ Исторіей самаго народа, тѣмъ болѣе, что сія послѣдняя и основывается преимущественно на памятникахъ Словесности и языка.

При изслѣдованіи языка Русскаго, при изъясненіи свойствъ его и опредѣленіи стихій, вошедшихъ въ его составъ еще въ древнемъ періодѣ, необходимо сперва опредѣлить: отъ какихъ народовъ могло быть вліяніе на языкъ славянскихъ Россіи — *Восточныхъ Словенъ?* (1)

Но при этомъ неизбежно прикасаешься къ тому вопросу, который такъ важенъ

для нашей Исторіи, такъ занимателенъ и вмѣстѣ запруднителенъ для нашей исторической Крѣпички; на которой она, при всемъ многоразличіи соображеній и мнѣній своихъ, даетъ опвѣты рѣшительные, но не дала еще рѣшенія окончательнаго. Я разумѣю вопросъ: отъ кого доспалось народу и языку нашему имя Руси, объединившее собою Восточныхъ Словенъ, вошедшихъ въ составъ Россіи? И если это имя не было общимъ для нихъ издревле (2), то какому народу принадлежало оно прежде — Словенскому, или не-Словенскому, и какому именно?

Съ тѣхъ поръ какъ Шлецеръ въ своемъ Неспорѣ (1802 г.) обновилъ возникшее за 100 лѣтъ мнѣніе Байера (3) или точнѣе сказать мнѣніе Тунмана о Варягахъ и Руссахъ, — ученіе о Скандинавскомъ происхожденіи Руси пересилило собою мнѣнія прежде бывшія у насъ на Руси, отъ Неспора до Ломоносова и Болшина; и этому ученію послѣдовала большая часть нашихъ лучшихъ, всѣмъ извѣстныхъ писателей по Русской Исторіи. — Еще прежде Шлецера, бывший Адъюнктомъ Байера Миллеръ хотѣлъ-было въ Академической Рѣчи (О началѣ народа и названія Русскаго, 1749) провозгласить Скандинавское происхожденіе Руси. Но въ ту пору всеобъемлющій Ломоносовъ оспа-

новилъ его; а потомъ уже и самъ Миллеръ былъ прошивъ онаго мнѣнія и приблизился къ мнѣнію Ломоносова, который, по выраженію Шлецера, и въ Исторіи былъ оракуломъ для Русскихъ, — который и въ этомъ случаѣ сдѣлалъ поже, что и съ языкомъ Русскимъ. Въ полновѣсной рѣчи Ломоносова слились и древняя Словенщина, и Лапинь, и Германизмъ; въ историческомъ его мнѣніи о Руси совмѣстились прежнія начала, коими изъясняли ея происхожденіе. По его мнѣнію, Варяго - Руссы были Словенскій народъ, древле переселившійся на Варяжское Поморіе съ Волги, понынѣ Мордвою называемой *Ра*, — вышедшій оппуда вмѣстѣ съ Аланами, попому и названный Роксаланами и Аланъ - Орсами (4), а самъ по себѣ называвшійся Россами, Россанами (и даже Ранами, отъ *р. Ра*, какъ называется Гельмольдъ Словенъ Ругійскихъ); по переселеніи ихъ въ Россію, прежнее мѣстопробываніе ихъ въ Поморіи назвалось Поруссіей или Пруссіей, не по сосѣдству, а по наслѣдованію (см. его *Древнюю Россійскую Исторію*, 1766, и въ *Крат. Россійскомъ Лѣтописцѣ*, 1760). —

Въ 1768 г. Миллеромъ изданъ I-й томъ Исторіи Россійской Тапищева (дополъ ходившей въ рукописяхъ), въ коей Руссы производятся отъ *Финновъ* (а Рюрикъ отъ Королей Лифляндскихъ). Сіе мнѣніе между писа-

идеями нашими имѣло многихъ послѣдова-
телей (5) и было господствующимъ до
Исторіи Карамзина.

Но послѣ того, какъ Шлецерово мнѣніе
принялъ Карамзинъ, впрочемъ поворопивши
его нѣсколько на Ломоносовское (ибо Рус-
совъ Шведскихъ онъ провелъ къ намъ черезъ
Пруссію), — у насъ спало господствовать
покрываемое именемъ Нестора мнѣніе, буд-
то Руссы были народъ Скандинавскаго или
Готто - Нѣмецкаго племени. — Въ слѣдствіе
того, новый Историкъ нашъ Полевой при-
нялъ за основное предположеніе, что Скан-
динавами начинается Исторія Русскаго на-
рода, и съ нихъ началъ свою Исторію (1829).
По Сениковскій полагаетъ, что покоренные
Руссами - Скандинавами Словены и Финны
обрусели прежде, чѣмъ покорили ихъ
забывъ нарѣчіе свое сдѣлались *Человѣками*
и. е. Словенами; что овладѣнные Руссами,
съ принятіемъ ихъ имени, неминуемо дол-
женствовали утратить свою народность и
сдѣлались Скандинавами въ образѣ мыслей,
правахъ и даже занятійхъ. Русскій языкъ
называется онъ химическимъ соединеніемъ
Словенскаго и Скандинаво - Нѣмецкаго, съ
примѣсью Финскаго, и говорятъ, будто
даже Запорожскіе Казаки говорили Сканди-
навскимъ языкомъ, а начало Украинскихъ
Думъ сопряжено съ Исландскою Словесно-

стью (Сагою); Запорожье называется оныъ *Днѣпровскою Скандинавіею Руссовъ*. (6)

Можетъ быть такое впаденіе въ излишество и въ крайность ученія о Скандинавскомъ происхожденіи Руси предвѣщаетъ, что сему ученію приходитъ уже конецъ: ибо такимъ явленіемъ обыкновенно кончались не только многія системы Философіи и другихъ наукъ, но и разныя стремленія и направленія въ другихъ отрасляхъ мысли и жизни частной и общественной. Впрочемъ это покажетъ время! А между тѣмъ, какъ распространялось и доходило до такой крайности это ученіе, продолжались и особенно въ послѣднее время являлись мнѣнія проповѣдающія Скандинавству Руссовъ, — и замѣчательно, что въ большей части ихъ обновлялись многія изъ прежнихъ мнѣній съ новою вѣроуверностію и въ новыхъ видахъ.

Будемъ надѣяться что новый Историкъ - Крипикъ все это разнообразіе мнѣній приведетъ къ одному знаменателю, и изъ хаоса писаній Византійскихъ, Арабскихъ, Западно - Европейскихъ, Скандинавскихъ и своихъ Олечесивенныхъ, опдѣлитъ свѣтъ истины отъ тьмы недоумѣній и сомнѣній. Но пока совершится это, пока раскроется положительно древнѣйшая Исторія Руссовъ, опре-

дѣлился почтиѣ и подробнѣе переходеніе ихъ и распространеніе въ нашемъ Ошечествѣ, — мы удовольствуемся для нашей цѣли своими Русскими Писателями, особенно Несторомъ, и непосредственно изъ нихъ самихъ (соображая по возможности и съ иноземными писателями) изложимъ: какъ думали у насъ на Руси о Руссахъ и Варягахъ, сихъ первосшепенныхъ дѣяшеляхъ въ началѣ Земли Руской? Этимъ историческимъ изложеніемъ мы покажемъ понятія писателей, кои сами по себѣ составляютъ предметъ нашихъ занятій (Исторіи Русской Словесности); вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшимъ себѣ и подлежащій вопросъ о племени Руссовъ и Варяговъ, сколько нужно для нашей цѣли.

§ 2.

Изъ Лѣтописи Русской видно, что Несторъ входилъ уже въ *соображенія* о началѣ прозванія Русской Земли, (безъ чего нельзя было, кажется, и обойтись писавшему о событіи семь спустя два вѣка); видно, что переименованіе Восточныхъ Словенъ общимъ именемъ Руси занимало и его самого, и его переписчиковъ и продолжателей въ среднія времена: такъ, что Лѣтопись Русская въ семь отношеніи предшавляетъ не простое сказаніе о событіяхъ, но *живнія историческія*.

Приспущая къ собственно - Русскому Бышописанью Неспоръ говоритъ: Русская Земля начала такъ прозываться при Греческомъ Царѣ Михаилѣ, начавшемъ царствовать въ 852 году. „Въ лѣто 6360, Индикта 15 день, наченшо Михаилу царствовати, начаса прозывати Руска Земля.“

Сказавъ это, онъ потчасъ - же объясняется слѣдующими словами: „О семъ бо (по еспѣ, о началѣ прованія Земли Русской) увѣдахомъ, яко при семъ Цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко-же пишется въ Лѣшописаньи Гречьспѣмъ: спѣмъ-же опселе почнемъ и числа положимъ.“ Здѣсь разумѣется нашествіе Руси на Царьгородъ, подъ предводительствомъ (владѣвшихъ Кіевомъ и землею Полянскою) Оскольда и Дира, на 14-мъ году царствованія Михаила; слѣдственно въ 866 году, который у Нестора и относится къ началу Русской Земли (7), въ которомъ дѣйствительно приходили на Царьгородъ Руссы, по сказанію многихъ Византійцевъ (8).

И такъ изъ сего ясно, что Неспоръ потому *отселя* началъ собственно - Русское Бышописанье, что имя Руси нашелъ онъ именно въ это время историческимъ, ибо Лѣшописанье Греческое было для него Исто-

ріей Всемірної; ясно також, что названіе *Русской Земли* онъ производитъ отъ *Руси*, ходившей въ 866 году на *Царьгородъ*, съ *Оскольдомъ* и *Диромъ*, изъ *Кіева*. Это основное, авторитетное Греческаго Лѣтописанья утвержденное положеніе у Нестора очевидно изъ его словъ подлежащихъ никакому сомнѣнію.

Въ подкрѣпленіе сего надо припомнить, что эти *Руссы* были первыми Христіанами *Русскими*, принявшими тогда-же Крещеніе, чудеснымъ дѣйствіемъ Святой Богоматери *Влахернской* — въ Патриаршество *Фотія*, который обращеніемъ сихъ *Руссовъ* хвалился въ окружной грамотѣ своей 866 года (9). — По этимъ *Руссамъ* Земля наша причислена къ Грековоспочной Церкви, и считалась ея бо-мъ Архіепископствомъ (10).

Оскольдъ — же и *Диръ* суть первые *Русскіе* Князья въ *Кіевѣ* (11), — въ которомъ водворившись 864 г. скоро сдѣлали они грознымъ на Черномъ морѣ имя *Руси*, и въ которомъ княжили они около 18 лѣтъ, до нашествія *Олега* (882). Ими былъ заключенъ и первый договоръ или урядъ *Руси* съ *Греками* (12); и вообще начались наши сношенія съ *Царемгородомъ*, какъ сношенія *Руси*, ибо *Кіевъ* имѣлъ оныя гораздо давнѣе.

По этимъ Руссамъ, весьма усилившимся (въ княженіе Оскольда и Дира) на Сѣверныхъ берегахъ Чернаго или Сіняго Моря, можетъ-быть и море сіе прослыло *Русскими* (13), — подобно тому какъ море Балтійское (съ Нѣмецкимъ), по Варягамъ назвалось *Варлжскими*: то и другое имя у Нестора и у Арабскихъ писателей.

§ 3.

Но откуда и когда пришли въ Кіевъ эти Руссы, и какого они были племени? — Сіе можно разрѣшить читая далѣе Повѣсть Несторову — отъ призванія Рюрика, до завладѣнія Олегомъ Кіева, и изъ его космографическаго Введенія. —

Новгородскіе Словены, Кривичи и Чудь, по изгнаніи отъ себя Варяговъ, коимъ они платили дань, и послѣ междоусобій, рѣшились *поискать* себѣ Князя, которъ-бы владѣлъ ими и судилъ по праву. Въ 862 г. они пошли за море къ *Варягамъ* къ *Руси*: ибо такъ звались иѣ Варяги, какъ другіе зовущся *Свеями*, другіе же *Урманями*, *Англянами*, другіе *Готами*. („Сице бо ся зваху тѣи Варязи сунѣ; яко се друзіи зовущя Свое, друзіи же Урмане, Анѣглане, друзіи Гѣте; тако и си“. *Лавр. сп.*)

Изъ этого повѣствованія Нестора всего болѣе заключають, будто онъ считалъ Руссовъ народомъ племени Скандинавскаго. Но изъ этихъ словъ его видно только то, что онъ *Варягами* называлъ не однихъ Шведовъ, Норвеговъ, Англянъ и Готовъ (народовъ Нѣмецкаго племени), но также и *Русь*; однако совсѣмъ еще не слѣдуетъ изъ сего одного мѣста, что бы Руссы были и племени Скандинавскаго, а кромѣ сего ни откуда уже болѣе изъ Нестора того не слѣдуетъ!

Руссы на Сѣверѣ могли именоваться *Варягами*, причисляясь къ нимъ, и не бывъ соплеменниками прочихъ Варяговъ; но по общему пребыванію ихъ на *Варяжскомъ* морѣ, — по одинакому съ ними на морѣ пому образу жизни *Варяжскому*, и даже можетъ быть по участию своему въ ихъ подвигахъ на сушѣ.

Таковыми дѣйствительно и были многіе изъ Сѣверозападныхъ Словенъ Поморскихъ, между коими были сильнѣе всѣхъ, особенно славилась на морѣ *Ружане*, называвшіеся *Ругіанами*, *Раканми* и *Руссами*.

Такъ Лешипрандъ (X в.), говоря объ Игоревомъ походѣ съ *Руссами* или *Россами*, называетъ ихъ еще и *Норманнами*, именно

„a positione“ какъ народъ *Сѣверный* „sub Aquilonis parte constituta“.

А что эти Варяги-Руссы были Словены, это увидимъ далѣе изъ Нестора; увидимъ также, что у Нестора Русь и Варяги строго различаются при описаніи Ошечеславенныхъ событій; что къ Варягамъ причисляется у него только та Русь, которая пребываетъ у Варяжскаго моря, въ оплечіе отъ перешедшей уже къ намъ Руси.

Подобно сему иноплеменные намъ Варяги у насъ, въ Русской Землѣ, принимали иногда имя Руси, но какъ мѣстное и временное, по службѣ своей.

(Варяжскій и Новгородскій Князь Олегъ, по завладѣніи Кіевомъ, назвался *Русскимъ Княземъ* (14), — также, какъ послѣ Липовскій Князь Гедиминъ, сдѣлавъ поже (1320), назвался и *Княземъ Русскимъ*; какъ Польскій Король Казиміръ, по овладѣніи Галиціей или Червоною Русью (1340), назвался и *Королемъ Русскимъ*.)

§ 4.

Перейдемъ къ призванію Князей и пришествію съ ними Руси въ землю Новгородскую.

„Ркоша Русь, Чудь, Словене, Кривичи и Вся (15): земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ; да пойдѣте княжити и володѣти нами!“ Въ-слѣдствіе сего призванія — „изъбрашася при бранѣ съ роды своими, пояша (взяли) по собѣ всю Русь, и придоша.“

Разсмотримъ сначала призваніе, одно изъ трудныхъ мѣстъ для объясненія, по самой краткости своей.

Въ спискѣ Лаврентьевскомъ — „рѣша Русь“; въ Ипатьевскомъ — „ркоша Русь“.

По буквальному смыслу обоихъ древнѣйшихъ списковъ выходитъ, будто *Русь* участвуетъ въ призваніи Князей и говоритъ заодно съ Словено-Чудскими послами — (въ качествѣ ли посредниковъ, или полководцевъ — это неизвѣстно, да и здѣсь для нашего вопроса еще неважно); а потому и надо-бы предположить, что искатели Князя, пойдя за море къ Варягамъ - Руси, звали ихъ княжить на свою сторону и говорили сначала имъ свою рѣчь; но на оную видно изъ той Руси вызвались не Князя, а просто только охотники идти въ Новгородскую землю, — и по ихъ указанію и въ ихъ сопровожденіи послы обратились съ своею рѣчью къ Рюрику, Князю другихъ Варяговъ, ближайшихъ

(по связямъ и отношеніямъ или по сосѣдству) къ той Руси (16).—

Въ Кенигсбергскомъ спискѣ, вмѣсто „рѣша Русь“, поставлено „рѣша Руси“,—что предпочелъ и Тимковскій, при изданіи Лавреншьеваго списка. Если и такъ принять, то сущность дѣла мало измѣнилась: пусть искатели Князя сказали рѣчь свою только Руси; все-же отъ этой Руси свѣдалъ Рюрикъ о призваніи, и воспользовался онымъ. —

Въ прочихъ позднѣйшихъ спискахъ поставлено уже „рѣша Варягомъ“; Рюрикъ съ братьями названы „Князьями Нѣмецкими, избравшимися отъ Нѣмцевъ“; вмѣсто „поша по собѣ всю Русь“ говорится „поша съ собою дружину многу“; а въ Шолениковомъ спискѣ вмѣсто „идоша къ Варягомъ къ Руси“ поставлено „идоша къ Варягомъ изъ Руси.“

Тутъ уже нѣтъ Варяговъ - Руси, — и уже не Неспорово сказаніе, а мнѣнія переписчиковъ среднихъ временъ, которые подъ Варягами разумѣли Нѣмцевъ, а Руссовъ описали отъ нихъ, и производили большею частью отъ Росса, упоминаемаго въ Библии у Іезекіиля, — думая первое можетъ-быть по старинному народному преданію, а во вто-

ромъ утверждаясь мнѣніемъ Макарія, оцѣ кошораго особенно распространилось оное, и по вліянію кошораго въ Степенной Книгѣ сказано: „послаша Русь къ Варягомъ и придоша изъ за моря на Русь“.—

Обратимся къ Неспору. У него несказано оцѣ какихъ именно Варяговъ избрался Рюрикъ; но у него Варяжская Русь показана вообще на Прибалтійскомъ Западѣ, за Поморьянами или за Одеромъ,—и по соображенію сего показанія съ его словами, „идоша *за море* къ Руси,“ я думаю, что это скорѣе всего могли быть Ружане или Руссы острова Ругена, лежащаго недалеко оцѣ Южной Юшландіи. А какъ въ то время усиленія Норманскихъ находовъ, *волкомъ рыскалъ* (17) по Сѣверозападу сынъ Короля Юшландскаго Гальфдана *Рорикъ* или *Рѣрикъ*, и сказанія объ немъ Западныхъ Лѣтописей замѣчательно совпадаютъ съ повѣствованіемъ Неспора о Князѣ Рюрикѣ; то и можно почти навѣрное положить, что сей Рорикъ и нашъ Князь Рюрикъ были одна и та-же особа (18). Безъ сомнѣнія онъ былъ очень тошовъ княжить въ обширномъ Оспрагардѣ, кошорый самъ напрашивался *подъ его руку*.—Подъ знамена сего „Нѣмскаго Князя“ (*Арх. Лѣт.*) набралось много Руси, какъ видно изъ словъ Неспора; и такимъ об-

разомъ Руссы пришли въ Новгородскую землю въ числѣ Рюриковой дружины, коюрой знаниѣйшую часть составляли по всей вѣроятности однородные ему Варяги—Даны.

§ 5.

Мѣстопробываніе *Руси* на Прибалтійскомъ Западѣ по Нестору можно опредѣлить изъ его космографическаго Введенія въ связи съ выше - приведеннымъ (§ 3) исчисленіемъ народовъ Варяжскихъ (*Свеи, Урмане, Англыне, Готы*).

Несторъ говоритъ (*Лавр. Сп.*): „Ляхове же, и Пруси, Чюдъ присѣдѣхъ къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдѣхъ Варязи сѣмо ко востоку до предѣла Симова; по тому же морю сѣдѣхъ къ западу до земли Агнянски и до Волошъски; Афешово бо и то колѣно: Варязи *Свеи, Урмане, Русь, Англыне*.“

И такъ Варяги во-первыхъ сѣдѣхъ по Варяжскому морю къ Востоку оупь *Полморской Чуди* (Эспландской). Кпо эми Варяги—у Нестора не сказано; поелику-же между Варягами, сѣдѣщими къ Западу, неупоминающагося Готы, то не разумѣль-ли Несторъ сихъ заморскихъ обитателей Готъ.

скаго берега? Но кромѣ того подѣ Воспочными Варягами, проспиряющимися до предѣла Симова, онѣ весьма могѣ разумѣть Варяговъ насельниковъ по нашему Сѣверу.—

Западные Варяги у него считаются по порядку къ Западу: по ту сторону моря—*Свеи, Урмане*; по сю сторону—*Русь, Англяне*.

(Между Западными и Воспочными Варягами присѣданы къ морю, начиная съ Воспока: Чудь (Поморская), Пруссы и Ляхи. Ляхи у Нестора показаны на Вислѣ; къ Ляхамъ онѣ причисляются *Лутигей, Мавовшанъ и Поморянъ* (говоря: „Ляхове друзіи Лупичи, ини Мавовшане, ини Поморяне“).

И такъ Западные Варяги на Южномъ Поморіи по Нестору начинаются тамъ, гдѣ кончались *Поморяне* (собственными именами означенные и причисленные къ Ляхамъ) и проспиряются на Западъ до *Земли Волошской* (Франціи). А на этомъ пространствѣ отъ Одера къ Эльбѣ, въ этой terra hoggoris для Имперіи,—всплошь отъ Поморянъ жили также народы Словенскіе. Посему и видно, что къ Варягамъ относились у Нестора эти Словенскіе народы. За Одеромъ жили *Руссы*, подѣ разными видоизмѣненіями

ми своего имени (19), — *Вильки* (Меклембургцы), *Вагры* (Голштинцы); но изъ всѣхъ ихъ, а можетъ быть и для всѣхъ ихъ, у Неспора одно только имя — *Русь*; а за Русью — *Агняне* или *Англяне*, самые Западные Варяги. Но ближайшими къ намъ и къ Поморянамъ Руссами были Ружане, живели острова Ругена. Сии Руссы у Словенскихъ народовъ пользовались особенною извѣстностью по торговлѣ, морской силѣ и орakuлу своему, на поклоненіе коему ходили они; да и Неспоръ говоришь „идоша за море“; посему я и предполагаю, что всего скорѣе къ нимъ могли попастьъ Новгородскіе искашени Князя.) — Естеспвненно, что съ просьбою къ себѣ на княженіе они обратились къ Руссамъ, какъ къ своимъ соплеменникамъ; а не пошли къ прежнимъ, безъ сомнѣнія ближайшимъ Варягамъ, коихъ власшь и право уже нѣхоща разъ испытывали и коихъ они прогнали, какъ *враговъ* своихъ: эши Варяги и безъ нихъ знали, что Земля ихъ велика и обильна... —

Слова Неспора „пояша по собѣ всю Русь“ значашъ не то, что бы Руси тогда совсѣмъ уже не осшалось на прежнемъ ея мѣстѣ. Рюрикъ взялъ съ собою „всю Русь“ при немъ бывшую или къ нему приславшую: это понятно и безъ перемѣны

эпихъ словъ на „дружину многу“, сдѣланной позднѣйшими переписчиками. Руссовъ довольно оставалось еще на Западѣ за Одеромъ и въ XI вѣкѣ; поному - то Неспоръ въ своей Космографіи и упоминаетъ *Русь* дважды: одинъ разъ — какъ общее имя нашихъ Восточныхъ, уже Русскихъ Словенъ и переселившихся къ нимъ Руссовъ; а въ другой разъ — какъ народъ еще Западный и Варяжскій. И Шлецеръ по-напраснѣ въ обоихъ эпихъ мѣстахъ Неспорова слово *Русь* почиталъ вслѣдствіемъ переписчика; а „дружину многу“ позднѣйшихъ переписчиковъ предпочиталъ *всей Руси* Неспора.

(А что дѣйствительно *Русь* оставалась еще послѣ 862 года на Западѣ за Одеромъ, гдѣ показывается ее Неспоръ, и что эти Руссы были Словены, тому, къ прежде-извѣстнымъ у насъ свѣдѣніямъ, Морошкинъ (20) нашелъ новыя, ясныя доказательствя въ Западныхъ писаніяхъ, коими до него не воспользовались Крипники. Особенно важно извѣстіе объ участіи Русскаго Князя (*Principes Russiae*) *Велелира*, Русскаго Герцога (*Dux Russiae*) *Радеботта* и Ружскаго Князя *Венцеслава* (*Pr. Rugiae*) въ Магдебургскихъ Турнирахъ Генриха Пипцелова 958 г. Ибо изъ сего видно (по условіямъ Турнира), что эти *Russia* и *Rugia* въ

первой половинѣ X вѣка были въ предѣлахъ Римской Имперіи; что эти Русскіе Князья были Вассалами Императора, были вѣры Западной, которая до Нестора еще называлась у насъ *Варяжскою* (см. § 9), а въ среднія времена *Неметьскою*) (*Соф. Врем.*).

Самыя имена этихъ Русскихъ Князей: Велемиръ, Радебоширо, Венцеславъ, суть Словенскія. Тамъ-же за Одеромъ (въ *Руденіи*, по Силезскимъ Грамотамъ) встрѣчающіяся фамиліи съ Русскимъ окончаніемъ *-овъ*, какое несвойственно Скандинавскимъ именамъ, — равно и деревни съ окончаніемъ *-ово* (на-пр. Завидово), рѣки съ окончаніемъ *-иха* (Сѣнниха, Десниха, Юниха). — Но Варяжскія имена нашихъ первыхъ Князей: Рюрикъ, Труворъ, Олегъ, Игорь, Оскольдъ, — имена другихъ находниковъ Варяговъ; суть не Словенскія, а Скандинавскія. Такъ и между послами въ Олеговомъ Договорѣ различаете Карла, Руальда, опъ Вельмудра; въ Игоревомъ Договорѣ: Ивора, Акуна, Грима, опъ Праспѣна, Володислава, Воика. —

§ 6.

Посмотримъ теперь на появленіе Руси въ Кіевѣ.

По приходѣ своемъ съ Русью въ Новгородскую землю „старѣйшій Рюрикъ сѣде въ Ладозѣ (21), а другій Синеусъ на Бѣлѣ-озерѣ, а третій (въ) Изборьстѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Руская Земля, Новугородъци: пи сущь людѣе Новугородъци отъ рода Варяжъска, преже бо бѣша Словѣни.“

Изъ этихъ словъ Шлецеръ заключилъ, будто у насъ Русскою Землею назвался сначала и долго назывался одинъ Сѣверъ, и именно Новгородъ (22). Но сего опять не слѣдуетъ ни изъ самихъ этихъ словъ Нестора, ни изъ перваго положенія его о прозваніи Русской Земли (§ 2), ни изъ его дальнѣйшаго повѣствованія.

По-моему смыслъ этихъ словъ такой, что *отъ тѣхъ* пришельцевъ или находниковъ получили свое прозваніе и *Русская Земля*, и *Новгородцы*, коихъ предки — спарожилы или насельники Новгородскіе — назывались прежде Словенами.

Русская Земля такъ прозвалась *отъ тѣхъ*, разумѣется отъ Руссовъ; ибо отъ Варяговъ она скорѣе прозвалась - бы Варяжскою. О семъ прозваніи Несторъ объяснился уже сначала, и здѣсь говоритъ какъ уже объ извѣстномъ, повторяетъ для связи сего ска-

занія о пришествіи Руси съ прежде-указаннымъ на нихъ извѣстіемъ, о коемъ подробнѣе рассказываетъ онъ послѣ, въ свое время, т. е. подъ 866 годомъ.

(Но о прозваніи *Новгородцевъ*, упомянутомъ здѣсь впервые, Несторъ здѣсь-же и объясняется; и я такъ понимаю слова его: что *Новгородцами* назвались на своемъ новосельи водворившіеся въ Новѣгородѣ Князья съ родомъ (25) своимъ Варяжскимъ; а *отъ тѣхъ* уже находниковъ-Варяговъ прозвались *Новгородцами* и старожилы Словены (подобно тому, какъ Русью назвались прежде всего Поляне, а Полянская земля Рускою Землею — отъ своихъ находниковъ-Руссовъ).)

Рюрикъ черезъ два года, по смерти братьевъ, пріѣхши власть одинъ, роздалъ города своего Новгородскаго Княженія мужамъ своимъ, Варягамъ. „И по тѣмъ городомъ (по-ясняетъ Несторъ) сунѣ находници Варязи; а первіи насельници—въ Новѣгородѣ Словѣне, въ Полошскѣ (и въ Изборскѣ) Кривичи, въ Рословѣ Меря, въ Бѣлѣ-озерѣ Весь, въ Муромѣ Муромы; и тѣми всѣми обладалъ Рюрикъ“ княжившій въ Новѣгородѣ.

И были у него два мужа, Оскольдъ и Диръ, „не племени его, ни боярина“, коимъ

не далъ онъ „ни града ни села“ (какъ сказано въ Арханг. Лѣтоп.). И они испросились къ Царюгороду съ родомъ своимъ, и пойдя по Днѣпру оспнались гъ Кіевѣ; и „многи Варяги совокупиша“ спали владѣти землею Полянскою.—

Съ уходомъ симъ мужей опъ Рюрика, въ Новгородскомъ Княженіи словно неспало Руси; ибо, по Лѣтописи Нестора, въ Повѣгородѣ и прочихъ городахъ Рюрикова владѣнія видимъ только *Варяжскій родъ*, только распространеніе и усиленіе *находниковъ Варяговъ*; а въ поже почти время *Русь* является и дѣйсвуенъ на Черномъ морѣ, подъ предводителствомъ своихъ Кіевскихъ Князей, подъ своимъ собственнымъ именемъ.

До перехода Олега въ Кіевъ, ни онъ самъ, ни Рюрикъ съ братьями, ни Игорь, не называющіся Русскими Князьями; да и въ войскѣ, съ коимъ Олегъ съ Сѣвера шель на Кіевъ, были Варяги, Словены, Кривичи и Чудъ, а Руси не было; и въ Рюриковомъ Княженіи слѣдъ ея виденъ развѣ только въ имени рѣки *Порусь* и гѣрода *Старал Руса* или *Русь*.

Между тѣмъ Русь распространяется, усиливается въ Кіевѣ или Полянскои землѣ (24), откуда она дѣйствуетъ и въ послѣдствіи.

Изъ сего уже, мнѣ кажется, всего прослѣдѣе заключить, что Русь перешла на Днѣпръ съ Оскольдомъ и Диромъ; а потомъ приспала къ нимъ и часть Варяговъ, для овладѣнія Полянскою землею, при чемъ вѣроятно не обошлось безъ драки съ Козарами, коимъ данниками были Поляны (25).

Тамъ и прозвалась *Русская Земля*, отъ тѣхъ Руссовъ, пришедшихъ сначала на нашъ Сѣверъ съ тремя Варяжскими Князьями и ихъ родомъ. Принадлежа къ Варяжской дружинѣ Рюрика, Русь могла еще числиться подъ общимъ именемъ Варяговъ; но потомъ отдѣлилась подъ собственнымъ именемъ.

Такимъ же образомъ и Варяги, оппавшіе отъ Рюрика, приспавали къ дружинѣ Русской, къ Руси Оскольдовой на Югѣ; тамъ, въ Землѣ Русской, они дѣйствовали уже подъ общимъ, главнымъ именемъ *Руси*.

Изъ этого выводъ, мнѣ кажется, согласенъ съ первымъ, главнымъ положеніемъ Неспора, и съ послѣдующимъ его сказаніемъ. —

Мы видѣли (§ 4), что въ позднѣйшихъ спискахъ Лѣтописи, въ выше-приведенномъ мѣстѣ, опносительныя слова *Русь* находятся разногласія: продолжатели измѣняли текстъ, каждый по своему разумѣнію о Руси — такъ, что при ихъ сличеніи находите обоюдность весьма выгодную для историческихъ системъ, видите только разные мнѣнія переписчиковъ среднихъ временъ, и не можете опредѣлить, прямо и непосредственно изъ нихъ, какъ думалъ и какъ хотѣлъ сказать самъ Несторъ, — чего и добивался Шлецеръ въ своемъ *Сводѣ*. Самъ Шлецеръ говорилъ, что это разногласіе въ тѣхъ именно словахъ, отъ коихъ зависить объясненіе откуда Русь получила свое названіе; но не смотря на то, Шлецеръ изъ этихъ-то словъ вывелъ, будто Руссы были Варяги - Скандинавы, и именно Шведы. А принявъ это будто по Нестору (въ самомъ-же дѣлѣ по Тунману), онъ не только нападавшихъ въ 866 году на Царьгородъ Руссовъ, вопреки Нестору, призналъ за особый сильный *Черноморскій* народъ Азіатскаго племени (26); но сказалъ даже, что не должно и упоминать въ Русской Исторіи объ этихъ Руссахъ 866 года, отъ коихъ именно Несторъ и ведетъ начало *Русской Земли*. Отверженіе жестокое, особенно для нареченнаго *отца* нашей исторической крѣпички, но не

сильное пропиту испины: ибо только по сказанъ самъ Шлецеръ, что Руссы и Варагы прочіе — были народы разноплеменные!

§ 7.

Послѣдуемъ далѣе за Несторомъ, съ пришествіа Олега въ Кіевъ.

Мы уже замѣтили, что въ Рюриковомъ Княженіи на Сѣверѣ не-упоминается у Нестора ничего Русскаго, по опложеніи Оскольда и Дира; что Русь дѣйствуетъ на Югѣ, и опъ нея въ Кіевской области, въ землѣ Полянской начинается *Русская Земля*.

Тамъ въ теченіе 18 лѣтъ безъ-сомнѣнія утвердилось имя *Русское*, о которомъ молва достигла къ Корсунцамъ и Грекамъ безъ-сомнѣнія еще до похода въ 866 году, какъ объ имени народа, овладѣвшаго Полянскою землею и Кіевомъ. — Историческая рѣка *Рось* или *Русь* (27) и впадающая въ нее рѣчка *Россава* такъ назвались вѣроятно потому, что на нихъ Руссы имѣли одно изъ главныхъ либо первыхъ своихъ поселеній; таково-же бытъ-можетъ и происхожденіе села *Русанова*, находившагося на лѣвой сторонѣ Днѣпра верстахъ въ 30 отъ Кіева (не-

вдалекѣ опѣ Борисполя. — См. Чернижежъ Украины Боплановъ).

Съ приходомъ Олега въ Кіевскую Землю происходитъ новое утверждение въ ней и распространение на другія области имени Русскаго. — Оскольдъ и Диръ, княжившіе въ Кіевѣ, не бывъ княжескаго рода, были безъ сомнѣнія ненавистны для нашихъ Варяжскихъ природныхъ Князей за свое оппаденіе опѣ нихъ, возвышеніе, а можетъ-быть и Христіанство, — за оплученіе Руси опѣ Рюрикова Княженія; припомъ въ Никоновской Лѣтописи упоминается, что въ 867 г. многіе Новгородскіе мужи убѣждали опѣ Рюрика въ Кіевѣ, что Оскольдъ и Диръ воевали Полочанъ, уже принадлежавшихъ Рюрикову Княженію (25). Воишель Олегъ умерщвляетъ эшихъ первыхъ Князей Русскихъ, овладѣваетъ Кіевомъ и принимаетъ на себя имя Русское, распространяетъ его на все: онъ уже *Русскій Князь*; Кіевъ опѣ него нареченъ *Матерью Русскихъ городовъ* („Чернигову, Переяславлю, Полоцку, Рослову, Любечу, и прочимъ городамъ“); онъ обладаетъ уже всею Землею Русскою (какъ сказано въ нѣсколькихъ спискахъ); бывшіе при немъ „Варяги, Словены и прочи прозваша Русью“; подъ общимъ именемъ *Руси* въ 907 году идущъ на Царьгородъ и Варяги, и Словены,

и Поляны, и другіе; и Варяжскіе мужи Олеговы—Карль, Ингельдъ, Руальдъ и и. п. въ мирномъ Договорѣ съ Греками говорили уже: „Мы опъ рода Рускаго“.—

Такое предпочтеніе и принятіе Русскаго имени Олегомъ по завладѣніи Кіевомъ, было безъ сомнѣнія пошому, что здѣсь имя это было уже утвердившееся и извѣстное на Югъ, особенно Грекамъ; что господствовавшихъ здѣсь Руссовъ, по убіеніи Князей ихъ, надо было привлечь къ себѣ и предпочтеніемъ ихъ имени, и можетъ-быть даже повелѣніемъ Грекамъ: шить парусы для Руси *навологитые* (маперчатые), а для Словень (Новгородцевъ) — *кропинные* (положняные).

И такъ Кіевъ есть мать городовъ Русскихъ: *отсюда пошла Земля Русская!* отсюда сыны ея растекались грозными спаницами на Югъ, на свое Русское море, по копорому ходили они на всѣ стороны. Съ Игоремъ (941 г.) они воевали уже страну Вифанскую, и воевали по Понпу до Иракліи и Пафлагонской земли, поплѣнили всю страну Никомидскую, и сожгли всю Суду (28). При Святославѣ уже завоевана была Козарія, уже Тмушараканъ (Тамань), и Косоги (Черкесы) и Ясы (Осепины), и

Болгарія — были *подъ Русью* (29). Изъ Кіева распространилась и Вѣра, и грамота и все Просвѣщеніе Русское. Оскольдъ и Диръ первые положили начало Руси; Вѣщій Олегъ былъ распространишель и возвеличишель ея имени, и водворишель Рюрикова Княжескаго племени на ея пресполѣ; а Святославъ былъ первый Русскій Князь уже и по имени Русскому, уже опмѣнившійся въ образѣ жизни и войны; самый видъ его былъ болѣе Азіатскій, чѣмъ Скандинавскій.

§ 8.

Такимъ образомъ имя *Русина* спало господствующимъ; его принимали всѣ вступающіе подъ знамена Кіевскія и служившіе Князьямъ Русскимъ: поному и Варяги-Скандинавы могли въ общей массѣ называться *Русью*, не бывъ населяющими природными Руссами; какъ и теперь называется *Руски* каждый подданный Русской Державы каждый служащій Россіи.

У Нестора имя Руси принимается различно: 1) какъ имя *общее* народамъ, вступающимъ подъ знамена Русскія; 2) какъ географическое имя *Земли Русской собственно*, простирающееся и на всѣ области и города, кои принадлежали къ Кіевскому

Княженію, были *подъ Русью* (30); 3) наконецъ и какъ имя особаго народа въ Русской Землѣ (31), но въ этомъ случаѣ оно всегда опличено отъ имени *Варяга*, которымъ въ Неспоровой Повѣсти о внутреннихъ событіяхъ Русской Земли означаются собственно Скандинавы. Русинъ у Неспора — на Югѣ, на Днѣпрѣ; Варягъ приходитъ съ Сѣвера, изъ-за моря. Въ подтвержденіе сего приведу еще нѣсколько мѣстъ изъ Неспора.

Игорь совокупилъ вои многи: *Варяги, Русь, Поляны, Словены, Кривичи, Тиверцы, Печенѣги*; и про все это ополченіе Корсунцы и Болгары говорили: „се иде Русь!“ Въ семъ послѣднемъ случаѣ *Русь* — имя родовое, даже для Печенѣга; но подъ нимъ числился и особый народъ — *Русь*, но есть также и *Варяги*.

Ярославъ на Святополка шелъ изъ Новгорода съ *Варягами* и *Новгородцами*; Руси небыло. Но когда онъ сѣлъ въ Кіевѣ на опщевскомъ и дѣдовскомъ Пресполѣ, тогда прошиву Болеслава и Святополка ходилъ уже „совокупивъ *Русь*, и *Варяги*, и *Словѣне*.“ Опять Русь идеть съ Юга! — Въ 1043 году Ярославъ послалъ сына своего Владиміра на Грековъ, давъ ему „вои многи — *Варяги, Русь*.“ По приходѣ къ Дунаю, Русь говори-

ла Владиміру: „спанемъ здѣ на полѣ“; а Варяги говорили: „шойдемъ въ лодіяхъ подъ городъ“. (*Соф. Врем.*)

Варягъ, хошя и дѣйспвуешъ подѣ именемъ Руси и принимаетъ Христіанство, но осмается Варягомъ, Заморлиномъ, не-Рускимъ! Таковъ онъ являешся особенно въ сказаніи о Владимірѣ. Услышавъ въ Новѣгородѣ, что Ярополкъ убилъ Олега, Владиміръ бѣжалъ за море; Ярополкъ-же посадилъ своихъ Посадниковъ въ Новѣгородѣ, и былъ одинъ владѣтелемъ въ Руси. Пришелъ Владиміръ съ Варягами въ Новгородъ; собралъ вой многи—Варяговъ и Словенъ, Чудъ и Кривичей, и пошелъ сначала въ Полошскъ на Рогволода, а потомъ въ Кіевъ; и когда, по умерщвленіи Ярополка двумя Варягами, Владиміръ спалъ Кіевскимъ Княземъ, то *Варяги*, помогши ему овладѣть Кіевомъ, домогались у него дани съ сего города; но онъ „избра опъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры“, а прочихъ прослалъ въ Царьгородъ, отправивъ на-передъ посла, говоря такъ: „Царю, се идушъ къ тебѣ Варязи; не мози ихъ держати въ градѣ, оли то спворятъ ни зло, яко и сде, но распочи я разню, а сѣмо не пущай ни единого“. (32)

§ 9.

Изъ сказаннаго доселѣ видно, кажется, что *Руссы* и *Варяги* въ нашихъ Лѣтописяхъ принимаются какъ два различные, разноплеменные народа. Въ древнемъ Бытописаньи Русскомъ, Варягъ сперва являлся и изгонялся какъ заморскій врагъ и разбойникъ; потомъ какъ призванный изъ заморья властитель и на-
ходникъ; наконецъ какъ *привабленный* и наемный воинъ, какъ меченосецъ заморскій (какимъ онъ былъ и въ Царьгородѣ подъ именемъ Варанга). Опъ чего-бы ни произошло первоначально имя Варяга (33), но Варягами-собственно называется у Неспора всякій народъ Скандинавскаго племени: для всѣхъ ихъ безразлично, со-времени ихъ вражскаго нападенія изъ заморья въ 859 году, въ Неспоровой Повѣсти одно имя *Варягъ*, какъ племенное, общее, посполное, неопидающее опъ нихъ ни въ Новѣгородѣ, ни въ Кіевѣ, ни на Черномъ, ни на Варяжскомъ морѣ, ни въ язычествѣ, ни въ Христіанствѣ.

Западная, поморская Русь у Неспора причисляется къ Варягамъ, не по племени и языку, ибо племени и языка она была Словенскаго. Къ Варягамъ причисляется у Не-

спора Западная Русь по общему съ ними мѣстопребыванію и образу жизни; по союзничеству и наконецъ одновѣрству съ насѣющими Варягами, въ оплечіе отъ Руси Восточной „Христіанской или Правосѣрной“, уже сроднившейся съ Юговосточными Словенами.

Въ такомъ только смыслѣ можно считать Западную Русь *Норманами*; ибо и съ этимъ словомъ у Германцевъ и другихъ соединялось понятіе Сѣвернаго врага — воителя или разбойника, а не различіе племени. Въ такомъ смыслѣ Несторовы *Варяги* тоже, что *Норманы*.

Такъ въ среднемъ періодѣ у насъ именемъ *Татарина* назывались новые враги наши — наѣздики Азіатскіе, съ огнемъ и мечемъ нахлынувшіе изъ-за Урала въ XIII вѣкѣ; но между ними были совершенно розныя племена — и Монгольскія, и Турецкія, коихъ облики по сю пору еще можно различать, наприм. между Татарами Крымскими. Такимъ-же образомъ разноплеменные народы слывутъ у насъ подъ общими именами *Горца* и даже *Черкеса, Сибиряка, Крыльца*. —

Руссы были одного племени и языка съ Днѣпровскими Словенами, припомъ они были

освободили ихъ отъ налога Козаровъ, которымъ первую дань платились — было Поляны заплашишь обоюдодуспрыми мечами: попому Руссы лучше принялись, скорѣе присвоились имъ, шѣснѣ сроднились и слились съ ними.

Но Варяги были иноязычники, иноплеменники Словенамъ: Варяги только жили да работали у нихъ; и мы видѣли выше, какъ разумѣлъ ихъ Владиміръ, бывъ еще въ язычествѣ (§ 8). — „Варязи бяху мнози у Ярославѣ, и насилѣе шворяху Новгородцемъ и женамъ ихъ: вспавше Новгородци избиша Варягы“; а сказаніе о Радимѣ (25) показываетъ какъ еще съ первыхъ временъ принялись Варяжскіе Князья у Словенъ Новгородскихъ.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ имя Руси все болѣе и болѣе усвоилось Восточнымъ Словенамъ, съ именемъ Варяга у Руссовъ умножалось понятіе о чужомъ, не Русскомъ; и въ половинѣ XI вѣка словомъ *Варяжскій* означали у насъ уже противоположное Греко - Восточному и Словено - Русскому — *Западное*.

Такъ въ Описаніи Преподобнаго Феодосія Печерскаго Изяславу: *Варяжскою вѣрою* называется Западная или *Латинская* вѣра, въ

противоположность Русскому Православію. *Варягъ и Латинникъ* у него одно, — и онъ сильно увѣщеваетъ Князя (34) „блюсти себя отъ *Варяговъ*, не присвоивши имъ; и своихъ дочерей — говоритъ — недоспойно Хрестіянномъ давши за ня, ни поймаши за себе у нихъ, ни брашисися съ ними, ни кумисися.“ — И такъ еще до Нестора на *Варяга* смотрѣли Руссы именно какъ на *иноверца Западнаго*, — противоположали *Хрестіанину, Правовѣрному*, особенно въ обществѣ *Евфросіевоу*, гдѣ и Нестору не могло быть чуждымъ такое понятіе.

Въ томъ-же смыслѣ и въ Новѣгородѣ употреблялось слово *Варяжскій* въ половинѣ XII вѣка. Кирикъ вопрошаетъ Архіепископа Илію: „А оже се носили (жены) къ *Варяжскому* попу дѣши на моливу? — Шесть недѣль опишемъе, рече, зане-же акы двовѣрци суть.“

Но Несторъ сохранилъ историко-географическое значеніе *Варяговъ*; а *Западныхъ или Германскихъ Тевтоновъ* называетъ *Нѣмцями*, именемъ (по мнѣнію Болтина) происшедшимъ отъ Германскаго народа, издревле называвшагося *Нѣмцами*. Такъ въ космографическомъ Введеніи исчисляются народы, идущіе по Западу, къ Югу отъ *Варяговъ*: „*Галичане* (т. е. Галлы), *Волхва*, *Римляне*,

Ильци, Корлязи, Венъдици, Фрягове и прочіи“ (35). И въ самой Повѣсти его—,приходиша (къ Владиміру, 987 г.) *Ильци* глаголюще: придохомъ посланіи отъ Папежа“.

Такъ и Мишпрополишъ Никифоръ въ посланіи къ Мономаху говоритъ: „попомъ-же преиша спараго Рима *Ильци*, и обладаша землею тою. И по малъ времени спари и Правовѣрніи мужи, иже храняхушъ и дръжаху законъ Хриспсвъ и Святыхъ Апосполъ и Святыхъ Опець, окъидоша; по умеривіи онѣхъ мѣладіи и неупверженіи прельспи Нѣмечьскѣй въслѣдоваша...“

Такъ и у Пѣвца Игоря: въ Кіевѣ—,шу *Ильци* и Венедици, шу Греци и Морава поюшъ славу Святъславлю“; а въ Крыму— „*Готскія* красныя дѣвы въспѣша на брези Синему морю.“

Такъ и въ Уставѣ о городскихъ мостѣхъ (постановленномъ въ концѣ XII в., вѣроятно Ярославомъ Владиміровичемъ II) различаюся еще въ Новгородѣ—*Ильци* и *Гти* (т. е. Готы).

Но съ XIII вѣка имя *Ильца* распространяется у насъ уже и на Варяжскихъ или Скандинавскихъ Тевтоновъ. Такъ въ Договорѣ Смоленскаго Князя съ Ригю и Голскимъ берегомъ (1228 г.) жилили обоихъ назы-

вающаго обыкновенно Лапшанами, Лапшинскимъ языкомъ, но также *Нѣмцями* и *Нѣмщицею*.

Въ среднемъ-же періодѣ эпимъ именемъ спали пояснять старое имя (Варяга). Такъ въ Полешиковомъ спискѣ Лѣтописи сказано, что Рюрикъ избрался „опѣ Варягъ опѣ Нѣмецъ“; въ прочихъ спискахъ уже просто „опѣ Нѣмецъ“ или „изъ Нѣмецъ“. Въ Софійскомъ Временникѣ надъ выше-упомянутымъ посольствомъ Нѣмцевъ опѣ Папежа къ Владиміру поставлено: „О Нѣмешской вѣрѣ“ (вмѣсто прежняго имени — Варяжской или Лапшинской); а надъ присланіемъ опѣ Грековъ Философа: „О вѣрѣ Христіаньской.“

Такимъ образомъ эпимъ новымъ словомъ замѣнилось старое слово *Варягъ*, которое изъ прежняго выше-изложеннаго значенія его у насъ (какъ заморскаго разбойника и *ворога*, потомъ какъ наемнаго Скандинавскаго воина и меченосца) перешло въ значеніе иноплеменика и иновѣрца Европейскаго, и въ послѣдствіи обратилось въ понятіе *воряги*, съ которымъ не-шутя изъясняли имя Варяга — даже Кониискій, въ своей Истории Малой Россіи.

Но и слово *Нѣмецъ* скоро вышло изъ предѣловъ своего прежняго, племеннаго зна-

ченія — сначала Неметовъ, потомъ всѣхъ Германцевъ, а потомъ всего Тевтонскаго племени. *Нѣмецкими* спали называли въ народѣ уже неопредѣленно не только все Европейское, Западное, но и все *иноязыч-ное*, неговорящее словами Словенскими или Русскимъ языкомъ, и поному какъ-бы *нѣ-мос*. Такъ до XVIII вѣка назывались у насъ *Нѣмцами* вообще всѣ почти Европейцы, приходившіе въ Россію. Въ Никоновской Лѣтописи: „А Югри есть народъ нѣмъ; они говорятъ, но языка ихъ никто неразумѣетъ“. — Такъ въ пѣснопѣиіи народномъ среднихъ временъ обѣ *Иванъ Годиновичъ* находите:

„Въ дальню Землю Загорскую,
За Царя Афромѣя Афромѣевича,
За Царя отдашь — ей Царицею слышишь,
Пановя всѣ поклоняшся,
Пановя и Улановѣя (35),
А Нѣмецкихъ языковъ счешу нѣмъ!“ —

Примѣровъ такого распространенія и пре-
ращенія въ смыслъ именъ народныхъ можно
привести большое число. — Такъ Лапыши
называютъ *Кревали* не однихъ Бѣлоруссовъ,
но и всѣхъ Рускихъ, поному что Кривичи,
были къ нимъ ближайшіе. Такъ *Франкали*
по сю пору Черкесы называютъ вообще Ев-
ропейцевъ; а у Рускихъ это слово совсѣмъ

поперяло значеніе народа. Такъ *Берендѣй*, имя столь близкаго и извѣстнаго намъ въ древнее время народа, осталось теперь только въ имени сказочнаго царя Берендѣя. *Словены* назвались этимъ именемъ по глубокому въ себѣ чувству Божеслвеннаго дара слова, отъ чего произошли имена и славы, и хеловѣка. Но нѣкоторые Европейскіе народы это племенное имя наше обратили въ значеніе *слава*, какъ Спартанцы народное имя *Илотовъ*. Такъ славное имя Грека у Сербовъ перешло въ *ерка*-торгаша; такъ у насъ народное имя Швейцара обратилось въ швейцара - придверника. —

Именемъ *Гайдамака* называли себя Запорожскіе Козаки, когда имъ была „Сѣчь мами, а Великій Лугъ батько“; но потомъ, когда вапаги ихъ, несоставлявшіе войска Запорожскаго, спали охопиться разбоемъ, — у Поляковъ, Малороссіянъ и другихъ слово *гайдамакъ* стало значить разбойника.

Такъ и слово *Козакъ*, нѣкогда бывшее кажепся племеннымъ именемъ Горскаго народа *Косоговъ*, а потомъ у Азіатскихъ Ордъ значившее вообще *наѣздника*, — у Турковъ и Тапсаръ получило бранный смыслъ, когда Козаками стали называться Запорожцы, кои

дали себя звать *Турецкии* да *Татарскии*. Напрошивъ на Украинѣ слово *Козакъ* обратилось въ народное имя, коимъ называли себя Украинцы въ смыслѣ добровольнаго воина. Такимъ-же образомъ изъ Нѣмецкаго *рейтара* (Ritter) или *всадника* образовалось при подобныхъ обстоятельствеяхъ Западное Рыцарство или Кавалерство, въ прошивоположеніиъ коему Козачество Украинское представляло собою *Рыцарство Восточное, народное*, имѣвшее и свою Козацкую Поэзію, и свои Крестовые походы за Восточную Церковь (съ 1592 года), и нашедшее себѣ Владыку въ Православномъ Царѣ Восточномъ (36).—И Бандуристъ Украинскій свою Думу о Козацкомъ подвигѣ заключалъ припѣвкою:

*Легла Козацкая, молодецкая голова,
Какъ отъ вѣтру на степи трава!
Слава—не уирутъ и не ляжетъ,
Рыцарство Козацкое всякому расска-
жетъ! (37)*

§ 10.

Изъ всего сказаннаго видно, кажется, что Землею Русскою назвалась сначала Кіевская или Полянская земля, а не Новгородская; ибо до завладѣнія Олегомъ Кіева, въ Новгородской землѣ, по Лѣтописямъ, невидно

Руси. Между тѣмъ Русь была уже и 8 лѣтъ въ Кіевѣ; попому и Земля Русская иногда называлась еще *Кіевою*, на-примѣръ: „и взяша (Батый) градъ Переяславль Рускій (38) иже въ Кіевѣ.“ (*Никон. Лѣтоп.*).

Новгородцами, какъ изъяснено въ § 6 по Несторовой Повѣсти, назвались сначала Варяжскіе находники на своемъ новосельи, а опъ нихъ уже и прежніе Новгородскіе насельники *Словены*, которые долго еще назывались этимъ народнымъ своимъ именемъ, въ опличіе опъ Новгородцевъ - находниковъ, опъ Варяговъ. Это видѣли мы уже изъ нѣсколькихъ мѣстъ Несторовой Повѣсти. Въ Русской Правдѣ также упоминаются какъ особыя имена *Русинъ* и *Словенинъ*, и особо опъ обоихъ опличается *Варягъ*. — Имя *Словенинъ*, къ Новгородцамъ относящееся, находимъ и въ Кириковыхъ Вопросаніяхъ (Епископу Нифонту) опъ половины XII вѣка (39).

И пакъ имя *Словенинъ*, какъ спародавнее для Новгородцевъ, удерживается за ними въ XI и XII вѣкѣ; но *Руссами* Словены Новгородскіе до XIII вѣка не назывались ни у нихъ самихъ, ни у другихъ Русскихъ писателей не-Новгородскихъ (40). — Новгородскій Лѣтописецъ (41), при описаніи событій съ половины XI-го и въ продолженіе

почти всего XII-го вѣка, *Русью* и *Рускою Землею* называешъ почти всегда только *Кіевскую* или *Южно-Русскую* область. —

Вопъ нѣсколько тому примѣровъ, ко-
рыхъ можно привести гораздо больше.
„Епископъ и купецъ и слы *Новгородскыя* не
пущаху *изъ Руси*“. — „Ходиша вся *Руска Зем-*
ля на *Галиць*“. — „Послаша *Новгородъци* къ
Свяпославу *въ Русь* по сынъ; и приведоша
Володиміра *въ Новгородъ*. Въ томъ-же лѣ-
тѣ на зиму иде Князь *Свяпославъ Всево-*
лодовиць Олговъ внукъ *изъ Руси* на *Суж-*
даль, а сынъ его *Володиміръ* съ *Новгородъ-*
ци *изъ Новгорода*“. —

Въ ошличіе опъ сей собственно - *Русской*
Земли или *Руси*, *Новгородскій Лѣтописецъ*
въ XII вѣкѣ *Просторускою Землею* назы-
ваешъ (какъ я полагаю) среднюю Русь т. е.
Сѣверозападную и Сѣверовосточную. На-при-
мѣръ: „Придоша подъ *Новгородъ Суждаль-*
ци съ *Андреевицемъ*. Романъ и *Мспиславъ*
съ *Смоляны* и съ *Торопцяны*, *Муромци* и
Рязанци, и вся *Земля Просторусьская*“. —

Такъ и *Лѣтопись Кіевская* *Русью*, *Рус-*
кою Землею называешъ Южную Русь, ошли-
чая тѣмъ ее опъ *Новгорода*.

Послѣ сего, мнѣ кажется, несомнѣнно
можно положить, что имя *Русской Земли*

сначала принадлежало собственно не Новгороду, а Киеву (42).

Олегъ, сдѣлавшись Киевскимъ, Русскимъ Княземъ уставилъ — „Варягомъ дань даяши ошъ Новгорода гривень 300 на лѣпо *мира-дѣля*, еже до смерти Ярослава даяше Варягомъ“. Ольга устанавливаетъ по Лугѣ оброки и дани, Новгородъ остается опять безъ особаго у себя Князя, какъ данникъ и оброчникъ Руси; и Констаншинъ Багрянородный называетъ его *Ексо-Россією* (внѣшнею Россією). — Въ такомъ общемъ, географическомъ смыслѣ имя *Руси* могло простереться на Новгородскую землю не прежде, какъ по завладѣніи Киева Олегомъ, когда и Новгородъ вмѣстѣ съ прочими городами спалъ *подъ Русью*.

Въ 970 году люди Новгородстїи (виднo опять не-поладивъ между собою безъ Князя) идушъ просятъ себѣ Князя у Руси, но уже Киевской. Просьба ихъ была не-совсѣмъ покорнѣйшая: если не пойдете къ намъ (говорили они), то найдемъ себѣ Князя. — Только-бы кто пошелъ къ вамъ! — сказалъ имъ Святославъ. Но они, по указанію Добрыни на своего племянника, у Великаго Князя выпросили себѣ Владиміра, который и былъ *первымъ Русскимъ Княземъ въ Новѣгородѣ*.

Благовласный Ярославъ, за важную для него услугу Новгородцевъ, при овладѣніи оппчевскимъ Кіевскимъ Пресполомъ, даровалъ имъ *Русскую Правду* и оппсущную *Грамоту*. При раздѣлѣ Ярославомъ на удѣлы Русскаго Государства, Новгородъ не вошелъ уже въ его сославъ. Онъ самъ себѣ *промышлялъ* Князей у Руси, и попому часпо оспавался безъ Князя, ибо управлялся болѣе рѣшеніями вечевой сходы своей, копорыми весьма условлена была власпъ Княжеская. Новгородъ богатѣлъ шорговлею съ Ганзейскими городами, *плетничалъ* (какъ говорили Кіевляне) и расширялъ волости свои въ пакъ - называвшихся *верхнихъ земляхъ* Россіи. Наконѣцъ онъ говорилъ уже: „кто прошиетъ Бога и Великаго - Новгорода?“

Особящійся такимъ образомъ на Сѣверѣ, Новгородъ принадлежалъ къ Руси болѣе по духовной власпи Митрополита Кіевскаго и всея Руси, принадлежалъ Кіеву болѣе по суду церковному, судасъ въ мірскихъ дѣлахъ Судомъ Ярославимъ или Русскою Правдою, а въ послѣдствіи и *своими судами*. Онъ былъ пакъ-сказанъ креспнымъ сыномъ Руси, и уже въ среднія времена вполне усыновился новой, второй машери обновленныхъ Русскихъ городовъ — *Москвѣ Бълокаменной*. Москва, присоединивъ къ своему Великокняже-

скому *Московскому* Престолу всю Суздальскую, а попомъ и Новгородскую землю, образовала изъ того *Великую Русь*, коея народъ и языкъ по преимуществу зовущся *Русскими*, кошорая въ обласняхъ своихъ именуется собственно - *Россією*, и въ народъ своемъ величается *Святою*:

„Какъ у насъ было на Святой Руси!
Какъ у насъ было въ Каменнѣй Москвѣ!...“

„Москва....какъ много въ этомъ словѣ
Для сердца Русскаго слилось,
Какъ много въ немъ опозвалось!“

Да, много опозвалось въ этомъ словѣ!
Въ этомъ сердцѣ Россіи опять слилось,
сроднилось почти все, чѣмъ владѣлъ Стольный Кіевъ, что воспріяло отъ него и кровь и духъ и имя Русское, и безъ чего кончалъ онъ богатырскій вѣкъ свой, вмѣстѣ съ Царемгородомъ (43). Того Стараго Владимира (говорилъ Пѣвецъ Игоря) нельзя было пригвоздить къ горахъ Кіевскимъ! Знамена его раздѣлились.... (44).

Уже при Ярославѣ отсталъ отъ Кіева Сѣверозападный удѣлъ его съ своими грозными Полочанами; и Бѣлая Русь первая приняла отъ Кіева имя Земли Русской (45). Косными Русскихъ Сыновъ засѣдлись кровавые

берега Неменя, и онъ, *Руссолиз* (27) вливаясь въ Варяжское море, отдѣлилъ тамъ Землю Русскую отъ Прусской (47). Всеславъ Полоцкій „разшибе славу Ярославу“; но его душа была въ Кіевѣ: „тому въ Полошскѣ позво- ниша заушренюю рано у Свящыя Софеи въ колоколы; а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша!“ Но въ XII вѣкѣ внуки Всеславовы уже ощу- тили отъ дѣдовской славы.

Послѣ Вшораго Владиміра, послѣдняго Еди- новласника Древней Руси (1125 г.), Столь- ный Кіевъ спалъ упадѣнь; пополамъ рва- лось его богатырское сердце, и Великокня- жеская сила его разошлась на двѣ стороны.

Съ Андреемъ Боголюбскимъ перешла она въ удѣлъ Сѣверовосточный, въ землю Суз- дальскую, куда еще отецъ его Долгорукій перенесъ имя Руси вмѣстѣ съ именами го- родовъ Южнорусскихъ; туда перешло оно и съ переходомъ во Владиміръ-Замѣскій изъ Кіе- ва Мшпрополиша *вселя Руси*. Сѣверовосточная Русь наслѣдовала и бармы Мономаха, коими вѣнчаеися Русскій Царь на Единодержавіе.

Храбрый Романъ Галицкій Великокняжескую силу Кіева перевелъ въ Югозападный удѣлъ его, въ землю Галицкую или Червоную Русь, и названъ былъ Самодержцемъ *вселя Руси* (48).

И такъ Новгородская земля обрусѣла позднѣе чѣмъ Сѣверозападная или Бѣлая Русь, чѣмъ Сѣверовосточная или Суздальская Русь, чѣмъ Югозападная или Червоная Русь, кои въ XII вѣкѣ уже были Русью, — города коихъ были родными дѣтьми Кіеву, и по упоминанію коихъ первоизванная Земля Русская прозвалась Украиною (49), а въ XIV вѣкѣ во Владиміръ-Волынскомъ получила имя *Малой Руси* (50). Сія-то древняя Кіевская Русь была разсадникомъ *Русскаго духа* для храбрыхъ сыновъ своихъ — *Русичей*, духа любви къ Русской Землѣ и ея славы (51), которою звучали самыя имена Русскихъ Князей.

„Не посраимъ Земли Рускія, но ляжемъ костьми: мертвыми бо срама не имамъ!“ восклицалъ Воинственникъ Святославъ передъ побѣднымъ *Русскими боеми* (52).

„За Землю Рускую!“ взывалъ къ *Княженецкимъ* сынамъ Владиміровой Руси Пѣвецъ Игоря Новгорода-Сѣверскаго.

Но у *живыхъ людей* двухъ *Господъ* — Великаго-Новгорода и Пскова — тогда была еще „душа на Великой, а сердце на Волховѣ.“ (53)

ПОСЛѢСЛОВІЕ

О РАЗНООБРАЗІИ И ЕДИНСТВѢ МНѢНІЙ
ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОИСХОЖДЕНІЯ РУСИ.

„Аще же и многого искуства жelaешъ кпо: вѣстѣ древняя, и быши хощащaя разсмошрeнъ; свѣстѣ извѣстiя словесъ и разрѣшенiя; знаменiя и чудеса проразумѣваешъ, и сбышiя временъ и лѣтъ.“

Прeжъ: VIII. 8.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Да не будетъ мнѣ въ осужденіе, что разнословія переписчиковъ и продолжателей Русской Лѣтописи я называю *историческими мнѣніями*, также, какъ и умозаключенія ученыхъ Критиковъ; что вообще въ моихъ изслѣдованіяхъ я обращаюсь къ повѣрьямъ, преданіямъ и понаніямъ народнымъ, также со вниманіемъ, какъ и къ повѣрьямъ, мнѣніямъ и сомнѣніямъ ученымъ!—Я думаю, что мнѣніе можетъ имѣть не анпикварій кабинетный только, но и келейный писецъ;— что иногда въ преданіи народномъ запаено больше истины, чѣмъ раскрыто оной въ иной догадкѣ и въ розыскѣ Ученаго;— и что въ иномъ пѣснопѣніи нашего проспо-народья больше истинной, непреходящей красоты, чѣмъ во многихъ стихотвореніяхъ сословія книжнаго. Такъ въ незамѣтномъ зернѣ подъ пеленою сѣмени, такъ въ проспѣ плодородномъ цѣлѣ, больше жизни для будущаго, чѣмъ въ пышно-мажровомъ расписномъ пустоцвѣтѣ заморской луковицы! „Не только свѣща, что въ окнѣ“ говоритъ Украинская пословица.—

Въ самомъ дѣлѣ, когда объ одномъ предметѣ нѣсколько ученыхъ мнѣній, пропиво-

рѣчащихъ другъ другу: не въ правѣ-ли
всякъ сказать, что въ этихъ мнѣнiяхъ
весьма учено говорится и умно разсуждаеи-
ся объ околнчностяхъ; касательно-же сущ-
ности дѣла, въ нихъ во всѣхъ, либо съ
выключенiемъ одного, не больше истины,
какъ и въ разнословiяхъ Лѣтоисцевъ!

Нѣкоторые Историки - Кришики (осо-
бенно Болшинъ) довольно погуляли надъ
иноческимъ мнѣнiемъ среднихъ временъ о
происхожденiи Руси отъ Росса, упоминае-
маго у Іезекiиля, хотя къ мнѣнiю сему
Эверсъ былъ благосклоннѣе. Но какъ-же
они сами, или нѣкоторые Кришики, какъ
вообще Ученые новаго времени рѣшили про-
исхожденiе Руси?

Въ сомнѣ Ученыхъ говорилъ, что Рус-
сы произошли и получили имя отъ *Роксо-
ланъ, отъ Коваръ, отъ Готовъ, отъ Финновъ, отъ
Шведовъ, отъ Скандинавовъ вообще, отъ Рус-
tringовъ или Фрисландцевъ, отъ Словенъ...* Ясное
дѣло, что всего этого быть неможенъ!
И не значитъ-ли это, въ общемъ ипогѣ мнѣ-
нiй и голосовъ, что Руссы принадлежатъ
къ племени Ноеву, разсѣянному по лицу
земли? Арабскiй-же писатель Миркондъ имен-
но говоритъ, что Руссы произошли отъ
Іафетова сына Русса; а Спрыйковскiй про-

изводитиъ Словенорусскій народъ отъ шестого сына Іафетова Мосоха и полагаетъ, что Словены назвались *Росспянами* или *Россами* отъ *росспанія* (52) по многимъ спирамъ. Последнее мнѣніе было сильно у насъ распространено Кіевскимъ Синописомъ, было принято нѣкоторыми Учеными и прошедшаго столѣтія ... Но чего не принимали Ученые?...

У Словенъ есть еще своенародное, ближайшее къ намъ преданіе о трехъ братьяхъ *Чехъ, Лехъ, Руссъ* и сестрѣ ихъ *Вендъ*, прямо указывающее на принадлежность Руссовъ къ Сѣверозападной отрасли Словенскаго племени. Это преданіе Историками - Крипиками признако за сказку, и потому отвергнуто... Но что не было ими отвергаемо?...

Развѣ Тапищевъ, вѣруя не только въ Неспорову, но и въ такъ-называемую Іоакимову Лѣтопись и производя Руссовъ отъ *Финновъ*, не отвергалъ всѣхъ прежнихъ о томъ мнѣній?

Развѣ Шлецеръ — сей славный, грозный Паладинъ Русскихъ Лѣтописей, образецъ терпѣнія въ трудѣ и неперимости въ мнѣніи — не исключилъ разныхъ событій, лица

и даже народы изъ Неспоровой Повѣсти, „какъ старыя и *евдорныя* сказки, какъ новыя *глупыя* вставки и *дурацкія* передѣлки, какъ подложныя и умышленныя поддѣлки“, коихъ немогъ онъ сообразить и изъяснить, изъ коихъ нельзя вывести, что Руссы были *Шведы*? Развѣ не положилъ онъ клеймо опроверженія на Скандинавскія Саги наравнѣ съ Иоакимовою Лѣтописью, которую признавалъ даже „споль важный человекъ“ какъ Болпинъ? Не выходилъ-ли онъ изъ терпѣнія, не приходилъ въ удивленіе онъ того, что сей, по словамъ его, величайшій знатокъ Ошечесственной Истории, одинъ между Русскими и Ученый, и искусный Криптикъ — могъ думать вмѣстѣ съ Тапищевымъ, что Руссы были Финны, а не *Шведы*!... И не сказалъ-ли онъ (Господь съ нимъ!), что между всѣми Русскими, писавшими до него (до 1802 г.) Русскую Историю, небыло ни одного ученаго Историка?... И все потому, что никто изъ нихъ не держался его *Шведской грамоты*!

А Погодинъ — новый Паломникъ Неспоровой Повѣсти, защитникъ ея подлинности онъ сопроливныхъ оприцаній невѣрующей Криптики и Шлецеровой, и современной — не опровергъ-ли онъ и Шлецерово и Эверсово и Нейманово мнѣніе о Руси, нарав-

нѣ съ мнѣніемъ о Россѣ, съ преданіемъ о Руссѣ и Пруссѣ (53), когда доказывалъ, что Русь есть особое племя *Норманское*?... Онъ говорилъ рѣшительно „что всякій желающій опровергати сіе мнѣніе, долженъ непременно прежде опровергнуть Неспора, не-только что не можешь употреблять его въ свою пользу“.

Но Каченовскій сомнѣвается въ достоверности древней Русской Лѣтописи и опровергаетъ подлинность не только ея, но и Русской Правды и прочихъ древнихъ памятниковъ Русской Словесности; а между тѣмъ не вѣритъ Скандинавскому происхожденію не только Руссовъ, но и самихъ Варяговъ. Передавшись на спорону Западныхъ писателей, онъ, вмѣсто такъ-называемыхъ Варяго-Руссовъ, предполагаетъ Словенъ Вагровъ (54), какъ позднѣйшихъ (XII вѣка) переселенцевъ или колонистовъ съ Балтійскаго поморія на берега Ильменя и Волхова,—гдѣ до той поры, по его мнѣнію, совсѣмъ небыло ни Словенъ, ни Новагорода!...

Наконецъ Морошкинъ, хотя думаетъ, что первыми Варягами были Словены (Вагры и Руссы), а позднѣйшими преимущественно Скандинавы; но Варяговъ принимаетъ по-Ломоносовски — не какъ одно племя или

націю. а какъ военное сбродное товарищество морскихъ разбойниковъ. Онъ доказываетъ, что Руссы были *Словены Сѣверозападныя*; но полагаетъ, что они „пришедши съ Варягами къ Новгородцамъ, не показываясь болѣе отдѣльною націею въ Исторіи нашего Отечества; но давъ имя Россіи, исчезли между Словенскими племенами Новгородца, Полоцка, Смоленска и Ростовца.“ —

Такимъ-то образомъ (смѣняющся и премирающся историческія мнѣнія: каждое новое, для своего самосохраненія, гонитъ старое, попомъ само спарфешъ и упадаешъ, а старое нерѣдко опять юнѣешъ, возскаешъ и обновляешъ вѣкъ свой.

Да и не всякая-ли новая система опровергаетъ другую, какъ ложь и заблужденіе, и что - бы самой пожишь хотя нѣсколько, обводитъ *мертвою рукою* прежде жившія и процвѣтавшія системы?... Такъ нашъ Сѣверный селянинъ - *огнищанинъ* (55) рубитъ и сжегъ вѣковое дерево, что-бы на его пепелищѣ засѣять однолѣпный злакъ свой, и пѣжишь свою спавишь „выше лѣса сполчаго!“ И чѣмъ ограниченіе и одностороннѣе, чѣмъ новѣе и живопрещаще система, тѣмъ больше пворецъ ея, а и того больше.

ея послѣдовавшии увѣренны, что ею они рѣшили уже все;— и скорѣй они изрѣченіе мудреца „я знаю, что ничего не-знаю“ назовушъ философскою побасенкою, словоизвищеніемъ любомудрія, чѣмъ согласился, что ихъ система по-крайней мѣрѣ недоснапочна и односторонняя, если не вовсе ложна.—

✓ (Не будемъ однако слишкомъ винить Науку, Систему ума человѣческаго. Тотъ-же жребій палъ и на Природу, Систему Ума Высшаго. „Время всѣмъ, и время всякой вещи подъ небесъмъ: время раждающаго и время умирающаго; время садища и время испорченнаго саждаго!“) (Экклес.)

О всемъ швореніи, отъ малаго до великаго, печется благодатная Природа: но и въ ней такъ-же мѣняется, чередуется, переходитъ бытіе; и въ ней одна тварь живетъ на счесть другой; мѣлопирравчашій мохъ и невидный поросль одолевашаютъ, замуровываютъ собою лѣса; на прахъ сѣнелиственнаго дерева возникаетъ давно-заглохшее отъ него зерно правнаго бытія; иногда въ осень разцвѣтають опять цвѣты весенне,

„А какъ-бы на цвѣты не морозы,
И зимою-бъ цвѣты разцвѣтали!“ ...

Но мы на прежнее возвратимся.—

Что Руссовъ нашихъ не-напрасно считали у насъ издавна Словенами, и что по-напрасну съ-недавна спали считашъ ихъ Скандинавами—это, послѣ новыхъ ученыхъ изслѣдованій, становившя для меня истинною, положишельною, и я принимаю несомнѣнно Руссовъ за особый народъ, принадлежавшій къ Сѣверозападной отрасли Словенъ. Такимъ образомъ Словенское преданіе о *трехъ братьяхъ* обращается для меня уже въ мнѣніе историческое; спадаетъ съ него сказочный покровъ, въ которомъ ходила и укрывалась истина о племени той Руси, отъ коей, по сказанію Нестора, получила имя Земля Русская (до той поры называемая Скиѣіей, Сармаціей, Гардарикомъ...). Безъ ученыхъ изслѣдованій не можетъ быть опличена истина; а если и была открыта, то опять завьется въ младенческую пелену сказки или впадетъ въ сонное забытье!...

И тѣмъ охотнѣе я слѣдую сему мнѣнію о племени Руссовъ, что оно было народнымъ преданіемъ Словенскимъ; тѣмъ ошкрывѣе и ушвердишельнѣе говорю въ пользу его, что оно не новое, не чье-либо личное мнѣніе, а только сознанное вновь и пробуждаемое нынѣ *общее мнѣніе* нашей Русской старины, отъ Нестора до Ломоносова, — которое болѣе ловѣе было заглушено новыми мнѣніями,

народившимися со времени Байера и Тапищева, особенно въ нынѣшнемъ *вѣкъ системъ*.—

Что-же эти прочія мнѣнія и ученія о происхожденіи Руси отъ другихъ народовъ?..

Ученія эти междоусобствуютъ, обличающіяся взаимными другъ на друга показаніями — и хорошо дѣлають, поколику они гипотезы и частныя системы. Пусть-себѣ выводять другъ въ другѣ темныя паяна и уничтожаютъ взаимно свое частное, произвольное, смертное начало!... Но уже-ли эпитъ распрямъ и оприцаніямъ не будетъ конца? уже-ли съ эпитъ взаимнымъ обличеніемъ и опроверженіемъ должны и кончиться ученія мнѣнія?...

Нельзя подуматъ, что-бы эти ученія были вовсе неосновательны, что-бы въ этихъ ученыхъ мнѣніяхъ не было сколько-нибудь истины положительной. Только бѣдная глупость бредитъ сущую безсмыслицу, да и та иногда обмолвится правдою, ибо зачастую истины глубоко лежатъ въ умѣ и падшаго человѣка! Поэтому лучше думать, что въ каждой гипотезѣ или мнѣніи ученомъ есть и своя дѣльная, основательная, своя истинная или вѣроятная сторона; что каждое изъ нихъ справедливо

У

хотя опчаспи; что большая часть ихъ по служила къ открытію истины и назидательна не въ отрицательномъ только или отрицательномъ смыслѣ, но и положительнымъ, существеннымъ образомъ. — А если такъ, то каждое изъ нихъ можетъ еще, своею несвидуманною, произвольною стороною, поступить въ общую сложность мнѣній, какъ запасъ для построенія древнѣйшей Исторіи Руссовъ и для объясненія ихъ отношеній къ другимъ народамъ; поному, каждое мнѣніе можетъ еще быть принято на *новую узкую бесѣду о Руси*, не какъ *изгой*, а какъ *гость Русскій*, съ правомъ голоса своего и съ правиломъ Русской пословицы: „по плашю встрѣчаютъ, по уму провожаютъ.“

(Выслушайте каждое изъ нихъ особо и непредубѣжденно: вамъ представлятъ событія, словопроизводства, имена, мѣстные преданія, свидѣтельства писателей, и съ такою увѣренностію, что вамъ небезсмыслицею покажется близкое *сродство Руси* — у однихъ съ *Финнами*, у другихъ съ *Коварами*, у третьихъ съ *Болгарами*, у четвертыхъ съ *Скандинавами* и ш. д., и вы повѣрите, хоть на-время, что у каждого изъ сихъ народовъ точно была древле родная связь съ Русью, и что Руссы могли-бы произойти — отъ каждого изъ нихъ... Но прои-

зйиши оиъ всѣхъ ихъ — неестественно! Ибо, по историческому закону образованія Природы и разсѣянiя рода человѣческаго, происходятъ виды оиъ рода, многое оиъ единого, младшее оиъ старшаго, а не наоборотъ. Да и по закону логическому — если доказываешься и принимаешься, что и Скандинавы, и Финны, и Болгары, и Козары были *Руссали*, и при каждомъ изъ нихъ повторяешься = *Руси*; то и слѣдовало-бы, кажешься, имя *Руси* принимать ихъ общими и родовыми именемъ, и производить не *Руссовъ* отъ нихъ, но ихъ отъ *Руси*! Поэтому, кажешься, и слѣдуетъ предположить, что они съ Русью имѣли древнюю родную связь, но въ-послѣдствii разроднились съ нею, оиѣнились, переименовались и обособились племеннымъ образомъ. — Вотъ общая мысль, которая просвѣчивается сквозъ чашу разнообразныхъ доказательствъ и мнѣнii о происхожденii Руси, когда проходишь это Польшье или (какъ зовутъ его Сѣверцы) эту *Русскую Палестину*!)

(И такъ, если мнѣнiя и гипотезы Ученыхъ объ Руси нечитаются вовсе ложными и неосновательными (а такими считать ихъ несправедливо); то, выходя изъ оной общей мысли, можно-бы, кажешься, составить *предварительную, общую гипотезу*, въ которую

другія мнѣнія и гипотезы вошли-бы *отгласи*, со своими доказательствами, соображеніями и свидѣтельствами о сродствѣ Руси съ прочими народами; въ которой онѣ примкнули - бы другъ къ другу не своею крайнею или особенною, но основною и общею стороною, и сошлись-бы въ *Руси*, какъ племени древнемъ и родоначальномъ для многихъ другихъ народовъ.)

Разумѣется, что и такая согласовка противоположностей была-бы еще также *гипотеза*, какъ и другія ученія объ Руси, — и только плѣмъ опъ нихъ опличная, что въ ней была-бы одна главная, средопочная, общая мысль, повсюряющаяся и въ другихъ гипотезахъ, только въ обратномъ видѣ, — что въ кругу ея другія гипотезы обновились-бы, являясь съ своею истинной или вѣролпной стороны, и *приживаясь* другъ къ другу какъ взаимно необходимые члены одного плѣла. Но видѣ такого круга онѣ остающа по-прежнему — частными, односторонними системами, взаимно противорѣчивыми и междоусобными, искусно оприцающими и зыбко утверждающими; а безъ главной, связующей мысли, въ своемъ нынѣшнемъ видѣ, онѣ какъ *доски безъ князя на влатоверхомъ теремѣ* (44) Русской Испоріи!...)

Дорожа учеными мнѣніями и ихъ доказательствами о сродствѣ и пожатствѣ Руси съ разными народами, можно на основаніи оныхъ сдѣлать и попытку такой Общей предварительной гипотезы объ Руси, на-примѣръ хоть въ слѣдующемъ краткомъ очеркѣ.

ОПЫТЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ГИПОТЕЗЫ

О ПЕРВОБЫТНОЙ И ДРЕВНѢЙШЕЙ РУСИ ДО ВРЕМЕНЪ РЮРИКА И ОСКОЛЬДА.

I. *Руссы* или *Россы* (т. е. красные) составляютъ первый отдѣлъ особаго, кореннаго Древнеазійскаго Іафетова (56) племени *Нарци* (т. е. нарицатели, именователи). Объ нихъ упоминается въ Библии подъ именемъ *Роса*; говорится и въ Коранѣ, какъ объ одномъ изъ славнѣйшихъ Азійскихъ народовъ, по имени *Росъ* или *Расъ*. — Другой отдѣлъ сего племени составляютъ народъ *Словенскій* (т. е. говорящій), вмѣстѣ съ которымъ Руссы обитали въ Азіи въ сосѣдствѣ съ Индіей: тамъ была сначала Земля Руссовъ и Словенъ — *Русь* и *Славъ*, откуда потомъ они вышли, разлучились и перешли въ Европу. Словены переплыли въ Европу *Западнымъ* путемъ (вмѣстѣ съ другими племенами *Пелазгійскими* — *Фракійскимъ*, *Эллинскимъ*, *Лапинскимъ*, *Галатскимъ* или *Кельтскимъ*, *Нѣмецкимъ* или *Тевтонскимъ*);

Руссы перешли изъ Азіи *Сѣвернымъ* путемъ черезъ Кавказъ; иѣ и другіе за нѣскольکو вѣковъ до Р. X.—

„Бысть языкъ Словѣнескъ, отъ племени Афрепова *Нарци*, еже сущъ *Словѣне*. По мнозѣхъ же времянѣхъ, сѣли сущъ Словѣне по Дунаевѣ, гдѣ естъ нынѣ (XI в.) Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на кошоромъ мѣстѣ.“ Такъ говорилъ Кіевскій Русинъ *Несторъ* и представилъ вкратцѣ расплемененіе Словенъ на разные народы; но подробнаго о томъ сказанія мы Руссы послушаемъ отъ Чеха, когда Шафарикъ издася свое изслѣдованіе *Спаробытностей Словенскихъ* (57). Чію касается до первобытной Руси, то съ переходомъ большей ея части черезъ Кавказъ кончился *первобытный* періодъ ея жизни *Восточной*, безразличной. — Такой періодъ зовушъ обыкновенно *до-историческимъ* и баснословнымъ: и поіно онъ наиболее *гадательный*, но тѣмъ не менѣе важный для понятія о народѣ и языкѣ его. Въ отношеніи къ нему можетъ имѣть мѣсто Русская пословица: „догадна лучше разума.“

II. Слѣдуетъ *второй*, уже *историческій* періодъ Руси, для Исторіи періодъ

древнѣйшій и еще весьма предположительный. Это періодъ *разсѣленія* Руси по Европѣ и ея расплемененія на разные народы. — По Гипотезѣ нашей — Русь первобытная, усмирившись опѣ Кавказа на Сѣверѣ и на Западѣ, разошлась по Европѣ въ двѣ главныя опросли.

1. — Первая опросль *Восточная*, расплеменяющаяся на разные колѣна или побѣги, идетъ вдоль Урала до океана Сѣвернаго, и заселивъ Сѣверовостокъ Европы кончается въ Скандинавіи.

а.) Одно колѣно сей Восточно-Русской опросли оспалось на Кавказѣ, между Каспіемъ или моремъ *Хвалынскимъ* и Понпомъ или моремъ *Русскимъ*, — между рѣкою *Рою* или *Росью* (Волгою) и *Русскою рѣкою* (Дономъ). Въ-послѣдствіи оно являлось и подъ именемъ *Руссовъ*, распространившихся даже за Волгу до Урала, — и подъ именемъ *Коваръ*, кошорые, по сказанію нашей Чешь-Минемъ, бесѣдовали языкомъ Словенскимъ.

б.) Второе колѣно Восточно-Русской опросли образуется на Волгѣ въ *Руссовъ-Болгаровъ*. Одна часть ихъ, Западная или Дунайская, переходить на Дунай и *приживается* тамъ къ Южной опросли Словенъ. Оспальная, Восточная или *Поволожская* часть Болгаръ, раздѣлившаяся на Казанцевъ и Хвалисовъ, въ-послѣдствіи ошанарилась.

в.) Третье колено Восточно-Русской отрасли (58), скипаясь по простору Сѣверовостока Русскаго, простерлось до Скандинавіи и Сѣвернаго океана или *Моря-Морова*, по Фински *Рутіанъ-мери*. Оно выродилось въ *Чудь благоглазую* (какъ зовелся она въ Русскихъ пѣсняхъ), раздѣлившуюся на Финновъ и Лопарей. Многіе изъ вѣпвей Поволжской Чуди опять возродились и уже обрусѣли, (а русыя косы Мордовокъ переходящъ на головы прекрасныхъ Россіинокъ); Чухонская Чудь обнѣмчилась; а Угорская Чудь опшурчилась въ землѣ Угорской (Венгріи).

г.) Четвертое колено Восточно-Русской отрасли составляющъ *Лоты* или *Готы*, которые вкоренились въ Скандинавіи и въ ней издревле обнѣмчились (можеть-быть опъ Свеоновъ), подобно тому, какъ въ-послѣдствіи обнѣмчились Поморскіе Словены и ославшіеся вмѣстѣ съ ними Варяго-Руссы.

Всѣ эти положенія общей гипотезы можно подкрѣпить свидѣтельствомъ древнихъ писателей или - же именитостію новыхъ — частію усопшихъ, частію живыхъ. За однородство Руси съ Болгарами посмоимъ Венелинъ; сродство Болгаръ съ Чудью подкрѣпляется именитостію нашего Академика-Оріенталиста; однородство Чуди съ Русью и Словенизмъ въ составѣ Венгерскаго народа будетъ защищать Бутковъ; а за Рус-

силъ Скандинавовъ крѣпко сполнишь почти вся современная именинность нашихъ писателей по части Русской Исторіи, со времени ученаго Шлецера. Честь и слава имъ и ихъ ученымъ изслѣдованіямъ за сіи ошерыпія!

2.—Но „око видитъ далеко, а мысль еще дальше“ говоритъ пословица Русская, — и вѣщій Ломоносовъ распозналъ еще одну опросль Руси на Западѣ, на Поморіи Балтійскомъ. Эту *Русь* слѣдуетъ назвать *коренною*; ибо не только сама она черезъ много вѣковъ сохранила имя свою древнюю породу, свое красное имя и слово; но вновь передала ихъ своимъ прежнимъ поколѣніямъ, покрыла ими поколѣнія Восточно-Словенскія, и осынила многіе народы иноплеменные. И только эта коренная Русь могла разроспиться съ такою могучею, широкою силою! —

— („Краткое Сказаніе старика *Наума* о Старобытнѣй Руси“).

/ „...Лѣтъ за сто до Р. Х., послѣ боевыхъ схватокъ съ Лукоморскимъ Царемъ Мипридапомъ, большая часть старобытнѣйшихъ Руссовъ покинули свое Синее, Русское море, простились съ своею мапушкою - Волгою или старою Росью, съ своею Русскою-рѣкою — шихимъ Дономъ Ивановичемъ, и не-

сказаннымъ Берестиномъ или Днѣпромъ Словуличемъ. И пошли они къ своимъ милымъ ближникамъ и спародавнимъ землякамъ Словенамъ — на Дунай - рѣку (по-спаринному Юкзу). И прошли они черезъ горы Карпаты или Тапры, а опшуда на Сѣверъ по рѣкѣ Одеру въ землю Поморскую. Тамъ поселились они у Сѣвернаго Русскаго моря-океана (Варяжское пожь), на славномъ Русскомъ оспровѣ (Рузѣ или Ругенѣ), по кошорому и звали ихъ Ружанами или Ругіянами. При томъ переходѣ и на своемъ новосельи, храбрый Руссъ побрашался съ красною дѣвицею Вендою, съ бойкимъ Чехомъ и Лехомъ: и такимъ образомъ Русъ съ поконѣвѣю присвоилась къ побрашимству Вендскому или Западно-Словенскому. — Главнымъ жителствомъ Руси былъ оспровъ ея съ своимъ заповѣднымъ лугомъ, куда ходили на поклоненіе Русскому богу народы Словенскіе. Ружаны были такъ славны, что опъ нихъ брали себѣ Князей заморскіе Гошы, съ которыми щипоносцы наши своими обоюдоострыми мечами погромили Спарый Римъ и Царство Гишпанское. — Опъ Одера, по кошорому звали Руссовъ Обопринями или Обродишами, они селились въ Поморяніи къ рѣкѣ Вислѣ во вшоромъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ. По сказанію Лѣтописанья Прускаго, они въ IV вѣкѣ жили уже на востоцѣ

отъ Вислы до рѣки Немиги или Неменя, коего правый рукавъ назвался по нимъ Руссомъ, спорона ша Порусьемъ, а народъ ея Прусью. Руссы селились и на Западъ отъ Одера къ рѣкѣ Ляби (по Нѣмецки Эльба), и внизъ по Одеру къ Карпашамъ и горамъ Полонинымъ (50). За Одеромъ была и въ X вѣкѣ, даже до XII-го, особая *Руссія*, сопредѣльно Поморяніи. Да то была уже не та Русь, что въ стародавніе годы: видно вся Русская сила опшуда съ Книземъ Рюрикомъ Гальфдановичемъ перешла въ нашу Землю! А до той поры сильна была Русь на Западѣ; могучи были Радогоспъ, Видоміръ, Губъ, Одоакръ и другіе Вишязи Русскіе; и еще за Карла Великаго Имперцы Заодерскую Землю звали *землею страха*. Гдѣ спановились и воевали Руссы, тамъ оснавлили по себѣ въ памянь свое имя рѣкамъ, городамъ и горамъ (Русидава, Руссіонъ, Россокаспръ, Россемоніхъ); а на Карпашахъ по сю пору видны *рѣзги* или письмена, какими Руссы записали себя и на Синаѣ.

Иноязычники писали и пишущъ имя Руси всякій по-своему: Русаци, Руссаны, Россаны, Роксаны, Россоланы, Роксаланы, Алонорсы, Аорсы, Рушиклы, Рудены, Рушены, Рейсы, Рюсы, Руски: а все это по-нашему сказашъ — *Руссы* или *Россы*.“ —

Эти коренные Поморскіе или Словенскіе Руссы и Руссы Заморскіе или Скандинавскіе, сойдясь оплѣть на одномъ, Сѣверномъ Русскомъ (т. е. Балтійскомъ) морѣ, сходясь въ новое, морское братство Сѣверное или Норманское, которое у насъ въстарину называлось *Варягами*. И здѣсь, въ IX вѣкѣ, кончается второй древнѣйшій періодъ жизни Руссовъ, періодъ ихъ разсѣянія и расплемененія; а съ нимъ вмѣстѣ и моя предварительная гипотеза о первобытной и старобытной или древнѣйшей Руси. —

Съ 862 года начинается *третій* періодъ Руси, періодъ ея сосредоточенія и просіянія въ Кіевѣ; а потомъ слѣдуетъ ея утвержденіе и усиленіе въ Москвѣ и распространеніе опшуда на седьмую часть земнаго міра. Съ той поры начинается положительная, достоверная Исторія Руси на обновленной ею Русской Землѣ, Исторія все болѣе и болѣе проясняющаяся и пополняющаяся.

Предложенную гипотезу о древнѣйшей Руси можно-бы распространить въ цѣлое ученіе или *систему историческую*, на первый разъ хотя по доказательствамъ и свѣдѣніямъ уже запасеннымъ и соображеннымъ въ разныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ и частныхъ системахъ. Но — слаще вода изъ са-

мага ключа! Поэтому лучше углубиться въ тѣ-же историческіе источники, перевѣдать ихъ вновь и сообразишь съ новой точки зрѣнія, при чемъ конечно откроются и новыя родники. — Тогда могло-бы обнаружиться: что слѣдуетъ въ древнѣйшую Исторію Руси принять какъ достоверную положительность, — что можно допустить какъ вѣроятное предположеніе, — что надо исключить какъ невѣрный вымыселъ или мечту временную и преходящую.

Какой изъ этихъ трехъ жребіевъ на какое падеть мнѣніе и умозаключеніе — того напередъ, наугадъ сказать нельзя, особенно тому, за кѣмъ есть уже своя новая и частная, уже свершенная, но еще неоправданная временемъ и непризнанная система. То рѣшить могушь только дальнѣйшія, всесторонно-объемлющія ученія изслѣдованія историческихъ событій и свидѣтельствъ, при живомъ соображеніи ихъ между собою и съ главною общемою мыслию. И мою *предварительную гипотезу* я предлагаю болѣе какъ чувство потребности и желаніе такихъ новыхъ, подробныхъ и живыхъ изслѣдованій „утвержденныхъ въ томъ-же разумѣніи и въ той-же мысли“, — безъ чего не можетъ быть открыта истина.

Какъ знать!... можетъ-быть и моему *мысленному древу* Руси не только сужде-

но уцѣлѣть со всѣми его вѣтвями, но еще и умножиться новыми лѣторослями, оныѣ будущихъ изысканій и соображеній!...

Но бытъ можетъ и то, что лезвіе будущаго знанія срѣжется съ него все вѣтвие и Козарское, и Болгарское, и Чудское, и Скандинавское, — и останется только собсп-венная, коренная Русь. Какъ безвѣтвенная, всѣхъ распеній на земли длиннѣйшая пальма-ропанга — *молніевидно* проходить она съ Востока черезъ Кавказъ и Карпаты на Поморіе Сѣверозапада; тамъ, въ *лугу запо-вѣдномъ* (60) пала она передъ своимъ Свѣтловидомъ; и обратясь на Востокъ, разразилась Перуномъ и водрузилась Кресномъ на горахъ Кіевскихъ; и вновь воздвиглась Кресномъ Православія, и вспрепенулась Державнымъ Орломъ на Бѣломъ камени Московскомъ!...

Въ такомъ разѣ моя гипотеза весьма-бы умалилась, сократилась-бы въ объемъ предположенія Ломоносовскаго, и только вровень сошлась-бы съ мнѣніемъ о Словенахъ-Руссахъ въ нашемъ Ошечеслвѣ, которое принято мною за *положительное* и изложено въ изслѣдованіи моемъ. — Но для другихъ гипотезъ тогда пришелъ-бы уже послѣдній часъ. Тогда и Козарство, и Болгарство Руси — погибли-бы *аки Обри*! Тогда и срод-

ство ея съ волшебными Фиинами, и поже-
ство ея съ полуночными Скандинавами, какъ
Оссіановскія пѣни съ небосклона нашей Ис-
торіи оплели-бы навѣки въ Скандинав-
скій мрачный рай исключительной храбро-
сти и безконечной брани!... И будущій из-
слѣдователь Исторіи нашей, поминая какъ
звали сіи ученія, тогда сказалъ-бы: „древ-
няя мимоидоша...“ Тяжело опспавашъ онъ
привычныхъ понятій, которыя иногда на-
глухо сросшаяся съ нашею мыслию; но
кто-бы напередъ не пожертвовалъ своимъ
личнымъ мнѣніемъ, не распался съ своею
новою системою, съ любимою мечпою, при
одной мысли, что то будетъ благопріятно
Истинѣ, для которой и работаютъ Уче-
ные?...

Но — что будетъ, то покажетъ буду-
щее время: „день бо явитъ!“ Теперь - же,
глядя на пружениковъ Науки, какъ посмолы-
но они, при всѣхъ неудачахъ, спремишя
на высоту невѣдомой Истины, можно жа-
лѣть только: зачѣмъ ведетъ къ ней путь
такой далекій и тернистый, на коемъ не-
избѣжно столько паденій и заблужденій!

Но всякій пруженикъ Знанія уже утѣ-
щенъ въ сердцѣ своемъ тою самонаградною
Любовью, которая спремитъ его къ воз-
вышенной цѣли. Пусть только опложитъ
онъ заременное самонадѣяніе разума своего

передъ Испиною: ибо Ученый естъ только созерцашель и вѣдашель сущей Испины, а не спроишель ея по произвольной мѣрѣ своего частнаго разумѣнія. Пусть каждый изслѣдовашель Русскаго Бытописанія помнитъ о той ясной, живой положишельности, съ какою писана древняя Русская Лѣтопись, — о томъ духѣ смиренномудрія, какимъ исполненъ былъ Преподобный Отецъ Бытописанія Русскаго. „Азъ грѣшный Неспоръ, мній всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго отца всѣхъ Θεодосія.“ Но умспивенный трудъ сего *наименьшаго* инока былъ рѣдкимъ явленіемъ своего вѣка между новыми народами, и его скромная *повѣсть временныхъ лѣтъ* цѣлыя столѣтія разливала свѣтъ познанія о древней Руси, и навсегда оспаненся многоцѣннымъ, несокрушимымъ памяникомъ нашего Бытописанья и Словесности, — какъ плѣсные оспанки безсмертнаго инока почивають неплѣнными въ первой обители Русскихъ праведниковъ, въ Святой колыбели Бытописанія Русскаго! —

8 Ноября, 1836.

Дружескія свиданія въ Москвѣ.

Примѣчанія.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

(1.)—Народы *Словенскаго* или *Славянскаго* племени я раздѣляю на два отдѣла: на *Восточныхъ* или *Русскихъ* Словенъ и Словенъ *Западныхъ*.

I. Между *ВОСТОЧНЫМИ* или *РУССКИМИ* Словенами я различаю:

1.) *Руссовъ Сѣверныхъ*, къ коимъ принадлежатъ *Великоруссы* или собственно такъ-называемые нынѣ *Рускіе*, и *Бѣлоруссы*.

2.) *Руссовъ Южныхъ* или *Украино-Галицкихъ*.—Сообразно сему и прежніе *Восточно-Словенскіе* народы (упоминаемые *Несторомъ* и другими) можно раздѣлить (по примѣру *К. Калайдовича*, 1815) на 1.) *Сѣверновосточныхъ*: Словены *Новгородскіе*, *Кривичи* съ *Полочанами*, *Дреговичи*. Сюда-же причислить должно и двѣ вѣтви, отшедшія отъ *Ляховъ*—*Радимичи* и *Вятичи*; въ составъ *Велико-Руссовъ* вошли и *Куряне* (которые зовутъ себя *Руськими*, отличая тѣмъ себя отъ *Малороссіянъ*, а потому слово *Русьскій* напрасно усвопвается исключительно *Бѣлоруссамъ*).

2.) *Южновосточныхъ*: *Поляны*, *Сѣверяны* съ *Суличами*, *Древляны*, *Тиверцы* и можетъ-быть *Бѣлые Хорваты*.—

II. *ЗАПАДНЫЕ СЛОВЕНЫ* раздѣляются на

1.) *Сѣверозападныхъ* или *Вендскихъ*, къ которымъ принадлежатъ: *Чехи* (съ *Моравами*) или *Богемцы*, *Словаки*, *Ляхи* (съ *Мазовшанами* или *Мазурами*, *Силезами* и съ прежними *Лутичами Поморянскими* и собственно *Поморянами*), *Сырбы* или *Венды* (*Лузацкіе*). Сюдаже я причисляю и бывшихъ тамъ *Руссовъ* и другихъ *Варяговъ* *Словенскаго* племени (*Вильковъ* или *Заодерскихъ* *Лутичей*, *Вагровъ* и проч., уже обитѣмчившихся подобно *Поморянамъ*).—

2.) *Южнозападныхъ* или *Задунайскихъ* (называемыхъ и просто *Южными*), къ которымъ прина-

длежать: Сербь съ прочими Иллирійцами, Лорваты или Кроаты, Хорутаны или Винды и Болгары (перешедшіе на Дунай съ Волги. Они первые изъ Словенскихъ народовъ сдѣлались грамотными, и ихъ языкъ образовался въ книжно-словенской, какъ справедливо у насъ принялъ Востоковъ,—въ *Собр. Слов. Пам.* Кенпена 1827,—и какъ особенно изслѣдовалъ то Венелинъ, составившій и Грамматику языка Болгарскаго, къ сожалѣнію досель неизданную). Книжно-Словенскій языкъ признаетъ Болгарскимъ и самъ Шафарикъ,—отъ котораго и Русскій языкъ отдѣленъ въ особый отдѣлъ отъ языковъ Словенъ Задупайскихъ, съ коими въ одинъ отдѣлъ онъ соединялъ ихъ прежде, по примѣру Добровскаго.—Неудовлетворительность дѣленія, предложеннаго Добровскимъ: на *Сѣверозападный* и *Юго-восточный* отдѣлы уже давно замѣчена и у насъ, почему оно уже и оставлено нѣкоторыми и нашими писателями.

(2.) Мнѣніе, что имя Руси принадлежало жителямъ нашего Отечества искони, съ незапамятныхъ временъ, въ настоящее время принимаетъ Венелинъ (*Древн. и нын. Болг.* 1829), признающій Сарматовъ и Гунновъ за-одно съ Руссами, къ коимъ причисляетъ онъ и Болгаръ, называя ихъ Волжскими Руссами—и Гуннами. Волжскими Словенами также и Ломоносовъ признавалъ не только Варяговъ-Руссовъ съ Балтійскаго Поморія, но и Болгаръ.—Отъ Волги производили и названіе *Волынянъ*.—

(3.) Академикъ Байеръ, въ разсужденіи своемъ о *Варягахъ* (которое напечатано на Латинскомъ языкѣ 1735 года, а въ Русскомъ переводѣ явилось впервые кажется 1768 г. въ 1 ч. *Исторіи Татищева*) возстановилъ тотъ объемъ, какой имѣ-

ло слово *Варягъ* въ древней Русской Летописи, утверждая, что въ ней назывались такъ всѣ вообще Скандинавы и Даны; онъ положилъ основаніе и тому мнѣнію, по коему Руссовъ стали почитать племенемъ Скандинавскимъ,—по Тунману и Шлецеру—*Шведами*.

Впрочемъ это мнѣніе долго еще не имѣло у насъ хода; ибо—съ одной стороны *Ломоносовъ*, имѣя такое-же какъ и Байеръ понятіе о *Варягахъ* относительно Скандинавовъ, сильно поддерживалъ противъ Миллера давнее и общее у насъ мнѣніе о *Словенизмѣ* Варяго-Руссовъ, мнѣніе хотя у него и не очень ученымъ образомъ (по понятію Шлецера) обставленное, но въ сущности дѣла справедливое. Ломоносову въ этомъ соревновалъ даже противникъ его *Тредьяковский*, который въ то-же время писалъ противъ Байера и другихъ три *разсужденія*, напечатанныя 1773 г. *Тредьяковский*, доказывая по-своему *Словенизмъ* *Варяго-Руссовъ*, имя Варяга распространялъ не только на Скандинавовъ, но и на всѣ Западно-Европейскіе народы, сообразно не Песторову, но древнѣйшему значенію у насъ этого слова (см. § 9, стр. 42 нашего изслѣдованія).—Съ другой стороны—вскорѣ послѣ Исторіи Ломоносова издана была наконецъ (1768—84) Исторія *Татищева*, и его мнѣніе о происхожденіи Руссовъ отъ Финновъ, происхожденіемъ почти современное Байерову мнѣнію, сдѣлалось господствующимъ между Рускими, особливо въ два послѣдніа десятилѣтія прошлаго вѣка, послѣ того, какъ это мнѣніе поддержалъ Болтинъ (съ 1788).—Самъ издатель *Татищева* трудолюбивый Миллеръ былъ продолжателемъ и распространителемъ (съ 1750—72) сходнаго съ Ломоносовскимъ, давняго мнѣнія о пришествіи Руссовъ изъ Пруссіи (гдѣ жили *Роксоланы* по Геогр. Равенск.), которое поддержано было и со стороны Князя Щербатова (1770).

Такимъ образомъ до Болтина господствовала старая Русская или Ломоносовская историческая школа, ведущая къ намъ Русь черезъ Новгородъ съ Сѣверозапада, съ Поморія Балтійскаго и производящая ее отъ Роксоланъ.— Такое мнѣніе и не могло неимѣть хода, когда принято было и Миллеромъ, оставившимъ Байерово мнѣніе, послѣ горькой неудачи высказать оное въ своей академической рѣчи.— Въ-слѣдствіе непремѣннаго настоянія Ломоносова передъ Шуваловымъ, Миллерова рѣчь уже напечатанная была подвергнута ученому суду и разбору членовъ Академіи Наукъ (Ломоносова, Попова, Крашенинникова, Струбе, Фишера) и неодобрена ими къ произношенію и выходу въ свѣтъ: ибо, пишетъ Тредьяковскій, „освидѣтельствованная всѣми членами Академическими, нашлась, что какъ исполнена неправости въ разумѣ, такъ и ни къ чему годности въ слогѣ.“ Такъ сильно не-по-праву и не-по-мысли своего времени было мнѣніе о Скандинавскомъ произхожденіи Руси, которое послѣ того событія, считалось тогда не только несправедливымъ, но даже зазорнымъ,—подобно тому, какъ и Татищева Исторія долго, до выхода въ свѣтъ слыла подозрительною.— Несмотря однако на эти дѣла и преданія минувшихъ лѣтъ, наша историческая Критика начинается съ Байера и Татищева; оба они ведутъ къ намъ Русь прямо съ Сѣвера, изъ-за Балтійскаго моря—(одинъ изъ Скандинавіи, другой изъ Финляндіи); оба были основателями двухъ новыхъ у насъ системъ историческихъ; у каждаго былъ свой сильный провозвѣстникъ сходной критической умонаклонности: сначала у Татищева—Болтинъ, потомъ у Байера—Шлецеръ. Потому сперва образовалась школа (Татищевоболтинская) Сѣверно-Финскаго происхожденія Руси; потомъ школа (Байеро—Шлецеровская) Сѣверно - Скандинавскаго происхожденія Руси.

(4.) Отъ Роксоланъ производили нашихъ Руссовъ еще въ XVI вѣкѣ разные Ученые иностранные. Въ прошломъ столѣтіи у насъ Татищевъ опровергалъ это; но Ломоносовъ и многіе другіе писатели признавали за вѣрное. Въ нынѣшнемъ десятилѣтіи Венелинъ, Бутковъ, Бодянской опять обратились къ этому древнему роднику Руссовъ, хотя этихъ общихъ имъ *Роксоланъ* каждый принимаетъ различно—одни за Словенъ, другой за Финновъ, третій за народъ племени Турецкаго—что кому надо, смотря по снѣтѣмъ.

(5.) Татищевское мнѣніе о происхожденіи Варяговъ-Руссовъ изъ Финляндіи возобновилъ въ нынѣшнемъ году Бутковъ (см. его статью о *Руси и Рюссаландѣ* въ Сынѣ От. 1856 N 1), весьма увеличивъ оное присоединеніемъ древнѣйшей Руси Ломоносовской, но съ распространеніемъ на нее Финскаго родоначалія.—По гипотезѣ Буткова—кромѣ Варяговъ-Руссовъ, названныхъ *Гото-Рюсами* и приведенныхъ изъ Финляндіи или *Рюссаланда* (что напоминаетъ мнѣніе Академика Струбе),—къ Руси причисляются еще прежніе Роксоланы, перешедшіе на Балтійское Поморіе издревле съ Волги, Дона и Дуная, въ которыхъ Бутковъ „узнаетъ поколѣніе *Финское*, коего точное имя было *Руска-лайнъ* отъ Финскихъ-же словъ *руска*—рыжій, *русый*, *красный*—общій обликъ Финскій—и *лайнъ*, родъ, племя“,—почему и у Татищева *Финны* назывались также *Чермными*. Ибнъ-Гаукаловыхъ Руссовъ Бутковъ надѣется открыть также въ Поволожской Чуди—въ Чувашихъ, Черемисахъ, Мордвѣ—„върогатныхъ однородцахъ Роксоланскихъ“—въ этой *Руси Пургасовой* (1228 г.), на которую указываетъ онъ какъ на Русь забытую, пропущенную Критиками.—Въ такомъ обширномъ, новомъ видѣ является Татищевская система, пополняя содер-

жаніе и объемъ свой началомъ Старой Русской школы, которое она покрываетъ своимъ собственнымъ Чудскимъ началомъ; а истощая оное въ своемъ первомъ родникѣ, дополняетъ его Скандинавскою стихіею Байеровской школы.

(6.)—См. Библ. для Чтенія 1834, N 1 и др.— „Все ускользнуло—по словамъ Сенковского—отъ вниманія и проницательности нашихъ Историковъ; все изсякло въ туманѣ неумѣстнаго Словенизма и сдуто съ историческихъ страницъ Руси ледовитымъ дыханіемъ старой критики.“ Много правды въ укоризнахъ Сенковского исторической критикѣ за ея отверженіе преданій народныхъ, за односторонность ея труповаго изслѣдованія буквы, а не духа въ Исторіи. Но его обвиненіе Карамзина въ *Словенизмъ* слишкомъ скоро, равно какъ и его предпочтеніе Эймуновой Саги Лѣтописи Пестора.

Тѣ-же явленія Норманскаго свойства въ Русской Исторіи можно изъяснить прямо, истинно и плодоноснѣе *Словенизмомъ* Варяговъ-Руссовъ, отъ коихъ не только не утратилась народность старобытныхъ насельниковъ нашего Отечества, но пробудилась и раскрылась съ новою силою и съ новымъ духомъ, такъ сказать, *удвоеннаго Словенизма*. И если уже надо сравнительное имя для Земли Русской, то вмѣсто „Новой Скандинавіи,“ лучше-бы назвать ее Новымъ *Поморіемъ* (пменемъ, уже употребленнымъ въ Пѣсни Игорю для края, прилежащаго къ Черному морю): и тогда также можно-бы сказать вмѣстѣ съ Сенковскимъ, что „Исторія Россіи начинается на водахъ Балтійскаго моря.“

Что касается до его теоріи Языкознанія, по подобію химической теоріи сродства,—то она хороша въ отношеніи чисто-логическомъ, какъ теорія выведенная умственно и притомъ примѣ-

нительно къ законамъ Естествознанія; но въ приложеніи къ исторической дѣйствительности своего собственнаго предмета—она невѣрна: ибо Русскій языкъ принялъ отъ Скандинавскаго еще меньше, чѣмъ отъ Татарскаго; притомъ-же Скандинавскіе Норманы вообще не передавали никогда языка своего, но сами принимали языкъ народовъ, у коихъ поселялись.

Вообще это химическое соединеніе Скандинавскаго и Словенскаго языка въ Русскій, и это физиологическое претвореніе въ Русскомъ тѣлѣ Скандинавской крови въ Словенскую, суть предположенія даже лишнія для изъясненія историческихъ явленій Руси,—кромѣ того, что сами по себѣ они неправы противъ дѣйствительности.—

Такимъ-же образомъ, принимая Варяговъ-Руссовъ за Словенъ Прибалтійскихъ, можно понять съ коихъ цоръ и какимъ путемъ стали являться у насъ разныя понятія, обычаи, законы, имена и другіе предметы общіе намъ съ Балтійскими Словенами,—и для изъясненія сихъ явленій можно, кажется, совсѣмъ обойтись *безъ предположенія о вѣроятномъ переселеніи Балтійскихъ Словенъ на берега Волхова непрежде конца XI вѣка*. Тѣмъ болѣе лишнимъ мнѣ кажется такое предположеніе, что оно (противорѣча положительнымъ свидѣтельствамъ о древнихъ событіяхъ Новагорода и Кіева) требуетъ для основанія своего еще большаго предположенія, а именно—*отрицанія* самаго бытія Новагорода до XI вѣка, и вообще отрицанія Древней Исторіи нашего Отечества; а таковое отрицаніе необходимо предполагаетъ еще другое—отрицаніе достовѣрности и подлинной древности Русской Лѣтописи и всѣхъ древнихъ нашихъ памятниковъ; а для сего отрицанія необходимо предположеніе о позднѣйшемъ составленіи и систематическомъ, постоянномъ подлогѣ столькихъ памятниковъ!!!—

На такомъ отрицаніи положительнаго заложено основаніе, и изъ предположительныхъ утвержденій начато построеніе новѣйшей, особенной исторической системы. По крайней мѣрѣ таковою миѣ представляется система сія, относительно ея основныхъ началъ,—при всемъ уваженіи моемъ къ ученымъ трудамъ и достоинствамъ заслуженнаго ея основателя.—Отрицательное ученіе Каченовскаго о Древней Руси совсѣмъ противоположно системѣ Сенковскаго. Ибо Сенковскій преслѣдуетъ Шлецеровскій духъ отрицательнаго критицизма въ Исторіи и предается Сагамъ, кои Шлецеръ выбрасывалъ изъ Русской Исторіи, какъ „Исландскія бредни“. Но послѣдовавъ догматизму или положительному ученію Шлецеру о Скандинавствѣ Руссовъ, онъ расточаетъ его до крайности: по Сенковскому— въ Древней Русской Исторіи *все Скандинавія!*—Напротивъ Каченовскій совершенно отрицаетъ ученіе о Скандинавствѣ и Руссовъ и вообще Варяговъ, принимая вмѣсто того для Новгорода—Балтійскихъ Словенъ-Варговъ (подобно Герберштейну), для Кіева—Черноморскую Азіатскую Русь (предположенную Шлецеромъ и имъ-же самимъ отреченную отъ нашей Исторіи). По отрицательный духъ Шлецеровскаго критицизма Каченовскій распространяетъ на все древне-Русское и усиливаетъ до чрезвычайности: по его системѣ—*ничего нѣтъ Скандинавскаго* въ нашей Древней Исторіи, да и сама она вся—почти сказка! (см. Прим. 14)

Вотъ двѣ новѣйшія противоположности, въ которыхъ Шлецеровская система распадается на свои составныя начала, доходя въ каждой до той крайней односторонности, при которой сіи разрозненныя начала дѣйствуютъ другъ на друга уже разрушительно, соединяясь съ другими началами иррежнихъ источниковъ нашей Исторіи.

(7.) По Нестору начало Русской Земли въ 866 г., а не за 10 лѣтъ до Рюрика, какъ многіе поимали.—Слѣдственно, уже и по времени первое вторженіе Нормановъ 852 г. *in fines Slavorum* не совпадаетъ съ началомъ прозванія Земли Русской, какъ полагаетъ Крузе, принимающій (подобно Нейману и другимъ) за начало прозванія Русской Земли по Нестору 852-й годъ, который у Нестора относится къ началу царствованія Мухамма. См. о семъ Критическія замѣчанія Погодина на изданный имъ переводъ Нейманова сочиненія *о жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ*, 1826.

(8.) Отрицательная критика Шлецерова и современная отвергаетъ участіе Оскольда и Дира въ нашествіи Руси на Царьгородъ 866 года, на томъ основаніи, что Византійцы, при описаніи сего нападенія Руссовъ, умалчиваютъ объ этихъ Кіевскихъ Князьяхъ. Но это умолчаніе еще не доказательство. Кто-же нибудь да предводилъ Русью и кого-нибудь хоть другаго могли-бы именовать Византійцы. Но они говорятъ только *вообще* о Руссахъ, не называя никого лично, по имени—или по незнанію того, или-же по нежеланію. Такая безличность въ сказаніяхъ о непріятельскихъ нападеніяхъ совсѣмъ не рѣдкое явленіе въ Лѣтописяхъ. Такъ Гельмольдъ, описывая нѣсколько сходный съ симъ приступъ Ружанъ къ Любеку и ихъ отраженіе Генрихомъ, не называетъ по-имени ни одного Ружанина. Арабскіе Историки часто повѣствуютъ о побѣдахъ Руссовъ, безъ названія вождей ихъ. И въ нашихъ Лѣтописяхъ перѣдко говорится о нападеніяхъ разныхъ непріятелей, безъ имени ихъ вождей. Можно-бы привести здѣсь, что Византіецъ IX вѣка Георгій (Гамартоль или Гръшній) упоминаетъ Оскольда и Дира, говоря о нашествіи Руси 866 года, въ своемъ *Временникѣ*, который из-

ніе желаній всего чаще не отъ насъ зависить. Утѣшимся, исполняя то, что находится въ нашихъ силахъ и средствахъ.

Пересоздатель Россіи, дивный сынъ судебъ, Царь Русскій, Петръ Великій! прими благоговѣйное приношеніе памяти твоей отъ потомка тѣхъ, кому благодѣлалъ ты, кого велъ ты къ славѣ, счастію, совершенствованію нравственнаго достоинства человѣка! Вѣрю безсмертію за могилою, вѣрю, что ты, уже чуждый земныхъ страстей, земнаго праха, гениемъ хранителемъ паришь, безсмертный, надъ твоею православною Русскою землею, внушаешь мудрость Царю, потомку твоему, сплу мужества и любви къ отечеству его подданнымъ, и веселишься честью и славою Русской земли. Кто изъ насъ, Русскихъ, не захочетъ показать, чѣмъ только можетъ, что опъ достойный потомокъ тѣхъ, кого ты, Великій, называлъ *дѣтьми* своими!

Ораніенбаумъ,

Іюля 8-го, 1840 года.

люди, и Царю Государю били челомъ, чтобы имъ Го- 1553.
сударь свою милость показаль, а они всею землею Го-
сударю біють челомъ и ясаки даютъ; и Царь Государь
черныхъ людей и Арскихъ пожаловаль, а ясаки на нихъ
велѣль имати прямыя, какъ были при Магметъ-Аминѣ
Царѣ, и приказаль Боярину своему, Князю Александру
Борисовичу, а велѣль ихъ къ шерти привести и ясаки
на нихъ имати, и во всемъ ихъ управляти.

ГОСУДАРЮ БЫЛИ ЧЕЛОМЪ ЛУГОВЫЕ ЛЮДИ.

Того же дни Луговые люди изъ Якъ и изъ многихъ
мѣстъ ко Государю пріѣхали, а біють челомъ Государю
отъ всѣхъ Луговыхъ людей, тако же и Арскіе хотятъ
Государева жалованія; и Царь Государь ихъ пожаловаль
по тому же, приказаль Боярину своему ихъ къ шерти
приводить и управу чинить, и того дни правду отъ
всѣхъ людей черныхъ дали.

Того же мѣсяца 11-го дня приговорилъ Государь,
съ братомъ своимъ, Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ,
и со всѣми Бояры итти къ Москвѣ, а самому Государю
итти Волгою рѣкою въ судѣхъ, а въ конной отпустилъ
слугу и Воеводу, Князя Михаила Ивановича Воротын-
скаго, съ товарищи, итти имъ на Василь городъ берегомъ.

Того же дни Царь и Государь, слышавъ молебна у
Благовѣщенія Пречистыя Богородицы, и положи всю на-
дежду на милосердаго Бога, и Пречистую Его Матерь, и
Великихъ Чудотворцовъ, и рекль: Ты, Владыко нашъ, Хри-
стось, сія содѣлаль, Ты соблюди во имя Свое градъ и
люди; и приказаль Боярину своему и Воеводѣ, Князю
Александру Борисовичу, съ товарищи, все творить по
своему Царскому наказу, и поиде къ Волгѣ, и того дни
ночеваль на берегу у Волги и на завтрее съль Госу-
дарь съ братомъ своимъ въ ушкулы, и погребъ вверхъ
Волгою, и пригребъ того дни во Свіяскій градъ, и тутъ
ночеваль; и приказываль Боярину и Воеводѣ, Князю
Петру Ивановичу, Горнихъ людей управляти и ясаки
имати и во всѣхъ ихъ беречи велѣль, и Горнимъ лю-
демъ всякую управу велѣль чинити во Свіяжскомъ го-
родѣ, а Луговымъ и Арскимъ велѣль управу въ Казани

многообразныхъ отношенійхъ для нашей Истории. Шлецеру онъ могъ еще казаться сперва „загадкою, которую (по словамъ его) разрѣшить труднѣе Гомерова списка кораблей“, а потомъ и поддѣлкою XIII или XIV вѣка; но послѣдовавшія ученыя изысканія, особливо Эверсовы (1826 г.), уже рѣшили это достаточно.—Что касается до новѣйшаго сомнѣнія (Уч. Зап. М. У. 1834) о подлинности сего договора и подозрѣнія о его подложности и поддѣлкѣ по образцу Западнему, то это болѣе слѣдствіе *отрицательнаго ученія о Древней Руси*, чѣмъ прямое возраженіе, изъ непосредственнаго новаго разсмотрѣнія сего памятника происшедшее (какъ у Шлецера). Подобно сему возникли новыя сомнѣнія о подлинности и другихъ древнихъ Русскихъ памятниковъ,—именно какъ слѣдствія и теоретическіе выводы изъ общихъ положеній этой отрицательной системы, потомъ уже подкрѣпляемые разными доказательствами, направленными болѣе къ оправданію системы, чѣмъ къ открытію истины и разъясненію самихъ памятниковъ.—Убѣжденъ будучи съ своей стороны въ истинной древности и неподложности Договоровъ Руси съ Греками, Повѣсти Несторовой, Русской Правды, Пѣсни Игорю и проч., основываясь на нихъ, какъ на памятникахъ подлинныхъ,—я считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ и съ своей стороны объ этой *отрицательной системѣ*.—Относительной пользы и достоинства ея не отрицаю; признаю вполне справедливость и тонкость многихъ частныхъ ея замѣчаній и подробностей; однако-же, въ ея *общемъ началѣ и направленіи*, я почитаю ее неправильною: ибо она оказалась покушеніемъ мысли оспорить бытіе,—усиліемъ логической возможности и вѣроятія опровергнуть историческую дѣйствительность и достовѣрность.—Не-знаю, устоится-ли системѣ сей достоинство *высшей критики*, во имя

коей отвергаетъ она наши древніе памятники: ибо, утверждаясь на понятіи независимомъ отъ предметовъ своихъ, она прикасается къ нимъ болѣе въ наружныхъ, отдѣльныхъ, случайныхъ подробностяхъ (см. для примѣра Прим. 35), чѣмъ проникаетъ въ ихъ сущность и общую цѣлость.—Но скептицизмомъ система сія прослыла не даромъ: ибо „духъ отрицанья, духъ сомнѣнья“ есть главный характеръ ея, по которому она составляетъ собою крайность *мнительнаго* и вмѣстѣ *самопроизвольнаго* критицизма Шлецера (см. Примѣч. 6.). Но Шлецеръ, хотя часто небрежно и своенравно обходился съ Повѣстью Несторовой,—хотя непонятное для него, или несходное съ его мнѣніемъ обыкновенно слагалъ на вставщиковъ и переписчиковъ; однако видѣлъ все достоинство Несторовой Повѣсти и важность ея для Древней Исторіи не только Русской, но и вообще Сѣверной того времени, и старался истолковать, выразумѣть, объяснить ее.—Эверсъ, при всей противоположности Шлецеру въ положительномъ ученіи своемъ о Руси, нашелъ въ Несторовой Повѣсти богатый источникъ истины для Исторіи самаго Законодательства Русскаго. Не говорю о Карамзинѣ, Тимковскомъ, и большей части писателей современныхъ. Для всѣхъ были и есть несомнѣнны ея *достоверность* и *подлинность*, въ защиту коихъ еще недавно писалъ Погодинъ (Библ. для Чт. 1834-35).—Чѣмъ болѣе раскрывается наша Древняя Исторія, съ большимъ узнаніемъ писаній иноземныхъ, съ лучшимъ уразумѣніемъ нашихъ собственныхъ древнихъ памятниковъ, тѣмъ очевиднѣе становится и достоверность древней Русской Лѣтописи и ея достоинство, въ сравненіи съ другими иноземными Лѣтописями, передъ которыми Шлецеръ отдавалъ ей первенство и предпочтеніе, въ такихъ усиленныхъ выраженіяхъ. Но это самое достоинство ея и обратило противъ

нея отрицательную систему, а вмѣстѣ съ нею и противу всей Древности Русской.

—Невозможно, говорятъ, что-бы Несторъ—Кіевскій монахъ, въ XI вѣкѣ—могъ написать Лѣтопись довольно стройную и несовсѣмъ чуждую соображенія! Невѣроятно, чтобы онъ—въ Кіевскомъ монастырѣ, въ то время—имѣлъ такіа свѣденія, изъ коихъ многія неизвѣстны намъ изъ другихъ иноземныхъ писателей! Неизвѣстно, откуда именно Несторъ взялъ многія изъ этихъ свѣденій, а притомъ иноземцы о многомъ повѣствуютъ иначе! Нѣтъ списка отъ XI или XII вѣка, на которомъ-бы именно выставлено было, что это начало Русской Лѣтописи, повторяющееся въ сотняхъ списковъ, написано *Несторомъ*!—Но вмѣсто того, что-бы заняться еще большимъ объясненіемъ сихъ (уже значительно изъясненныхъ) обстоятельствъ, а въ случаѣ остающихся еще недоразумѣній предоставить ихъ на рѣшеніе будущимъ изслѣдованіямъ,—отрицательная система отвергла самое явленіе: Лѣтописи Нестора она отказала въ древности и подлинности, и назвала ее позднѣйшимъ и недостовернымъ сборникомъ XIV-го, а можетъ-быть и конца XIII вѣка,—будто въ это тяжкое для Руси время легче было составить ее иноку Суздальскому или Новгородскому!—

И на такомъ-то основаніи почти вся Древняя историческая жизнь Руси, съ ея первыми лицами, событіями и большею частію памятниковъ ея Словесности, заподозрѣна въ позднѣйшемъ вымыслѣ и даже умышленномъ подлогѣ, въ переименованныхъ заимствованіяхъ изъ какихъ-то иноземныхъ писаній (или непоказныхъ, или ничего непоказывающихъ въ пользу системы, напр. Гельмонда, Адама Бременскаго).—Въ-слѣдствіе того—Рюрикъ съ братьями, Оскольдъ и Диръ, Олегъ (не говоря уже о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, о Го-

стомысль и Вадимъ)—признаны за лица баснословныя! Завладѣніе Новгородской земли Варягами, призваніе трехъ братьевъ на княженіе, сказаніе о началѣ Земли Русской, о походахъ Вѣщаго Олега, о покореніи Полоцка Владиміромъ и Его родоначаліи Полоцкихъ Князей—вымыслы! Путешествіе Св. Ольги на Сѣверъ, княженіе Владиміра и Ярослава въ Новѣгородѣ, Русская Правда и самое бытіе Новгорода до конца XI вѣка—все это должны быть умышленныя и позднѣйшія выдумки хитрой политики Новгородцевъ! *Небывалые-же и нестоющіе критики* Договоры съ Греками Олега, Игоря и Святослава (не говоря уже объ Церковныхъ Уставахъ Владиміра и Ярослава)—то-же Новгородскія поддѣлки XII или XIII вѣка, подобно Русской Правдѣ! А Пѣснь Игорю—это поддѣлка еще позднѣйшая, чѣмъ Лѣтопись, приписываемая Нестору: ибо вѣроятно-ли, что бы у насъ она явилась въ то время—, когда еще въ Европѣ большею частію писали на Латинскомъ языкѣ, когда еще не раздавались народныя пѣснопѣнія, не было еще Дантовой Божественной Комедіи и Петрарковыхъ канцонъ?“...—

Сколько знанія, соображенія, искусства и труда надо предположить въ XIII или XIV вѣкѣ на Руси, допуская вымысль Исторіи, какую только вѣковая жизнь народа сильнаго создавать можетъ! предполагая возможность поддѣлки памятниковъ столь похожихъ на истинныя и подлинныя, столь согласныхъ съ неоспоримыми останками нашей Древности и сообразныхъ съ событіями того времени у прикосновенныхъ къ намъ народовъ и ихъ писаніями!!—И изъ какихъ-бы это видовъ? Изъ корыстной-ли, общественной выгоды хотѣли дѣйствовать на современниковъ? или-же изъ самоотверженія и любви къ своему прошедшему, замыслили о потомствѣ?... И въ комъ-бы нашлось

тогда столько знанія и умѣнья: уже-ли въ промышленникѣ Новгородскомъ? Кто-бы рѣшился на такое недобросовѣстное и непрямое употребленіе своего дарованія: уже-ли набожный инокъ Суздальскій?... Слишкомъ высокое въ первомъ отношеніи, погрѣшительное во второмъ, и несправедливое во всякомъ случаѣ понятіе о Старинѣ Русской XIII и XIV вѣка!

Средство всеобщаго подлога литературнаго для того времени есть совершенная невозможность и несообразность во всѣхъ отношеніяхъ,—и цѣлая система столь искуснаго вымысла столькожъ памятникѣвъ, въ XIII или XIV вѣкѣ, была-бы явленіемъ гораздо болѣе неизъяснимымъ и безпримѣрнымъ, гораздо менѣе вѣроятнымъ и возможнымъ, чѣмъ дѣйствительное явленіе оныхъ въ свое подлинное, древнее время, до нашествія Татарскаго!—

Были и у насъ въ среднія времена свои вымышленныя сказанія о Руси и не Руси, впрочемъ изъ замысловъ менѣе обширныхъ и болѣе простодушныхъ; но они у насъ не признаются за вымыслы и отличаются отъ дѣйствительности, какъ отъ подлинной Татарской монеты отличается поддѣлка Болгарская. Если-же настоящія письмена на какой-нибудь древности покажутся иногда простыми арабесками, то это вина уже критики.

Въ позднѣйшее время являлись и у насъ литературныя подлоги: но кто-же вѣрить, на-примѣръ, въ подлинность Іоакимовой Лѣтописи, Гимновъ Бояновыхъ, писанныхъ рунами Словенскими?...

Что касается до недостатковъ, погрѣшностей и заблужденій, то они были и есть у насъ, какъ и вездѣ и всегда: „errare humanum est“ говорили Латины; но по Русской пословицѣ „ошибка въ фальшь не ставится“.—И если Древняя Русь въ XI и началѣ XII вѣка не была дикою

степью и пустынею, какъ земля Половецкая или Скандинавія,—если она съ принятіемъ Православія скорѣе другихъ просіяла — было и кой-въ чемъ упредила современный ей Западъ: то я не вижу еще основанія и причины почему-бы намъ отрекаться отъ того и наводить сомнѣніе на Древнюю жизнь Руси. Созданія думы и слова ея сохранили ее для памяти потомства; и никакая критика, самая мнительная и недовѣрчивая, со всею силою своей возможности и вѣроятія, не въ-силахъ поколебать ея Исторіи, опровергнуть памятниковъ ея Словесности. Вѣрно могли ихъ написать когда *написали!*.. Сомнѣваться-же можно во всемъ, не вѣрить можно ни чему, и всякое вѣрованіе можно называть слѣпою вѣрою, суетвѣріемъ, старовѣрствомъ и предразсудкомъ. Исторія философскихъ системъ представляетъ разительные тому примѣры; но система логически-вѣрная, не есть еще истинная и естественная!... И если несомнѣнна „польза изученія Русской Исторіи въ связи со Всеобщею“, то это изученіе должно-бы привести не къ отрицанію нашей Древней Исторіи, а къ открытію 1) того общаго *соотвѣтствія и подобія историческихъ явленій*, съ какими человѣческая жизнь раскрывалась на нашемъ Востокѣ и Европейскомъ Западѣ, 2) *тѣхъ особенностей*, съ какими—въ тѣхъ-же соотвѣтственныхъ и однозначительныхъ явленіяхъ своихъ—человѣческая жизнь *здѣсь и тамъ* выражалась своимъ собственнымъ, отличнымъ образомъ.—

(15.) По Ипатьевскому списку.—Шлецеръ справедливо, мнѣ кажется, замѣтилъ, что подъ словомъ *вся, вси*, такъ часто встрѣчающимся въ Лѣтописи при Кривичахъ, надо разуметь Чудской народъ *Весь*.

(16.) При моемъ понятіи о томъ, кто были *Варяги-Руссы* и *Рюрикъ*, я почитаю достойнымъ еще новаго и подробнѣйшаго раскрытія тѣхъ *отношеній*, въ которыхъ, не-задолго до призванія на княженіе и пришествія Рюрика, находились и онъ и Ружане (съ ближайшими къ нимъ *Заодерскими Словенами*)—какъ между собою, такъ и къ *Лотарю*.

Тогда можетъ-быть объяснилось-бы виднѣе, почему *Варяги-Руссы* покидали край свой и почему они соединились именно съ *Рюрикомъ*; тогда и самое призваніе Рюрика и его пришествіе, столь кратко изложенныя у *Нестора*, можетъ-быть сдѣлались-бы понятнѣе и опредѣленнѣе. Ибо теперь все еще есть мѣсто тѣмъ мыслямъ, что *Рюрикъ* былъ не столько призваннымъ защитникомъ, сколько насильственнымъ завладѣтелемъ *Новгородской земли* (по *Миллеру*, *Шлецеру*, *Крузе*)—предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобное, что и первое (859 г.) нападеніе *Варяговъ* изъ за-мори предполагается учиненнымъ дружиною *Рѣрика* съ береговъ *Шведскихъ* (изъ *Бирки*).—Впрочемъ если-бы и оправдалось вполнѣ такое мнѣніе относительно *Рюрика*; все-же посольство къ *Варяго-Руссамъ* и призывъ на княженіе могли быть своимъ чередомъ, независимо отъ пришествія или нашествія *Рюрикова*, и должны быть принимаемы какъ *событіе историческое*.

(17.) Выраженіе весьма употребительное у *Пѣвца Игоря*, когда онъ изображаетъ любимѣйшія свои лица—*Бояна*, *Всеслава*, *Игоря*. „*Всеславъ* Князь людемъ судяше, Княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше великому *Хрѣсови* влъкомъ путь прерыскаше.“ Къ *Рѣрику* я примѣнилъ его и потому, что *Нормановъ* называли *варграми* (*Wargr*) т. е. *волками*,—откуда всего вѣроятнѣе, кажется, можно произво-

доть (Прим. 33) слово *Варягъ* однозначительное съ *Норманомъ* (стр. 40). Въ таковомъ-же смыслѣ вѣроятно и Заодерскіе Лутичи (т. е. лютые) названы *Вильками* т. е. волками, и этимъ именемъ (*Вильци* или *Вильки*) величали ихъ—по Гельмольду—, „a fortitudine“. По такому (Татищевскому) объясненію этихъ словъ выходитъ, что имена *Вагровъ* и *Вильковъ* (принадлежащихъ къ *Варягамъ-Словенамъ*) однозначительны, только у первыхъ отъ Нѣмецкаго, у вторыхъ отъ Словенскаго слова.

(18.) Въ этомъ убѣждаюсь я статьею Крузе о происхожденіи Рюрика, помѣщенною въ Ж. М. Нар. Пр. 1836 N 1.—Тождество Рюрика съ Рѣрикомъ Крузе изъясняетъ всѣхъ удачѣе; онъ показываетъ, что въ тѣ самые годы, когда Рюрика невидю въ Россіи, Рѣрикъ является завоевателемъ въ Германіи,—когда Несторъ говоритъ объ немъ, тогда молчатъ Франкскія Лѣтописи;—слѣдъ его исчезаетъ въ Германіи, когда Несторъ повѣствуетъ о его смерти въ Россіи.

Изъ сего открывается, что небогатое событіями и прерывистое сказаніе Нестора о Рюрике было не безъ основанія и не заслуживаетъ за то укоризны: именно эта недостаточность его и показываетъ, что оно ограничено только домашними и положительными извѣстіями, чуждо вымысловъ и заимствованій изъ Западныхъ историковъ и даже своенародныхъ преданій, по коимъ Несторъ могъ-бы распространить свою Повѣсть о древнемъ Князѣ,—какъ сдѣлалъ составитель такъ-называемой Іоакимовой Лѣтописи въ сказаніи о первыхъ лицахъ земли Новгородской.—

(19.) Варяги-Руссы вообще и собственно Ругіяны или Ружаны называются у иноземныхъ

писателей различно: Rusi, Russi, Rugi, Rugiani, Ruiani, Roiani, Rani, Rimi, Runi, Rutheni, Rudeni; а островъ Ругень— Rugia, Rutia, Ruscia, Russia. Любопытно видѣть какъ разнообразятся одно и то-же имя у разныхъ лицъ; но еще любопытнѣе разнообразіе понятій у разныхъ лицъ объ томъ-же предметѣ.—

Татищевъ (Т. II. стр. 404, по слѣд. Т. I. стр. 266) едва-ли не справедливѣе всѣхъ полагалъ, что въ назначеніи Оттономъ 1-мъ Адальберта къ *Руссамъ*, надо разумѣть *Ругіанъ*.—Карамзинъ находилъ въ-роятнымъ мнѣніе ученаго *Ассемани*, что въ словахъ Регинава продолжателя „*Helenaе Reginae Rugorum*,“ должно читать *Russorum*; а въ назначеніи Адальберта—вмѣсто *Russorum* надо разумѣть (вопреки Шлецеру) *Rugorum*, — и предполагалъ, что Ламбертъ, Дитмаръ или писецъ его разумѣли *Rugia*, а написали *Russia*! (Т. I. Пр. 395).—Напротивъ Шлецеръ, доказывая, что не только Елена Царица Ругійская была наша Княгиня Ольга, но и Адальбертъ былъ первымъ у насъ Епископомъ, говоритъ такъ: „что *Rugi* значатъ *Руссы*—это вѣрно; ибо глупость писателей современниковъ среднихъ вѣковъ извѣстна.... Ассеманіевы бредни, который подъ Ругіянами считалъ жителей Ругена, не стоятъ опроверженія.“ (Т. III. 454). Но Каченовскому (Уч. Зап. 1835) превращеніе словъ *Rugi* и *Rugia* въ слова *Russi* и *Russia* кажется „вольностью тогдашнихъ грамотѣевъ“; а *Руссія*, сопредѣльная Помераніи (по жизнеописателю Еп. Оттона, 1124) „представляется или въ искаженномъ видѣ, или словомъ схваченнымъ съ воздуха“ (въ которомъ оно часто раздавалось!)—Такова сила предубѣжденія, съ которымъ оспаривали имя *Руси* у того края, изъ коего оно къ намъ перешло и гдѣ долго еще оставалось. Представляются очевидныя свидѣтельства (Дитм., Ламб. и многіе др.): но— „хоть знаю, да не вѣрю!“ . . .

Здѣсь можно вспомнить и то, какъ разнѣ писали имя нашего Отечества: Ruzia, Ruzzia, Rutia, Ruthenia, Reussen... Подобно сему и Пруссію называли Rruzia, Rruzzia, Prussia, Borussia, Prucia, Ruthenia, Preussen. Шлецеръ не безъ основанія очень сѣтовалъ на таковыя варіаціи.—

Что касается до Ружанъ, то Пресвитеръ Гельмольдъ (1170 года), въ своей *Хроникѣ Словенъ* (Кн. I.), описываетъ ихъ довольно подробно; такъ на-примѣръ:

„*Раны или Ругіяны, народъ сильнѣйшій изъ Словенъ; одинъ только имѣетъ у себя Царя; противъ ихъ мнѣнія ничего не совершается въ дѣлахъ общественныхъ; столь страшны они, по близости съ ними боговъ или лучше демоновъ, коимъ служатъ они съ большимъ противъ другихъ почитаніемъ.*“ (Гл. 1.)

„*Ругіяны народъ жестокий, живущій въ сердцѣ моря, чрезмѣрно преданный идолопоклонству, первенствующій у всѣхъ Словенскихъ народовъ, имѣющій у себя Царя и знаменитѣйшее капище. Увлеченные жаждою обладанія, они пришли (на корабляхъ) къ Любеку, стремясь завладѣть всею областію Вагировъ и Нордальбинговъ . . .*“ (Гл. 37).—

(Сличи слова Фотія о Черноморскихъ Руссахъ 866 года, въ Примѣч. 9.).

(20.) Въ *Примѣчаніи о происхожденіи Руссовъ* къ изданному имъ сего 1856 года переводу Рейцова сочиненія *Опытъ Исторіи Россійскихъ Законовъ*. Обращаю вниманіе Читателей моихъ на *Примѣчанія* Морошкина относительно *Руссовъ* и *Варяговъ*, гдѣ найдутъ они многое, въ подтвержденіе раскрываемаго нами Ломоносовскаго мнѣнія о тѣхъ и другихъ, къ которому онъ сдѣлалъ прямой переходъ, устремлясь по слѣдамъ Каченов-

скаго къ Ломоносовскимъ поискамъ нашего Прибалтійскаго Словенизма въ Западныхъ источникахъ.— Тамъ-же читатели найдутъ Примѣчаніе и о Русской Правдѣ, о которой Морошкинъ представилъ нѣсколько новыхъ и основательныхъ соображеній, какъ въ утвержденіе ея древности и Словено-Русскаго происхожденія, такъ и въ подтвержденіе того, что Ярославъ I былъ Законодателемъ Суда Церковнаго. Но изслѣдуя сей предметъ, Морошкинъ ничего не говоритъ о Владимірѣ, который былъ еще прежде у насъ Законодателемъ Церковнаго Суда. При разсмотрѣніи вопроса: когда Русская Правда сдѣлалась письменнымъ памятникомъ нашего Законодательства,—мнѣ представляется поводъ думать, что она таковою составила въ Кіевѣ еще до Ярослава,—вѣроятно при Владимірѣ: ибо—отъ него у насъ было уже письменное Законодательство Церковнаго Суда и Завѣта о десятинахъ; „Бѣ-бо Володимеръ любя дружину и съ ними думая о строи земельмъ, и о ратехъ, и уставъ земельмъ.“ (Лавр. Сп.)

(21.) Изъ Ипатьевского и Кенигсбергскаго списковъ. Въ Лаврентьевскомъ списокѣ—объ Рюриковомъ мѣстопробываніи, а равно и о построеніи Ладоги—пропускъ.

(22.) Ошибка произошла и отъ того, что между словами „Руская земля, Новугородъци“ не было поставлено запятой. Я принялъ текстъ съ тѣмъ раздѣленіемъ словъ, какъ онъ издавъ Тимковскимъ, почитая оное правильнымъ.

(23.) Родъ значитъ не только родню, родичей въ ближайшемъ смыслѣ, но и въ смыслѣ однородцевъ, земляковъ—съ той же родины, и даже

въ значеніи народа, на-примѣръ: „Роди, нарицае-
ми Руси...“ Слѣдующія за сими (въ Никонов-
ской Лѣтописи и Степенной Книгѣ) слова—„...иже
и Кумани, живяху въ Ексинопонтѣ“—послужи-
ли основаніемъ для третьей изъ новыхъ истори-
ческихъ школъ (какъ сказалъ я въ Примѣчаніи
26).—По эти слова, безъ сомнѣнія, взяты изъ ка-
кого-нибудь Византійца, какъ видно уже по име-
намъ *Ексинопонтъ* и *Кумани*,—и можно думать,
что они принадлежатъ писателю того времени,
когда у Византійцевъ сдѣлались извѣстны *Куманы*,
которыми онъ—разсказывая о нападении пре-
жнихъ Руссовъ въ 866 году на Царьгородъ, мир-
номъ договоръ съ имп. Василія Македонянина и
ихъ предложении на Христіанство—поясняетъ Чер-
номорское пребываніе и варварство этихъ *Дро-
митовъ*—обладателей *Ахиллесова бѣга*, а по Льву
Діакону—одноземцевъ *Ахиллесовыхъ*, такихъ-же го-
лубоокихъ, красноволосяхъ и быстроногихъ. Впро-
чемъ весьма можетъ быть и то, что этотъ Грекъ
считалъ Руссовъ и одноплеменниками *Кумановъ*—
съ тою-же вѣрностью и точностью, какъ другіе
Византійцы называли сихъ-же (*Оскольдовыхъ*)
и *Святославовыхъ* Руссовъ. Скиѣми Таврійски-
ми, а иные Франками,—и съ довольною близо-
стью къ Шлецеру мнѣнію о Руссахъ 866
года.—По Шлецеру выводъ изъ этого од-
ного мѣста Степенной Книги и Никоновской
Лѣтописи, будто и сами Рускіе въ XV вѣкѣ
считали прежнихъ Руссовъ *Куманями* или *По-
ловцями* столь-же основателемъ, какъ и его за-
ключеніе—изъ приводимыхъ Шведскими Истори-
ками словъ Новгородскаго Архимандрита Ки-
ріана—будто и сами Рускіе въ началѣ XVII вѣка
считали Руссовъ *Шведами* (см. Прим. 53). И
Шлецеръ, опровергая (будто древне-Русское) мнѣ-
ніе, что Руссы были Куманы, сражался съ соб-
ственною мечтою!

Эти-же четыре дѣйствительно неважныя слова признаны за важное извѣстіе и системою отрицательною, для ся подкрѣпленія въ томъ, что Русь есть Азіатское племя. Но она не должна-бы по силѣ произвола основываться на этомъ извѣстїи, которое по ея-же правиламъ должно быть для нея *недостовѣрно и вообще*—какъ Автопись Русская, *недостовѣрно и въ особенности*—какъ извѣстіе исполненное баснословія и вымысловъ: ибо въ томъ-же мѣстѣ *Князьями славъ Руссовъ* называются именно Оскольдъ и Диръ—лица баснословныя и вымышленныя Новгородцами, по утверженію сей системы! Какъ-же ей полагаться на такое мѣсто?.... Но—стало и по системѣ отрицательной можно черпать изъ источниковъ вдвойнѣ *недостовѣрныхъ*, особливо для оправданія своего мнѣнія,—можно и среди баснословія отыскивать истину, или то, чему надо быть истинною для свей системы!.... А между тѣмъ Южная Русь, особливо въ Козачествѣ, дѣйствительно представляетъ въ стихїяхъ жизни своей много *Азіатскаго, наѣздническаго, Черкесскаго* (а). Да и въ Древней Кіевской Руси Азіатская стихія жизни начинается еще при Воишественникѣ Святославѣ, который „за Порогами Днѣпровскими сложилъ буйную голову свою—сей первообразъ головъ Козацкихъ“ (б).—По уже-ли присутствія Азіатски-наѣзднической стихїи—въ жизни этихъ Черноморскихъ или Южныхъ Руссовъ—Словенъ—нельзя изъяснить безъ *предположенія* о ихъ племенномъ однородствѣ съ Печенѣгами, Половцами, Берендѣями, Торками и Черкесами Кавказскими?... И здѣсь также могу сказать: предположеніе лишнее и для изъясненія явленій, кромѣ того, что несправедливо само по себѣ! Безъ него можно обойтись, какъ и безъ мнѣнія Герберштейна, который не только имя Варяга ограничивалъ одними Словенами-Ваграми, но и Пятигорскихъ Чер-

жесовъ (=Косогн) причислялъ къ народамъ племени Словенскаго.—

(а) Объ этомъ я своимъ мнѣніемъ еще за 10 лѣтъ сошелся съ историческимъ мнѣніемъ Каченовскаго, при первомъ изданіи *Малороссійскихъ пѣсень* (въ 1827 году). Предисловіе къ нимъ было сперва напечатано въ Вѣстникѣ Европы (1827. . 15), гдѣ мысли мои о присутствіи Азіатской или Кавказской стихіи въ бытѣ и составѣ Украинцевъ. Издатель почтѣлъ своимъ подтвердительнымъ Примѣчаніемъ, ссылаясь и на мнѣніе Карамзина о Козакахъ и Черкесахъ (Т. V. стр. 393 и слѣд.). Личное посѣщеніе Кавказа въ 1832 году еще болѣе меня увѣрило въ прежнихъ моихъ мысляхъ.

(б) Повторяю сказанное мною во второмъ изданіи *Украинскихъ народныхъ пѣсень*, 1834 года,—на стран. 67.

(24.) Умноженіе Руссовъ въ Кіевской Землѣ весьма могло произойти отъ новаго переселенія Руссовъ съ Поморія Балтійскаго прямо въ Кіевъ (какъ предполагаетъ Морошкинъ),—и можетъ быть верховья р. *Роси* у Днѣпра (примѣч. 27) были поселеніемъ сихъ выходцевъ.—Съ предположеніемъ сего очень вѣроятнаго переселенія Руссовъ на Днѣпръ, становится еще понятнѣе и умноженіе ихъ у Чернаго моря и въ службѣ Царь-городской (700 Руссовъ въ 902 г., еще до *Игора*!)

(25.) Предполагаемая мною немирная уступка Кіева Руссамъ отъ Казаръ, кажется, дѣло весьма естественное и возможное,—хотя о томъ молчатъ Русскія Лѣтописи, кромѣ одной, на которую однакоже, какъ давно отреченную Миллеромъ, Шлецеромъ и Карамзинымъ, уже положено не ссылаться. Я разумю такъ-называемую Іоакимову Лѣтопись, не могущую быть авторитетомъ и по странному ея появленію въ свѣтъ—въ Исторіи Татищева, и по многимъ вымысламъ, коими она изукрашена, даже нарочно вопреки Нестору. При всемъ томъ не вся она чужда истины въ своей основѣ, и есть въ ней нѣкоторыя извѣстія, кои могутъ послужить, если не основнымъ, то хоть дополнительнымъ или вспомогательнымъ запасомъ историческимъ и быть приняты въ со-

ображеніе. Таково между прочимъ слѣдующее мѣсто: „Оскольдъ-же шедъ облада Кіевомъ, и со-
„бравъ вои, *повоева первѣе Козарь*, потомъ иде въ
„ладіяхъ ко Царюграду, но буря разбѣ на морѣ
„корабли его“ (Тат. I. стр. 35). Пусть это даже
вымысль, составленный по соображенію сочини-
телемъ Лѣтописи: только онъ очень правдоподо-
бенъ. Впрочемъ и съ моей стороны это только
предположеніе. Между тѣмъ, не въ оправданіе се-
бя, скажу и здѣсь, что великій произволъ кри-
тики Шлецеровской палъ на всѣ дѣянія Осколь-
да, даже во всемъ сказаніи самаго Нестора. Къ
сказанному о семъ въ Примѣчаніи 8-мъ, прибав-
лю слѣдующія замѣчанія.

1.) Только въ Архангелогородскомъ Лѣтопис-
цѣ сказано, что Оскольду и Диру Рюрикъ „не даль
ни града ни села“: Шлецеръ слова сіи включилъ
даже въ самый текстъ Несторовъ. А почему? Шле-
церъ „очень радъ, что Архангелогородскій Лѣ-
тописецъ его (прежнее) подозрѣніе обращаетъ
въ достовѣрность“! Здѣсь Критикъ подумать не за-
хотѣлъ, чтобы это могло быть собственною до-
гадкою Лѣтописца, которая могла у него родить-
ся, когда дѣло шло о раздачѣ Рюрикомъ горо-
довъ мужамъ своимъ.

2.) Въ Пскоповской Лѣтописи есть дополни-
тельное извѣстіе къ походу Оскольда и Дира на
Царьгородъ 866 года. „Въ лѣто 867 возврати-
шася Оскольдъ и Диръ отъ Царяграда вмалѣ
дружине, и бысть въ Кіевѣ плачъ велій.“ Это
извѣстіе, здѣсь опредѣленіе чѣмъ гдѣ-либо
сказанное, Шлецеръ почитаетъ уже собствен-
нымъ изобрѣтеніемъ Лѣтописца, которое онъ лег-
ко могъ предположить и исчислить изъ преды-
дущаго, даже въ назначеніи 867 года! А по-
чему? Шлецеръ отвергаетъ весь походъ Осколь-
да и Руссовъ изъ Кіева на Царьгородъ!

3.) Въ той-же Никоновской Лѣтописи, и только въ ней одной, сохранились извѣстія: подъ 864 г. о убіеніи Болгарами Оскольдова сына,—подъ 867 г. о побіеніи Печенѣговъ Оскольдомъ и Диромъ. — За эти событія (равно и за войну съ Полочанами 865 г., по мнѣнію Карамзина), какъ ни гдѣ болѣе неупоминаемыя, виновата, Никоновская Лѣтопись: ибо первое событіе для Шлецера „непонятно и невѣроятно“; а второе показалось ему „страшною ошибкою въ лѣтосчисленіи“—потому будто, что въ спискахъ Несторовой Лѣтописи (за исключеніемъ двухъ древнѣйшихъ т. е. Лаврентьевскаго и Ипатьевскаго, въ которыхъ объ этомъ совсѣмъ пропущено) сказано: Печенѣги *приидоша первое на Русь* при Игорѣ 915 года;—между тѣмъ какъ въ Никоновской Лѣтописи говорится не объ нападеніи Печенѣговъ на Русь, а объ Оскольдовомъ ихъ побіеніи, которое могло быть и наступательное, и не близъ Кіева; притомъ о появленіи, кажется, ихъ на Руси (хотя мимоходомъ)—Несторъ упоминаетъ прежде, послѣ Оброровъ: „По сихъ же паки идоша Угри Черніи мимо Кіевъ; послѣ же при Ользѣ.“

Я не ручаюсь за истину сихъ показаній; но не вижу причины признавать ихъ и недостовѣрными,—не могу не указать того, что *отрицаніе* ихъ основано болѣе на произволѣ критики, который тамъ-же является и въ обратномъ видѣ, въ *утвержденіи*—а именно:

4.) Въ той-же Никоновской Лѣтописи подъ тѣми-же годами сохранились извѣстія: подъ 864 г. о возмущеніи Новгородцевъ противъ Рюрика и убіеніи Рюрикомъ храбраго Вадима и его советниковъ, (о чемъ говорится еще въ Степенной Книгѣ тѣми-же словами); а подъ 867 г. о побѣгѣ отъ Рюрика въ Кіевъ многихъ Новгородскихъ мужей.—Эти три извѣстія Никоновской Лѣтописи Шлецеръ принимаетъ уже, какъ „от-

мѣнно важныя“ и, подобно Миллеру, выводить изъ нихъ соображеніе и заключеніе о насиліи Рюрика, неудовольствіи Новгородцевъ и проч. Всѣ эти три извѣстія также пропущены въ другихъ Лѣтописяхъ нашихъ: по здѣсь, по суду Шлецерову, виноваты уже трусливые переписчики, которые (всѣ!) съ умысломъ это выпустили и скрыли!!—(Нест. Ч. 1., 358).

(26) Странная участь этихъ *Черноморскихъ Руссовъ-Азіатцевъ* въ нашихъ историческихъ системахъ. Они какъ мечта являются съ Юга для тѣхъ, кои ведутъ къ намъ съ Сѣвера Русь Скандинавскую, и какъ дѣйствительная сущность принимаются первыми отрицателями происшествія Руси съ Сѣвера. Такъ еще первоначальникъ ученія о Скандинавскомъ происхожденіи Руси Байеръ принялъ-было *Руссовъ* или *Россовъ* 866 года за Арабовъ и разбойниковъ изъ города *Роса*, что въ Кіаикіи; но потомъ самъ же отмѣнилъ это мнѣніе и увѣрился, что то были наши Кіевскіе Руссы, по общему о томъ мнѣнію. Но въ Московскомъ Университетѣ явилась новая система, по которой древніе Руссы приняты положительно за особый *Черноморскій Таврическій* народъ, принадлежавшій къ особому *Кавказскому* или *Горскому* племени—древнихъ *Лазовъ*. Система сія, мною полагаемая въ основаніе третьей новой исторической школы, была преподаваема въ 80-тыхъ годахъ ученымъ, первымъ въ Россіи Заслуженнымъ Профессоромъ *Чеботаревымъ* (а), который былъ основателемъ и председателемъ *Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* при Московскомъ Университетѣ, — котораго Шлецеръ называлъ „своимъ руководителемъ въ Русской Исторіи“.— Но Шлецеръ былъ жарчайшій поборникъ Скандинавской Руси: потому хотя и принялъ *Черноморскихъ Руссовъ* сво-

ПРІѢЗДЪ НИКИТИНЪ ИЗЪ ЛИТВЫ.

1553.

Марта 28-го дня пріѣхаль Никита Сушковъ изъ Литвы, а пріѣхаль отъ Пановъ къ Бояромъ, привезъ грамоту; а писали, что Пословъ Король пришлетъ къ первому дни, а кого именемъ, съ тѣмъ Король гонца пришлетъ.

ПРІѢХАЛЪ ГОНЕЦЪ ОТЪ КОРОЛЯ.

Того же лѣта, мѣсяца Апрѣля, пріѣхаль гонецъ отъ Короля къ Царю и Великому Князю, Андрей Станиславовъ, съ грамотою, а писалъ Король, что отпустилъ Пословъ своихъ къ Царю и Великому Князю, Пана Станислава, да Воина, Полоцкаго Воеводу, съ товарищи, а будетъ къ Москвѣ по Петровъ дни.

О ВѢСТѢХЪ КЪ ЦАРЮ ИЗЪ КРЫМУ.

Того же лѣта, Іюля 6-го дня, пришли вѣсти къ Государю изъ Крыму, что Царь Крымской хочетъ быти на его Украйнѣ; и Государь по тѣмъ вѣстемъ пошелъ на Коломну, а въ Серпуховъ отпустилъ Князя Владимира Андреевича, да Воеводъ своихъ, Князя Семена Ивановича Микулинскаго съ товарищи, а въ Калугу Царя Дербыша Алея, Астраханскаго, да Боярина и Воеводу Князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, и иныхъ Воеводъ; со Царемъ и Великимъ Княземъ были Царь Симеонъ Казанскій, да Бояря и Воеводы, по полкомъ по росписи, да Черкасскіе Князи Магаушко съ братією, и съ людьми, да изъ Городка Царь Шигалей, да изъ Юрьева Царевичъ Астраханской, Кайбула Ахкубековъ, да изъ Калуги Царь Государь велѣлъ у себя быти Дербышу, Царю Астраханскому.

О ПРИСЫЛКѢ ИЗЪ МЦЕНСКА СЪ ЯЗЫКАМИ.

И въ Августѣ прислалъ изъ Мценска Князь-Петръ, Князь Ивановъ, сынъ Горенскаго, съ языками пяти Татаринѣвъ Крымскихъ, приходили на Мценскіе Украины 50 человекъ Крымскихъ, и тѣ языки сказывали, что Крымской Царь приходилъ на Черкасы, и на Цареву, Великаго Князя, Украину не пошелъ; и Государь пошелъ къ Москвѣ, и Царей. И Царевичевъ отпустилъ по вотчинамъ, а Черкасскихъ Кня-

или Сарматами, или Словенами“—говорилъ это въ насмѣшку надъ „любимою мечтою Русскихъ Историковъ“—сказавъ въ другомъ мѣстѣ, что въ Русской Исторіи (до его времени)—„царствуетъ неученая фантазія.“—И такъ Шлецеру казалось странною мечтою мнѣніе о происхожденіи Руси Словенскомъ! Но это была мечта Ломоносовская, вѣковымъ повѣрьемъ Руси и другихъ Словенъ освященная, и какъ видно—возникшая изъ существенности: потому и обращается опять въ дѣйствительность. Шлецерово-же мнѣніе хотя было плодомъ и ученой фантазіи его; однако теперь называется мечтою отъ самыхъ послѣдователей ученія о Скандинавской Руси;—и когда онъ зарекается о Черноморскихъ Россахъ не упоминать въ Русской Исторіи, то мечта его походить на темное предчувствіе новой школы, которая его отреченнымъ Южнымъ Руссамъ-Азіатцамъ дастъ силу положительности, а положительное ученіе его о Сѣверныхъ Руссахъ-Скандинавахъ запечатлѣтъ отрицаніемъ и признаетъ мечтою,—которая для системы его будетъ какъ электрическій ударъ, перемѣняющій магнитные полюсы въ концахъ магнитной стрѣлки мореходца.

И въ самомъ дѣлѣ незамедлила собраться третья новая школа, противоположная двумъ первымъ новымъ школамъ историческимъ (Примѣч. 3), коея общій отличительный признакъ въ томъ, что она, отрицая пришествіе къ намъ Руси не только изъ Скандинавіи или Финляндіи, но и вообще съ Сѣвера и отъ Балтійскаго моря,—ведетъ ее къ намъ прямо съ Юга, съ Черноморія, черезъ Кіевъ.

Я уже сказалъ, откуда пошла эта школа. Основаніемъ ей послужило одно мѣсто въ Степенной Книгѣ, повторяемое и Никоновскою Лѣтописью (см. Прим. 23), гдѣ говорится, что съ Оскольдомъ и Диромъ, въ ихъ нашествіи 866 года на Царьгородъ, были „Роди нарицаеміи

Руси, иже и Кумани, живяху въ Экспнопонтѣ⁴⁴ и что Василій Македонянинъ сотворилъ мирное устройство съ сими Руссами и преложилъ ихъ на Христіанство.—Выходя отсюда, Чеботаревъ полагаетъ, что, при походѣ Оскольда съ Кіевскими Словенами и Варягами изъ Кіева, пристали къ нему и Руссы, жившіе при Черномъ морѣ въ Крыму, (какъ нѣкогда приставали къ Аттиль, противъ общаго непріятеля),—и послѣ возвращенія ихъ Князей (Никон. Лѣтоп.), они присоединились къ Кіевскому Княженію, и Греки стали называть уже цѣлое Государство Русью, по имени ближайшей къ нимъ части онаго, а потомъ оно сдѣлалось уже общимъ и между Словенами. Этихъ Руссовъ и Кумановъ онъ признаетъ за народъ особаго племени, къ которому причисляетъ Козаровъ, Болгаровъ древнихъ и Ала-новъ, посредствомъ коихъ всѣ они примкнуты къ древнимъ Лазамъ или нынѣшнимъ Лезгинамъ. Въ такомъ (едва-ли не лучшемъ) видѣ своемъ явилась съ самаго начала третья школа, которую—въ общей Системѣ ученій о Руси—я поставляю въ особый Южный разрядъ системъ, и въ противоположность ему, двѣ первыя новыя школы я означаю именемъ Сѣвернаго разряда. Главнымъ провозвѣстникомъ третьей школы и сильнѣйшимъ противникомъ Шлецерова ученія о Руссахъ—Шведахъ былъ Эверсъ, который признавалъ Черноморскихъ Руссовъ за Козаровъ,—какъ думалъ еще прежде Лекіентъ, производившій впрочемъ Руссовъ по-старинному отъ Роса и Рѣксоланъ.—По слѣдамъ Эверса, это ученіе о пришествіи къ намъ Руси прямо съ Черноморія поддерживалъ Нейманъ, который отвергалъ Скандинавское происхожденіе Руси на основаніи Нестора (также какъ и Эверсъ), но принималъ Руссовъ за давній Черноморскій народъ—только не Азіатскаго племени, какъ думали Чеботаревъ,

Шмелеръ и Эверсъ; но однородный съ древними Скандинавами,— что близко къ Фатерову производству Руси отъ древнихъ Черноморскихъ Готовъ. Такимъ поворотнымъ предположеніемъ Пейманъ думалъ сойтись съ догматизмомъ Байеровской школы,— какъ нѣкогда обращенный Миллеръ направлялъ къ ней Ломоносовское мнѣніе о Роксоланахъ Прусскихъ, отрицая ихъ отъ *Заодерскихъ* Словенъ, и такимъ образомъ сдѣлалъ понятный шагъ отъ искомой истины.— Наконецъ Каченовскій далъ этой школѣ новое, сильнѣйшее отчужденіе отъ Скандинавіи и вообще отъ Сѣвернаго происхожденія Руси,— придавъ къ тому еще отчужденіе и отъ Несторова сказанія о Древней Руси вообще и о древности нашего Новгородскаго Сѣвера въ-особенности; Черноморскихъ Руссовъ онъ опять призналъ особымъ народомъ племени Азіатскаго, какъ положено было въ началѣ сей школы *Чеботарево-Эверсовской*. Такимъ образомъ третья новая школа въ системѣ Каченовскаго получила особенный видъ, и кромѣ вышесказаннаго общаго или родоваго признака, отличилась еще особеннымъ признакомъ *отрицанія нашей древности*,—отъ принятія въ себя и чрезмѣрнаго усиленія духа критицизма Шмелеровскаго (о чемъ см. Примѣч. 3 и 14),— который сопутствуетъ ей даже и въ поворотномъ ея направленіи къ искомой истинѣ—въ обращеніи Каченовскаго къ Ломоносовскимъ поискамъ нашего Словенизма на Балтійскомъ Поморіи— у Гельмольда и вообще Западныхъ писателей. Система Каченовскаго показала еще въ Вѣстникѣ Европы (1829 г.); но рѣшительнѣе открывалась по частямъ въ отрывкахъ (о Русской Правдѣ) самаго основателя и въ сообщенныхъ отъ него статьяхъ учениковъ его С. Строева, Ключникова, Перемышлевскаго (Уч. Зап. М. У. 1834-35); относительно-же происхожденія Руси и ея рас-

пространенія изъ Кіева (Прим. 42)—сіе ученіе подробно изложилъ Бодянскій (въ *Сынъ От.* 1835), который, принимая Черноморскихъ Руссовъ Турецкаго племени, предполагаетъ ихъ неперешедшимъ на Западъ остаткомъ *Роксоланъ*. Такимъ образомъ и положительное ученіе этой системы о Руси приводится къ давнему началу Старой Русской школы, на которое весьма согласенъ былъ и самъ провозвѣстникъ сей третьей новой школы,—къ которому пришла и Татищевская школа гипотезою Буткова (Примѣч. 4).

Среди двухъ противоположностей, какія представляютъ собою *два первыя новыя историческія школы съ третьею новою*,—представительница Старой Русской школы Система Ломоносовская занимаетъ *середину*, которая, предупредивъ собою обѣ стороны, избѣгла заблаговременно тѣхъ крайностей, въ какія потомъ вдалась каждая новая школа. Ибо Ломоносовская система, не отрицая *Балтійскаго* происхожденія Руси, ведетъ къ намъ ее съ *Сѣверо-Запада* чрезъ *Новгородъ*; но начало ея полагаетъ на нашемъ *Юго-Восто-кѣ*: мысль, до которой достигла уже школа Финляндской Руси,—мысль, отъ коей не могла отстраниться вполнѣ школа Скандинавской Руси, которая господствуетъ въ школѣ Черноморской Руси, и въ особенной системѣ *исконнаго* пребыванія Руси въ нашемъ Отеествѣ, развиваемой Венелинымъ. Эта система современна (1829 г.) системѣ Каченовскаго и можетъ быть отнесена къ тому-же Южному разряду системъ историческихъ: ибо и по системѣ Венелина также отрицается Скандинавское происхожденіе и Руси и Варяговъ вообще, признаваемыхъ также исключительно за *Словенъ Прибалтійскихъ* (54), и Русь представляется такъ-сказать въ Азіатскомъ свѣтѣ отъ Козаръ, Гуиновъ, Аваровъ или Оброзовъ, принимаемыхъ систематикомъ за-одно съ *Болгарами*, кои у

него причисляются къ Руссамъ (Сарматамъ), также какъ и Роксоланы. Однако весь этотъ разноименный народъ (причисляемый новыми писателями то къ Турецкому, то къ Монгольскому племени) Венелина, подъ общимъ именемъ Руссовъ, причисляетъ къ народамъ племени *Славянскаго*; и такимъ образомъ его система представляетъ переходъ къ Старой Русской школѣ изъ Южнаго разряда новыхъ системъ, который она примыкаетъ собою къ Старой Русской школѣ съ Юго-восточной ея стороны. Но въ самомъ разрядѣ семъ она составляетъ собою особый отдѣлъ противоположный отрицательной системѣ Качковскаго: ибо сія послѣдняя дѣйствуетъ отрицательно и сократительно на древнее бытіе Руси и особенно Повагорода, умаляя до возможной степени предѣлы оного извѣстные исторически; напротивъ система Венелина стремится расширить древнее бытіе Руси за исторически-обмѣренные предѣлы оного и во времени, и въ пространствѣ.

Что касается до второй изъ новыхъ школъ, т. е. Байеро-Шлецеровской: то впаденіе въ крайнюю односторонность ея положительнаго ученія, мы признали уже въ системѣ Сенковскаго, которая за то (съ другой, критической стороны своего состава) означилась возвращеніемъ къ давнему, теплomu върованію *общественнаго челоуька* въ живыя историческія преданія, въ народныя вѣрованія и особенно повѣсти или сказанія (Саги), до похороуь Историіи подѣ письменнымъ Лѣтописаньемъ! Но паворотъ положительнаго ученія сей школы къ Ломоносовской (съ ея *Сѣверозападной* стороны) сдѣланъ еще Карамзинимъ (стр. 12). Незабвенный Историкъ нашъ хотя и принималъ Скандинавское происхожденіе Вараго-Руссовъ, однако чувствовалъ *Словенизмъ* ихъ, созерцая безъ систематическаго предубѣжденія древнія событія Руси. Потому хотя онъ уступилъ Систематику-Шлеце-

ру и призналъ основательнымъ то мнѣніе, что Варяги-Русь были родомъ изъ Шведскаго Рослагена; однако не отвергъ и пребыванія ихъ на Сѣверо-Западѣ, почиталъ вѣроятнымъ переселеніе ихъ изъ-за моря сначала въ Пруссію, гдѣ, обитавъ долго между Латышами, они могли уразумѣть языкъ Словенскій еще до пришествія къ Словенамъ Новгородскимъ и тѣмъ удобнѣе примѣниться къ ихъ обычаямъ (Т. I. стр. 50).—

Таковымъ представляется мнѣ значеніе новыхъ и новѣйшихъ системъ взятыхъ вмѣстѣ, въ ихъ взаимной систематической связи и историческомъ послѣдованіи.

(а) Ученый Чеботаревъ, какъ извѣстно, по повелѣнію Екатерины Великой—составлялъ *Выписки* изъ всѣхъ древнихъ Русскихъ Летописей, послужившія основаніемъ для Ея *Записокъ касательно Россійской Исторіи* (изд. въ 6 ч. 1793—801 г.). Сими дѣломъ онъ занимался вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Брѣсовымъ, ученикомъ и наслѣдникомъ занятій и славы Ломоносова, по выроченію незабвеннаго Мурчьева.—Въ жизнеописаніи Чеботарева (см. изданія Моск. Общ. Любит. Росс. Словесн. Речи, произнесенныя въ Торж. Собр. ИМП. М. У. Рускими Профессорами онаго, Ч. I. 1819) говорится объ ненапечатанной *Русской Исторіи*, составленной Чеботаревымъ для слушателей его; объ ней упоминаетъ и Гречъ (въ *Опытѣ Краткой Исторіи Русской Литературы* 1822 г.). Я видѣлъ отрывокъ изъ нея у одного изъ бывшихъ въ 1785 году его слушателей—М. В. Могилянскаго,—откуда и узналъ предложенное здѣсь мнѣніе Чеботарева о Руси, кажется ему первому и принадлежащее, но доселѣ еще ему не усвоенное.—

(27.) Рѣка *Рось*, названная *Русью* въ Софійскомъ Временникѣ и въ одной изъ Украинскихъ пѣсень, протекаетъ въ Кіевской Губерніи и впадаетъ въ Днѣпръ при селѣ Пекаряхъ, противъ села Прохоровки, верстахъ въ 6 ниже Канева и въ верстѣ ниже Днѣпровскаго острова Ковержина; рѣчка *Росава* впадаетъ въ нее съ лѣвой стороны при селѣ Гамарнѣ.—Историческія, привольныя мѣста сіи назывались *Порусьемъ* или *Поросьемъ* (подобно Посулю, Посемью, Поволожью); а жители оныхъ мѣстъ—*Порослянами* или

Порослянами. Поросье служило вообще мѣстомъ поселенія или слободъ для разныхъ народовъ. Такъ въ 1031 году „Ярославъ и Мстиславъ идоста на Ляхи и заяста грады Червенскіе опять, и повоеваста Ляцкую землю, и многи Ляхи привеоста и раздѣлившѣ я, Ярославъ посади я по Руси, пдѣ-же суть и до сего дне.“ Въ Поросьи поселены были также Черные Клобуки, Берендѣи и Торки, жившіе и по лѣвой сторонѣ Днѣпра въ Переяславской области („Торки Переяславстѣи“). И въ среднемъ періодѣ на этомъ Поднѣпровьи поселялись Запорожскіе Козаки.—(О мѣстныхъ названіяхъ Торковъ и прочихъ, равно Козаръ, Печенѣговъ, будемъ говорить при другомъ случаѣ).—

Кромѣ Руси, въ Днѣпрѣ втекаетъ еще (въ Екатеринославскихъ степяхъ) рѣчка *Русинова Балка*. На Боплановомъ чертежѣ Украины показана другая *Росава*, небольшая рѣчка, впадающая съ лѣвой стороны въ Днѣстръ при г. Ямполь.— Въ Книгѣ Большаго Чертежа упоминается еще рѣчка *Руса*, по Путивльской дорогѣ, впадающая въ р. Семь съ правой стороны, верстахъ въ 25 ниже г. Рыльска (Курской губерніи).—

Можно-бы привести еще и другія мѣстности сего имени въ Россіи; но по неизвѣстности о времени и поводѣ ихъ названія (и по неприведенію еще въ извѣстность всѣхъ мѣстныхъ именъ рѣкъ, урочищъ—въ наименованіи коихъ Ходаковскій замѣчалъ особую систему),—онѣ не могутъ еще привести къ прямымъ заключеніямъ.

Здѣсь еще припомнимъ только, что правый рукавъ Немени издревле называется *Русомъ* или *Русою*, безъ-сомнѣнія отъ Руссовъ: но когда онъ получилъ это имя, а окрестности его названы *Порусьемъ*?

(28.) Шлецеръ говорилъ, что въ этихъ дѣлахъ Игоря кое-что прибавлено Несторомъ изъ *патріо-*

тизма; но Арабскіе писатели прибавляютъ къ побѣдамъ Руссовъ и еще кое-что (неизвѣстное нашему Лѣтописателю)—кажется не изъ патріотизма!

(29.) Не знаю, назывались-ли *Руссами* прежде Святослава Болгары на Дунаѣ; но во время Святослава тамъ очень могло простереться имя Руси на Болгарь..

(30.) „Се-бо токмо Словѣнскъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Новгородъци“... (Лавр. Сп.)

(31.) Собирательное имя народа—*Русь*, какъ *Чудь*, *Серебь*; а единичное—*Русинъ*, какъ *Чудинъ*, *Болгаринъ*, *Сербинъ* или *Серблянинъ*; но во множественномъ не *Русины*, а *Руссы* (Кіев. Лѣт.) и *Русичи* (Пѣснь Игорю), какъ *Чудичи*, *Сербы*, *Болгары*. Такъ говорится *Татаринъ*, *Татары*; а въ собирательномъ смыслѣ по-Украински говорится *Татарва*..

(32.) Такими-же корыстниками и головорѣзками представляются Варяги Норвежскіе, съ Конунгомъ своимъ Эймундомъ, и въ собственныхъ сказаніяхъ о службѣ своей на Руси у В. К. Ярослава. Эти сказанія составляютъ извѣстную *Сагу Эймундову*, дѣйствительно важную для нашей Исторіи временъ Ярослава (вопреки Шлецеру!).

(33.) Было-ли племеннымъ имя *Варяга*? не отъ Птолемеевыхъ-ли еще *Варгіоновъ* (близъ Рейна) оно распространилось?—это не рѣшено еще; а между тѣмъ уже много значеній надавали сему слову.—Древнѣйшее производство *Варяговъ* есть то, что они суть Словены *Вагры* или *Вагиры*: такъ думали еще Стрыйковскій, Герберштейнъ и другіе иностранные Ученые, какъ и у насъ въ прошломъ

вѣкъ (Прим. 54); а нынѣ такъ думаетъ Каченовскій съ своими послѣдователями. Вельтманъ (въ Ж. М. Н. Пр. 1834 N 12) ведетъ Варяговъ отъ *Феринговъ*—Кельтическаго сброда на островахъ Фэрскихъ (между Шотландіей и Исландіей).

Однако-же большая часть Ученыхъ имя Варяга производятъ отъ качества или званія. Одни производятъ отъ *Vargus*—изгнанникъ, бродникъ; другіе отъ *Wargr*—волкъ (Прим. 17); иные отъ Готскихъ *федератовъ*—союзниковъ, и *ферингаровъ*—защитниковъ, стражей;—отъ *варганъ*—чужеземецъ;—отъ *Vargesh*—и потому разумѣютъ моряковъ;—отъ Нѣмецкаго слова *War*—война; либо отъ Финскаго слова *варъ*—по-Русски воръ и разбойникъ: такъ и дѣйствительно у насъ изъясняли (см. стр. 44) имя Варяга—*ворягою*. Тредьяковскій производилъ отъ Словенскаго слова *варяю* и принималъ Варяга въ смыслѣ обывателя, старожилы, „предтечи“ Европейскаго; другіе производили еще отъ Лопарскаго слова *варьютъ*—вооруженный; Бутковъ производитъ отъ Поморско-Словенскаго слова *варянъ*—мечъ, по которому Варягъ значитъ *меченосецъ*, какими и были Варяги у насъ, *Варанги* у Греческихъ Императоровъ. Есть производства Варяговъ еще въ другія званія; но довольно и этихъ, для показанія, что всѣ они хотя ни сколько не сходны между собою, но удивительно какъ идутъ къ Варягамъ.—Откуда-бы ни взялось имя Варяговъ, но ихъ первое появленіе къ нашимъ Сѣвернымъ старожиламъ, ихъ первое значеніе въ нашей Исторіи было *вражеское*; потому—исключительно для любителей словопроизводства—прибавляю новую догадку: не значитъ-ли слово *Варягъ* просто *врагъ*, *ворогъ*, а по Сѣверному произношенію *ворагъ*? (Такъ слово *храбрый*, на-пр. въ Пѣсни Игорю и Украинскихъ пѣсняхъ, было—*хоробрый*, а въ Велико-русскихъ пѣсняхъ, собранныхъ Киршею—*хораб-*

рый).—Если-бы и въ самомъ дѣлѣ явились впервые къ намъ Варяги, подъ какимъ-нибудь изъ вышеприведенныхъ именъ, то оно все-таки могло быть Словенами и Чудью оборочено на значеніе *ворога* или *врага*, въ какомъ отношеніи сперва и были къ нимъ Варяги,—они могли такъ-сказать перевести на свой языкъ и *Феринга* и *Варгра* и *Варанга*,—какъ Неметовъ Словены перевели *Нѣмцами*, съ придачею смысла *нѣмоты*) (какъ и теперь наши простолюдины переводятъ экзекутора—*стыкуторомъ*, дилижансъ—*не-лежанцемъ*; какъ Латинскую *жизненную воду*, *Aqua vitae*, Украинцы передѣлали въ *оковитую*!). Прозваніе Нормановъ *ворогами* могло обратиться въ народное названіе *Варягами*, подобно тому, какъ Куманы (отъ р. Кумы?) почему-то у насъ названы *половцами* т: е: *ловцами* или *охотниками*, а потомъ это прозваніе обратилось въ народное имя *Половчинъ*, *Половцѣй* (а не *Пѣловцы* или *Пѣлвцы*).—

(34.) Извѣстны сношенія Изяслава съ Папою Григоріемъ VII, по смерти Θεодосія въ 1074 г. и письмо Папы къ Князю въ 1075 г. Видно, что Изяславъ обращался къ Θεодосію съ вопросомъ о *Варяжской вѣрѣ*, замисливъ уже о сихъ сношеніяхъ; потому отвѣтъ исполненъ сильныхъ и рѣзкихъ изображеній, для отвращенія Князя отъ его намѣреній и утвержденія въ Православіи, въ насажденіи коего величайшимъ у насъ вертоградаремъ былъ Преподобный Θεодосій, смѣло и сильно ревновавшій и къ укрощенію уже возникавшихъ *усобицъ* Княжескихъ.

(35.) Здѣсь въ Улановъ обращены *Аланы*, коихъ остатки понынѣ есть между Горцами Кавказскими.

Къ числу немногихъ будто — *анахронизмовъ* Несторовой Лѣтописи, коими доказыва-

ютъ, будто она не могла быть писана въ XI вѣкѣ,—принадлежитъ даже слово *Нѣмецъ*, которое признають зашедшимъ къ намъ отъ Балтійскихъ Словенъ, а ихъ переселеніе въ Новгородъ предполагають въ XII вѣкѣ (Прим. 14).— Но развѣ слово это могло быть узнано въ Кіевѣ не иначе, какъ только съ переселеніемъ въ Новгородъ самихъ Балтійскихъ Словенъ, и именно Вагровъ? Когда-бы ни переселились Вагры или Варги на Волховъ (хотя-бы и въ XVI в., съ Герберштейномъ), но въ исходѣ XI вѣка весьма могли знать о *Нѣмцахъ* Кіевляне и отъ другихъ Словенъ Сѣверо-западныхъ, на-примѣръ отъ Поляковъ, коихъ пребываніе въ Кіевѣ до Пестора свидѣтельствуется и Западными того времени писателями, если уже не вѣрить своимъ. Притомъ, для узнанія Кіевлянами Словенскаго имени Германцевъ, достаточно было въ Кіевѣ и одного выходца изъ Поморцевъ Балтійскихъ, одного Кіевлянина, ходившаго къ Словенамъ Балтійскимъ! Но съ возобновленіемъ Песторо-Ломоносовскаго или стариннаго Русскаго мнѣнія о Словенизмѣ *Варяго-Руссовъ* IX вѣка, съ коими одинъ родъ *Русскій* составляли и *Вагры* (Голштинцы) и *Вильки* (Мекленбургцы),—подобныя возраженія возникать не могутъ, и тѣ сходства, какія есть у насъ съ Словенами Прибалтійскими, изъясняются сами собою, историческая тайна этихъ сходствъ открывается просто!

(36.) *Восточнымъ Царемъ* называли на Украинѣ (въ пѣсняхъ, актахъ) Царя Московскаго; въ Великоруссін-же Русскій Царь величается *Бѣлымъ Царемъ* (какъ и на Востокѣ) и *Православнымъ*.

(37.) Сказанное здѣсь о значеніи словъ *козакъ* и *гайдамакъ* подробно изложено у меня въ изданіи *Украинскихъ народныхъ пѣсень* (Ч. I. 1834 на стран. 66-70, 80 и другихъ). Приведен-

ные въ переводѣ стихи о козацкомъ рыцарствѣ составляютъ конецъ прекрасной Украинской Думы (въ изданіи IX-й) обѣ Иванъ Коновченкъ, относящейся къ 1684 г. Въ одной изъ войсковыхъ козацкихъ пѣсень (N 14, на стр. 149) встрѣчается выраженіе: *конь льцарскій*.—Принятіе и распространеніе имени *Козака* на Украинѣ въ XVI вѣкѣ поясняетъ, какимъ образомъ имя *Русина* тамъ распространялось и утвердилось въ IX вѣкѣ.—

(38.) Сей Переясловъ и въ Лаврентьевскомъ спискѣ называется обыкновенно *Русскимъ*, въ отличіе отъ Переяславля-Залѣскаго.

(39.) „Молитвы оглашенныя творити: Болгарину, Половчину, Чюдину преди крещенія 40 дній поста, и съ церкви исходити отъ оглашенныхъ; Словѣнину за 8 дній.“ (*Памятн. Росс. Слов. XII в. 1821*).

(40.) Названіе Сѣверныхъ обитателей нашего Отечества Руссами, отъ Иностранныхъ писателей, сколько извѣстно, начинается въ исходѣ XII вѣка. Такъ Гельмольдъ повѣствуетъ, что Южные берега Балтійскаго моря населены Словенскими народами, изъ коихъ отъ Востока первые *Руссы* (*Ruzzi*), потомъ *Поляки*, у коихъ на Сѣверѣ *Пруссы*.—Такъ въ Привилегіи Фридриха 1-го Любеку, 1188 г., говорится о *Рутенахъ*, подъ коими Историки Ганзы и Каченовскій разумѣютъ Новгородцевъ, хотя это названіе могло быть болѣе географическое, чѣмъ племенное.

(41.) Новгородскимъ Лѣтописцемъ во второй половинѣ XII вѣка былъ *попъ, поставленный Нифонтомъ*. Сей Священникъ былъ Іоаннъ, онъ-же и Архіепископъ Ілія—по предположенію Митрополита Евгенія (см. *Ист. Слов. Дух. Пис. Ч. I.*).

(42.) Еще Карамзинъ замѣтилъ по нашимъ Лѣтописямъ, что Русью или Русскою Землею въ древности у насъ называлась преимущественно Кіевская или Южная Русь. Мнѣніе о переходѣ и распространѣніи на Сѣверныя области Русскаго имени съ нашего Кіевского Юга, положено еще Чеботаревымъ (Пр. 26); но систематически оное развилъ въ своей школѣ Каченовскій, что и составляетъ свѣтлую и прочную сторону его системы, которая для доказательства сего мнѣнія, не опровергаетъ свидѣтельства и Русскихъ Лѣтописей, основывается на нихъ безъ систематическаго предубѣжденія и не подозреваетъ ихъ на сей разъ ни въ вымыслъ, ни въ умыслъ.

(43.) Взятіе Царьгорода Западными Крестоносцами и разореніе Кіева совершились въ однопомъ, 1204-мъ году.

(44.) Слова сіи взяты изъ Пѣсни о полку Игоревѣ. — Изъ нея также я заимствовалъ и слѣдующія за тѣмъ (какъ мнѣ кажется Бояновы) выраженія о Всеславѣ, Полочанахъ и Немцѣхъ: „Немизъ кровавъ брезѣ... посѣяны костыми Рускихъ сыновъ.“ — Последнее выраженіе встрѣчается и у Нестора: „Сію бо (Ольгу) хвалять Русіе сынове яко начальницю; ибо по смерти моляше Бога за Русь.“ — Такимъ образомъ родинное чувство у насъ выражалось понятіемъ сыновства, по которому Пѣвецъ Игоря и Русина называется Русичемъ, и Днѣпръ величаетъ Словутичемъ (т. е. Славичемъ, сыномъ Славы)... Изъ его-же Пѣсни я заимствовалъ также слова: доски безъ князя (т. е. безъ главной связи на кровлѣ). „Уже дѣски безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовѣрѣмъ.“ По древнему Русскому повѣрью, по-нынѣ ведущемуся, это примѣти дурная.

(45.) Такимъ образомъ и въ Договоръ 1228 г. Смоленскаго Князя Мстислава Давыдовича съ Ригию и Готскимъ берегомъ—*Русскою Землею* называются волости Князей Смоленскаго, Полоцкаго и Витебскаго; а именемъ *Русина* и *Руси* ея жители.

(46.—Къвыраженіямъ, кои на 54 стр. отмѣчены числами 52 и 53.) „Любящу *Рускій бой*“—выраженіе, находящееся въ Кіевской Лѣтописи подъ 1229 годомъ.

„Душа на Великой, а сердце на Волховъ“—старинная Новгородская пословица, которую—равно какъ и нѣкоторыя другія народныя выраженія—я заимствовалъ изъ сочиненія Снегирева *Рускіе въ своихъ пословицахъ*, 1831–1834. Авторъ приступилъ уже къ изданію и другаго плода трудовъ своихъ надъ предметами стародавней народности нашей—изслѣдованія простонародныхъ Русскихъ праздниковъ.

Что не одинъ Новгородъ называемъ былъ *Господиномъ*, но и Псковичи этимъ именемъ величали свой городъ, о томъ см. *Ист. Кн. Пск.* Ч. I.

(47.) О Немень, какъ границъ между Россіей и Пруссіей, говоритъ Петръ Дуисбургскій (1326 г.). Въ *Повѣсти о Флорентинскомъ Соборѣ*, написанной 1440 г. Монахомъ Симеономъ (который былъ съ Митрополитомъ Исидоромъ въ Италіи), находится слѣдующее мѣсто: „а кони Митрополичи гнали берегомъ отъ Риги къ Любку на *Руску Землю*, и оттолъ на *Прусскую* землю, и оттолъ на *Поморскую* землю, и оттолъ на *Жунскую* землю, и оттолъ на *Свицкую*, и оттолъ къ Любку.“ (см. *Др. Рус. Вивл.*)

(48.) Въ Волынской Лѣтописи, подъ 1204 г., Романъ названъ *Великимъ Княземъ и Самодержцемъ всея Руси*.— Въ Червоной Руси или Галиціи

подчинились остальные, основаныя Славянами государства, Моравія, Богемія, Силезія!.. Нѣтъ!..

Нѣтъ! Провидѣніе не ошибается. Исторія Европы и Азіи довела насъ къ сознанію великаго назначенія Россіи; мѣстность указала намъ въ Россіи *посредника* между Востокомъ и Западомъ; громадность, самобытность, отдаленность Исторіи Русской выводятъ ее изъ ряда всѣхъ другихъ политическихъ явленій Европы и Азіи. Не Римъ Россія, но и не держава Чингиса, не Элада Александра, но и не Китай. Кто исчислитъ и покажетъ намъ въ будущемъ всѣ таинственные пути провидѣнія? Но уроки прошедшаго поученіе будущему, еще великіе подвиги остается совершить Россіи: сознать судьбу свою, скрѣпить духомъ свои силы вещественныя, откликнуться на голосъ Европы, стать на ряду съ ея образованіемъ.

Велики сѣи подвиги, но Тотъ, Кто посылалъ Россіи Іоанна I-го положить *начало* Русской землѣ, Кто одушевлялъ на брань съ Монголами Дмитрія, Кто далъ скипетръ Іоанну III-му, Кто въ царствованіе внука его являлъ Адашевыхъ и Сильвестровъ, спасалъ православную Русь въ годину Самозванцовъ, Тотъ пошлетъ новыхъ избранныхъ: и проведутъ они Русскій народъ сквозь пучины моря — «духъ его предѣлетъ предъ ними», и какъ некогда Израиля, покажетъ его избраннымъ среди народовъ!

Не годы, а столѣтія потребны совершиться судьбамъ столь огромнымъ, столь чудеснымъ. *Шесть вѣковъ* потребно было возсоздать Россію въ вещественныхъ образахъ, сколько еще столѣтій потребно одушевить сѣи вещественные образы духомъ? А только двадцать лѣтъ остается до явленія Карла XII-го, полъ-столѣтія до явленія Фридриха Великаго — *столѣтіе* до Наполеона....

Что *лѣта* и *столѣтія* передъ волею Провидѣнія! И что скажетъ Европа, если оно ниспошлетъ Россіи мужа судьбъ, краткимъ вѣкомъ человека восполняющаго вѣка? И если онъ одухотворитъ, пересоздастъ Россію, такъ, что западъ завистливо будетъ сравнивать свое ветхое образованіе съ новымъ образованіемъ Русской земли, оправды-

имя Пруссіи—говорится въ *Степенной Книгѣ*, по мысли и наставленію Митрополита Макарія составленной, и въ нѣкоторыхъ спискахъ Лѣтописи (Архангелогородскомъ, Алатырскомъ).—Это мнѣніе, принесенное къ намъ еще Глинскимъ (по Татищеву), у насъ сильно распространилось въ половинѣ XVI вѣка; на этомъ, какъ историческомъ тогда мнѣніи, самъ Грозный Царь утверждалъ свои исторически-справедливыя требованія въ письмѣ къ Баторію. Въ прошломъ вѣкѣ почти никто уже изъ нашихъ Писателей, кромѣ Князя Хилкова, не признавалъ этой Пруско-Литовской родословной. Ломоносовъ упоминаетъ объ ней, но не принимаетъ,—и его не поняли ни Миллеръ, ни Шлецеръ; а вслѣдъ за ними—и Погодинъ повторилъ (въ *Разсужденіи о происхожденіи Руси*, 1825 г.), будто Ломоносовъ выводилъ Руссовъ изъ Пруссіи „положась на свидѣтельство *Степенной Книги* о Пруссѣ.“ Но Ломоносовъ имѣлъ совсѣмъ другія основанія для сего мнѣнія, которому онъ первый у насъ далъ учено-систематическій видъ, изыскивая Словенизмъ Руссовъ и ихъ пребываніе на Прибалтійскомъ Западѣ, по указаніямъ Гельмольда и другихъ Западныхъ писателей; но онъ дополнилъ это мнѣніе древне-Русскимъ, *Несторовскимъ* понятіемъ о Варягахъ и Руссахъ, и учено-иноземнымъ мнѣніемъ среднихъ временъ о тяжести Руси съ Роксоланами, и отрѣшилъ большую часть тѣхъ вымысловъ, которыми и наша и чужеземная старина (въ XVI, XVII и четыредесятилетіе XVIII вѣка) потѣшалась въ своихъ историческихъ помыслахъ и школьныхъ мудрованіяхъ о происхожденіи и прозваніи Руссовъ. Въ Ломоносовскомъ мнѣніи прежнія понятія о Руси сосредоточились и преобразились въ *систему историческую*. Сею системою прекращается *первый, длинный періодъ Русской школы*, которая зачалась изъ жи-

ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

КНИГА I.

Совершилось двадцать пять лѣтъ царствованія царя . Г. 1670.
Алексія Михайловича. Еще далекій отъ преклонной Двдцатипя-
старости, но царь съ юношескаго возраста, казалось, тилѣтіе цар-
онъ былъ утомленъ долговременнымъ владычествомъ. ствованія
Памятное и славное царствованіе Алексія не оправдало Алексія Ми-
великихъ надеждъ его начала. Совершены были мно- хайловича.
гія войны, возвращены родовыя, пріобрѣтены новыя
области, предприняты важныя преобразованія. Но,
если война съ Польшею передала Рускимъ Кіевъ и
Смоленскъ, она тяжело изнурила государство, кончилась
безъ славы и показала все еще грозныя силы Польскаго
королевства, не погибшаго отъ успій Швеціи, Россіи,
Турціи и Казаковъ, и только слабость властителей Поль-
ши безопасла отъ нея Россію. Ненадежный миръ съ

1.) Несторъ выводитъ Варяго-Руссовъ не изъ Скандинавіи (какъ утверждалъ Шлецеръ вслѣдъ за Тунманомъ), но съ Поморія Балтійскаго (какъ показано въ § 5 сего изслѣдованія): этимъ разрушается первое изъ доказательствъ тожества Руси съ Шведами; а вмѣстѣ и важный авторитетъ, на коемъ утверждаются двѣ первыя новыя школы, отъ коего давно уже отложилась третья новая школа. 2) Доказывая тожество Руси съ Шведами, Шлецеръ говоритъ, будто и въ XVII в. сами Рускіе считали рѣшительнымъ дѣломъ, что Варяги (т. е. Руссы) были Шведы. Въ доказательство такого неправильнаго понятія, онъ приводитъ изъ Скарина извѣстіе (на которое ссылались и другіе), что во время Лжедмитріевъ, отряженный Новгородцами Архимандритъ Кипріанъ сильно настаивалъ, что-бы Шведскаго Королевича Карла избрать въ Князя Московскіе и употребилъ такіа выраженія: „какъ примѣромъ Древности и Исторіею можно доказать, что за нѣсколько сотъ лѣтъ до покоренія Новгорода подъ власть Московскую, былъ Князь изъ Шведовъ Рюрикъ...“—Но изъ сего извѣстія о Кипріановыхъ словахъ совсемъ не слѣдуетъ Шлецероваго заключенія о мнѣніи Русскихъ въ XVII в. относительно Руси. Слова Кипріана относятся не къ Руси, а единственно къ лицу Рюрика, котораго и Лѣтописцы наши въ среднія времена называли только общѣ—Княземъ Нѣмецкимъ (см. § 4), подъ какимъ названіемъ могъ быть и Шведскій, и Датскій, и Прусскій и Норвежскій. Но въ самомъ-ли дѣлѣ они почитали его Шведомъ, или-же такая опредѣленность произошла только на сей случай—отъ Новгородцевъ и Шведовъ, рѣшеніе того не относится къ вопросу о племени Руссовъ. Въ Синописи и Зерцалѣ Историческомъ Рюрикъ также называется Нѣмецкимъ Княземъ; но въ Зерцалѣ онъ называется пришельцемъ изъ Вагри

(Прим. 54), а Руссы въ обоихъ принимаются за *Словенскій народъ*.

Вмѣсто сего указанія на слова Кипріяна о Рюрикѣ, я приведу еще одно изъ мнѣній Русскихъ, принадлежащее къ первой половинѣ XVI вѣка, а именно—мнѣніе *Герасимова*. Историкъ *Павелъ Іовій*, Епископъ Новокомскій (XVI вѣка), въ Книгѣ *о посольствѣ Великаго Князя Василія Іоанновича къ Папѣ Клименту VIII*, пишетъ, что нашему ученому Говцу *Димитрію Герасимову* предлагалъ онъ вопросъ: не осталось-ли у Москвитянъ—или въ преданіяхъ отъ предковъ или въ свидѣтельствахъ письменныхъ—памяти о Готахъ, которые за 1000 лѣтъ разрушали и опустошали Имперію Цесаря и городъ Римъ?—На это Герасимовъ отвѣчалъ такъ: „и Готскаго народа и Тотилы Царя имена весьма извѣстны и знамениты; въ ополченіи томъ воевали многіе народы, а больше всѣхъ Москвитяны; войска всѣмъ еще умножились толпами Ливонцевъ и Волжскихъ Татаръ; но всѣ они названы были Готами потому, что Готы, населявшіе островъ Исландію или Скандинавію, были зачинщиками того ополченія.“—Откуда-бы ни взялъ Герасимовъ это свѣденіе, но изъ словъ его—о столь сильномъ участіи нашихъ предковъ въ Вендо-Готскихъ ополченіяхъ на Римъ, въ половинѣ VI-го вѣка—видно, что онъ, зная довольно о древнихъ Скандинавахъ или Готахъ, не считалъ ихъ своими предками!—

Здѣсь можемъ вспомнить вообще о сильныхъ нападеніяхъ, какія въ числѣ Вендскихъ народовъ дѣлали на Римскую Имперію *Ругіаны*, и о тѣхъ связяхъ въ какихъ издревле были *Ружаны* съ Готами Скандинавскими. Правда, что древнихъ *Ругіанъ* многіе почитали народомъ Германскаго племени (подобно Тациту, который впрочемъ къ Германцамъ относилъ и Вендовъ); однако были и такіе, которые древнихъ Ругіанъ относили къ

Словенскому (Вендскому) племени, какъ и позднѣйшихъ Варяго-Руссовъ. Кто правъ—это еще вопросъ, который можетъ-быть рѣшится и въ пользу втораго мнѣнія!

(а.) Въ Моск. Телегр. 1827, Ч. XVIII, — помещенъ, подъ именемъ *послужнаго списка*, отчетъ Ломоносова въ его ученыхъ занятіяхъ съ 1751 по 1757 годъ, гдѣ означилъ онъ, что „по своей Профессіи и въ другихъ наукахъ учинилъ погодно“ (въ Химіи, въ Физикѣ, въ Исторіи, въ Словесныхъ наукахъ). Такъ на пр. въ 1751 г. „онъ читалъ книги для собранія матерій къ сочиненію Россійской Исторіи: Нестора, за нимъ Приславли, большой Лѣтописецъ Татищева первой томъ, Кромера, Вейселя, Гелмолда, Арнолда, и другіхъ, изъ которыхъ бралъ нужныя ессенцы или выписки и примѣчанія, числомъ 653 статьи.“ Въ 1752 г. „Для собранія матеріаловъ къ Россійской Исторіи, читалъ Кранца, Преторія, Мураторія, Иорнанда, Прокопія, Павла Дьякона, Зонара, Теофана Исповѣдника, Леона Грамматика“... Въ 1753 г. „1.) Записки изъ упомянутыхъ прежде авторовъ приводилъ подъ статьи числами. 2.) Читалъ Россійскіе Академическіе Лѣтописцы, безъ записокъ, чтобъ общее понятіе имѣть пространно о дѣяніяхъ Россійскихъ.“ Въ 1754 г. „Сочинень опытъ Исторіи Славянскаго народа до Рурика“... и т. д.

Вотъ доказательство учености Ломоносова, — не выставленной имъ на-показъ, какъ *товаръ-лицемъ*, — вопреки Шлецеру, который, въ пылу своего псевдовольствія за непризнаніе Байеровской системы, отказывалъ Ломоносову и вообще Русскимъ Историкамъ въ учености и обвинялъ ихъ въ *неученой фантазіи*, какъ Нестора въ выдумкахъ изъ *патріотизма*! (прим. 28.). — Если Ломоносовъ и не нагромоздилъ въ своемъ сочиненіи столько ссылокъ и выписокъ, какъ Шлецеръ подъ Сводомъ Нестора, — то надо вспомнить, что онъ писалъ не *критическое изслѣдованіе* и не *Сводъ Лѣтописей*, но основанную на нихъ *Исторію Русскую*; притомъ-же онъ писалъ за полвѣка до Шлецерова Свода Нестора, когда не было еще для Русской Исторіи вѣка Екатерины Великой. Говорятъ, критика работаетъ для Историка: но много-ли приготовили для Историка Ломоносова, до 1750 года, наши первые Критики — Татищевъ, Байеръ и Миллеръ?... И для учености бываетъ разный талантъ: для иной — *свѣтлый лучъ мысли* изъ тмы свидѣній, хотя-бы онъ казался и *фантастическимъ*, какъ Сѣверное Сіяніе изъ мглы и хлада недосягаемыхъ льдовъ полныхъ; для другой — *грозда свидѣній*, подъ которою *умъ заходитъ за разумъ*, отъ горячаго, но темнаго броженія мысли! —

(54.) Выше упомянуто (Примѣч. 6 и 35), что подъ именемъ Варяговъ еще въ XVI вѣкѣ нѣкоторые Ученые разумѣли Заодерскихъ Словенъ Вагровъ или Вагировъ. — Это мнѣніе у насъ было въ ходу въ вѣкѣ Елисаветы. Такъ извѣстный со-

трудникъ Байера Александро-Невскій монахъ Пикодимъ Селдій (изъ Датскихъ реформатовъ, ум. 1746 г.) написалъ Латинскими стихами *Продромъ*, сохранившійся въ Русскомъ стихотворномъ-же переводѣ, подъ именемъ *Зерцала Историческаго Россійскихъ Государей* (а), который 1748 года сдѣланъ извѣстными въ нашей Исторіи лицами *Амвросіемъ Зертисъ-Каменскимъ* и *Гавріиломъ Кременецкимъ*, и поднесенъ Государынѣ Елисаветѣ отъ имени Александро-Невской Семинаріи. Въ немъ читаете:

„Въ лѣта древношедшіе сыны три Княжіе,
Гюрикъ, Труворъ и Синеи, вси братья родные,
Изъ *Вагрии* въ Русскую вышли Землю званны,
И получили страны жребіемъ метанки.“—

Близкое къ сему мнѣніе (въ *Моск. Наблюдателѣ* 1836 г.) изъяснилъ Венелинъ, въ статьѣ своей, называемой *Скандинавоманія*. Онъ за Варяговъ принимаетъ *Померанцевъ*, полагая, что Несторъ и его современная Русь Варягами называли только Померанскихъ Словенъ.— „Несторъ (по словамъ Венелина) дошедши до Вислы, такъ и машетъ рукою на Померанію, говоря: по тому же морю къ Западу.“—Но Несторъ говоритъ также: „по сему же морю съдять Варязи съмо ко Вѣстоку.“—О мѣстопробываніи Варяговъ-Руссовъ по Нестору, см. §. 5. моего Изслѣдованія.—

(а.) Къ Зерцалу Историческому (напеч. 1773 г. въ *Древн. Рос. Висл.* Ч. 1, а во 2 изд. въ Ч. XVI—безъ родословныхъ) Амвросій и Гавріиль приложили отъ себя три родословныя табели, для того, что „Генеалогія по сущей правдѣ есть главный фундаментъ Россійской Исторіи.“ Я имѣю (отъ Г. Романовича) старинный списокъ въ листъ сего Зерцала, при коемъ родословныя табели на 43 листахъ представлены съ отличнымъ тщаніемъ, во множествѣ *кружковъ*, гдѣ въ полномъ цвѣтѣ является Кіевскій Синописъ. Въ одномъ изъ нихъ славный Ружавинъ *Одоацеръ* (Одоацеръ, Одоакръ), побѣдитель Стараго Рима, величается *Славенорусскимъ Княземъ*, какъ и въ Синописѣ, и называется *Одонарецъ*: не есть-ли это настоящее имя сего Витязя, которое измѣнили перестановкою буквъ (какъ у Арабовъ Александръ измѣнился въ Эскандеръ), и не было-ли оно сначала *Оттонарецъ*?... Такъ въ именахъ Борисенъ, Мороевъ, Клодоевъ, Боцарисъ—узнаны Словенскія имена: *Берестинъ*—Шатарикомъ, *Мировой*, *Кладивой*, *Бочаръ*—Венелинымъ; такъ въ имени Болгарскаго Царя,

Арабами называемомъ Блатаваръ или Влатавацъ, узнано Словенское слово *Владавецъ*; такъ Плиніево имя Сѣвернаго океана *Magi Magiza* видимо—говорять—есть *Море Мороза*. Вспомнимъ, что и по новой Латыни Декартъ называется *Картезіусомъ*!—Къ моей догадкѣ (въ Опытъ Гипотезы), что *Нарецъ*, *Нарцы* значать нарицателей или именователей (отъ слова—*реку*: *нарцы*—назови, *рци*—словно) и обличаютъ тотъ же народный смыслъ о первоначальномъ достоинствѣ человека, какъ и въ именахъ *Словенинъ*, *Словенецъ*, *Словакъ*,—прибавлю здѣсь, что оно измѣнилось потомъ въ *Норецъ*, *Норикъ*, и даже въ *Нарочникъ* или *Нарученикъ*, т. е. *Наречникъ*, *Нареченикъ*—каковымъ именемъ назывались нѣкоторые Заодерскіе Руссы или *Рудены* (по Силезскимъ Грамотамъ XIII вѣка): здѣсь буква *е* перешла въ *о* и *у*, какъ и въ словѣ *рокъ* (выговариваемомъ въ разныхъ мѣстахъ *рикъ*, *рукъ*,—происшедшемъ отъ *реку*, *рекъ*,—какъ и Латинское *fatum* отъ *fatī*).

(55.) *Огнищанъ*, упоминаемыхъ въ Русской Правдѣ, многіе почитаютъ за одно съ первостатейными Гражданами, или вообще за обывателей, хозяевъ дома съ *огнищемъ*, focus.—Но Митрополитъ Евгенийъ даетъ болѣе прямое указаніе на значеніе сего слова: „*Огнищемъ* и нынѣ по Вологодской, Архангельской и Вятской Губерніямъ называется лѣсъ, выжженный для посѣва хлѣба или льна; а земледѣльцы такимъ образомъ засѣвающіе, прозываются *огнищанами*.“—(см. *Ист. Княж. Псков.* 1831 Ч. I. стр. 42).

(56.) Родоначальника Руссовъ Миркондъ называетъ Іафетовымъ сыномъ *Руссомъ*. Племя Руси могло назваться такъ и по имени *Русса* (какъ-бы онъ ни приходился Іафету), подобно тому какъ племя *Евера* назвалось *Евреями*; но еще вѣроятнѣе, что племенное имя Руссовъ обращено на Востокъ въ личное имя *Русса*,—какъ дѣлали то и послѣ Сѣверные Словены, олицетворяя народы подъ именемъ *Русса*, *Славена*, *Вандала*; какъ Черкесы и Азіатцы другихъ племенъ создаютъ себѣ праотцевъ-героевъ, величая ихъ своимъ племеннымъ именемъ, и по значенію его придавая имъ различныя дѣянія. Это общенародное дѣло человѣческой юности; и встарину часто такимъ

образомъ имена лицъ распространяли на народъ, а имена народныя сокращали въ личныя. И это имѣетъ свой смыслъ,—который прежде являлся въ простыхъ наименованіяхъ, въ баснословныхъ выраженіяхъ народовъ лицами; а потомъ послужилъ источникомъ философско-историческихъ системъ, глубокихъ и высокихъ взглядовъ на личность и возрасты народовъ, на идею цѣлаго человѣчества, какъ величайшаго челоуѣка, на его возрасты, и т. п.

(57.) Двѣ первыя тетради Шафарикова сочиненія уже вышли въ свѣтъ, и переводъ оныхъ, дѣлаемый Бодянскимъ на Русскій языкъ съ Чешскаго, издается въ Москвѣ Погодинымъ.

(58.) Въ моемъ систематическомъ очеркѣ челоуѣческаго рода (1831 г.) Финны отнесены къ колыну *Иафетскому* или Кавказо-Европейскому, также какъ и Руссы, и Словены, и Пѣмцы.

Такъ называемый *Гиперборейскій* или *Сѣверный* видъ, не есть особый, коренной и самообразный видъ (*species*). Это, такъ сказать, оконечныя на Сѣверъ вѣтви *Кавказскаго* (бѣлаго), *Монгольскаго* (желтаго) и *Американскаго* (краснаго) видовъ челоуѣческаго рода.—Такимъ-же образомъ и *Океанцы* не суть особый видъ, но только смѣшеніе на Югъ оконечностей *Кавказскаго*, *Монгольскаго*, *Негрекаго* и даже *Американскаго* видовъ, которые въ Океаніи приобрѣтають общее подобіе.—Такъ Малайцы полуострова Гангскаго и острововъ Архипелага Индійскаго составляютъ оконечное племя Кавказскаго вида, которымъ сей видъ сливается съ прочими видами на Югъ. Такъ и Турецкое племя принадлежитъ не къ Монгольскому, а составляетъ только переходъ къ нему отъ Кавказскаго вида и оканчивается на Сѣверѣ Якутами,—какъ Тунгузское племя отъ Монгольскаго вида переходитъ Бурятами. Въ Гиперборейцовъ и Океанцевъ соединены разные народы не по давнему и коренному сродству (*affinitas*); но только по ихъ подобію (*analogia*), происшедшему отъ мѣстности, позднѣйшаго смѣшенія и проч.—

(Сіе распредѣленіе мое вкратцѣ помѣщено въ *Телескопѣ* 1831 года; но подробно изложено было въ сочиненіи моемъ *Сокращенная Система Животнаго Царства*, 1831. Ловецкій, во 2-мъ изданіи своей *Зоологіи* (приводя мою Систему животныхъ) упоминаетъ объ этомъ сочиненіи, котораго дѣйствительно было въ печати уже 124 страницы; но я не выдалъ его въ свѣтъ, а теперь и совсѣмъ его вѣтъ на свѣтъ.)

(59.) Полонинными горами, въ Повѣсти о Флорентинскомъ Соборѣ, названы Тирольскія Альпы; вообще-же Полонинами у Руссовъ Карпатскихъ называются снѣжныя горы.

(60.) Тацитовъ „*Nemus castum in insula Oceani*“ многіе полагаютъ на островъ Ругенъ. Я перевожу его стариннымъ Русскимъ выраженіемъ *заповѣднѣй лугъ*; ибо у Южныхъ Словенъ лугъ значитъ тоже что у Латинъ *lucus, nemus*. Такъ и теперь по-Украински лугомъ называется собственно побережный лугъ, заросшій лѣсомъ или дубровою; а поемный или заливной лугъ называется болоньемъ и лукѣю.—Потому въ пѣсняхъ Украинскихъ встрѣчаете, на-примѣръ: „Ой не шуми луже, дубровою дуже!“ или „Ой не шуми луже, ты зеленый таю!“ слышите—луговой гомонъ (шумъ, гамъ;). Потому въ нихъ для луга постоянный эпитетъ—*темный*, усвояемый часто и *лѣсу*; между тѣмъ въ Великорусскихъ пѣсняхъ луга называются обыкновенно *зелеными* или *шелковыми*, ибо Великороссіане подъ лугомъ разумѣютъ собственно безлѣсный лугъ.—

О Б Щ Е Е П Р И М Ъ Ч А Н І Е.

Большую часть Примѣчаній я предложилъ какъ дополненіе и поясненіе моего *Изслѣдованія* о Руссахъ и Варягахъ; но въ иныхъ я представилъ дополненіе къ *Послѣсловію* объ ученыхъ мнѣніяхъ, состоявшихъ на сей предметъ со времени исторической критики онаго. Эти мнѣнія приняты въ разсмотрѣніе двояко: и какъ особый предметъ Исторической Науки, и какъ об-

щій историческій вспомогательный запасъ для открытія *искомой истины*—происхожденія Руси. Въ обоихъ случаяхъ надо было все многообразіе ученыхъ мнѣній, гипотезъ и системъ разсмотрѣть и сравнить совмѣстно, и привести ихъ въ общее единство, въ одну *систему системъ историческихъ*, — какъ поступаетъ на-примѣръ съ философскими и другими системами ихъ *Исторія*, какъ съ Царствами Природы поступаетъ *Систематика Исторіи Естественной*.

Въ Послѣсловіи я представилъ общее теоретическое сравненіе сихъ мнѣній, относительно ихъ главнаго начала и существеннаго направленія: при всемъ настоящемъ ихъ разногласіи, я попытался найти въ ихъ многообразіи одну, для нихъ самихъ незамѣтную *общую мысль*, посредствомъ которой они, вращаясь нынѣ около той-же *искомой истины*, могли-бы войти въ одинъ правильный кругъ ея, принять новое, постоянное и дружное теченіе, къ просвѣтлѣнію и себя, и общей имъ *искомой истины*. Эту *связь* ихъ, по внутреннему *единству* общей мысли, я представилъ въ видѣ *гипотезы гипотезъ*—по свойству самаго предмета; но при этомъ я обнаружилъ и необходимость *новаго тѣснѣйшаго* соединенія многообразныхъ частныхъ направленій въ одно направленіе общей *составной силы*, для раскрытія *искомой истины*,—тѣмъ болѣе, что системы всѣхъ школъ, съ 1829-го по сей годъ, съ возрастающею настоятельностью требовали переизслѣдованія, обновленія нашей Древней Исторіи.

Въ Примѣчаніяхъ я уже въ частности представилъ вкратцѣ *Исторію* сихъ мнѣній и *систематическое* распредѣленіе ихъ въ разряды и школы, съ показаніемъ ихъ признаковъ, по существенному значенію каждаго въ ихъ общей, взаимной связи и особенномъ отличіи. —

Изъ историческаго хода мнѣній и предложеннаго

систематическаго ихъ опредѣленія, видно кажется, что оба *новые* разряда ихъ, уже въ самомъ началѣ своемъ и въ своихъ основныхъ положеніяхъ, были *половинчатые* и *односторонніе*; каждый изъ нихъ, развивая свою особую сторону или свою удѣльную часть искомой истины, являлся разными *гипотезами* и *системами*, которыя потомъ выходили изъ предѣловъ своей удѣльной истины: доходя до крайности и истощая въ ней собственное начало своей школы, онѣ впадали въ направленіе другой,—или-же для своего пополненія обращались опять къ началамъ *Словено-Русской школы* и въ нихъ сводили концы свои, сходились воедино. Такимъ образомъ прежнія начала или основанія историческаго догматизма и критицизма получали новую силу, становились опять удѣломъ искомой истины.

При этомъ открывается и то, что *Словено-Русская школа* (Прим. 53), обновленная въ *систему Ломоносова*, прямо заняла самое выгодное мѣсто *посреди* новыхъ системъ, и будучи *плодомъ* предшедшихъ ей началъ, при свѣтѣ новаго, зачалась *полною* и *обостороннею*. Это есть такъ — сказать цѣльный компасъ, съ постояннымъ *наклоненіемъ* Сѣвернаго конца и съ правильно-повременнымъ *склоненіемъ* обоихъ къ Западу и Востоку: Сѣвернаго—отъ Одера къ Ильмену, Южнаго отъ Волги. Новыя системы разломилъ этотъ компасъ на двѣ половины: одна совсѣмъ упала на Сѣверъ отъ Новгорода, другая совершенно наклонилась на Югъ отъ Кіева.

Потому *Ломоносовская система* способна воспріять въ себя дѣйствительныя открытія новыхъ, другъ другу противоположныхъ системъ, преобразить оныя въ новый видъ, и сама отъ нихъ развиться въ историческую систему—*больше другихъ полную и совершенную*; между тѣмъ какъ другія, новыя системы по необходимости должны отрицать от-

крытія противоположнаго разряда и теряться въ разныхъ предположеніяхъ—однѣ при изъясненіи Сѣверныхъ, другія при изъясненіи Южныхъ событій Древней Руси.

Таковой полнѣйшей и совершеннѣйшей системы Ломоносовское мнѣніе о Древнѣйшей Руси содержитъ въ себѣ только живой зародышъ, для развитія коего тогда не доставало еще тѣхъ критическихъ работъ надъ происхожденіемъ Руси, которыя произведены послѣ, по способамъ Болтина, Шлецера и Эверса. Въ ученое мнѣніе Ломоносова много еще *своевременнаго*, равно какъ и въ его дѣловомъ поборствѣ за Словенизмъ Руси, при обращеніи Миллера, оказавшаго потомъ великія услуги: и Ломоносовъ не такъ-бы конечно утвердилъ свое мнѣніе о Руси въ наше испытанное время! Но дѣло всеобъемлющаго ума мы судимъ не по свершенію, и не по своевременнымъ недостаткамъ; но по тому чувству истины, съ какимъ онъ прикасался къ ней, — но по той мысли, съ какою обнималъ онъ предметъ свой, хотя-бы принимался за него и между прочимъ. И я несогласенъ съ Историкомъ Русскаго Народа, когда говоритъ онъ, что Исторія не была удѣломъ Ломоносова, хвалить только его краснорѣчивое Предисловіе объ Исторіи, и напоминаетъ какой-то поговоръ, будто онъ „писалъ по приказанію“. — Вслѣдствіе ощутительной потребности тогда въ Россійской Исторіи, незабвенный Шуваловъ Исторію Петра Великаго поручилъ написать славнѣйшему въ то время Европейскому Полигистору Вольтеру; а къ сочиненію Исторіи Россіи — Русскій Меценатъ ободрялъ (а) своего Русскаго Академика, своего ближняго сподвижника въ Просвѣщеніи Россіи — (какъ въ вѣкъ Александра, новый представитель Словесности на-

(а) См. письмо Ломоносова къ Шувалову, 4 Января, 1753.

шей былъ ободряемъ отъ Него въ великомъ подвигѣ сочиненія *Исторіи Россійскаго Государства*).

Профессоръ Химін на кафедрѣ и въ лабораторіи Академической, Ломоносовъ былъ однимъ изъ первыхъ Физиковъ своего вѣка, первымъ Словесникомъ въ своемъ Отечествѣ — какъ Пѣснотворецъ и Витія, и какъ законодатель Русскаго слова: и каждое дѣло, за которое принимался онъ, можетъ пожать развѣ о томъ, что для своего совершенства не было исключительнымъ удѣломъ всеобъемлющаго человѣка, который примѣчая свою преждевременную кончину, говорилъ: „на смерть взираю равнодушно; я жалѣю только о томъ что не успѣлъ довершить, что началъ для пользы Отечества, для славы Наукъ и для чести Академіи“.

„Профессоръ Химін (говоритъ Шлецеръ) сжался надъ Русской Исторіей и написалъ — довольно сносное Руководство . . . былъ и въ исторіи оракуломъ для своихъ соотечественниковъ.“ По и въ нынѣшнее время, вѣщаніе сего Холмогорскаго оракула и учителя нашего: о разноплеменности Варяговъ, о Словенизмѣ Варяговъ-Руссовъ, ихъ пришествіи къ намъ съ Балтійскаго моря и древнѣйшемъ туда переходѣ съ нашего Русскаго Юга — я не усомнился предпочесть другимъ новымъ системамъ, — именно какъ начало и основаніе болѣе другихъ вѣрной и полной Системы о Древнѣйшей Руси, способное къ дальнѣйшему усовершенію чрезъ раскрытіе собственныхъ началъ.

Къ этому предпочтенію привело меня во-первыхъ — чтеніе Нестора и соображеніе съ нимъ другихъ старинныхъ писаній Русскихъ, на чемъ и основалъ я свое положительное мнѣніе о Руссахъ и Варягахъ прочихъ въ нашемъ Отечествѣ; во-вторыхъ — разсмотрѣніе и сличеніе новыхъ системъ и гипотезъ о происхожденіи Руси, въ ихъ постепенномъ ходѣ, взаимной связи и ихъ общемъ отношеніи къ искомой истинѣ. Положи-

тельное мнѣніе мое я надѣюсь съ своей стороны оправдать приложеніями онаго въ изслѣдованіяхъ о Древней Русской Словесности, а въ случаѣ нужды подкрѣпить и дальнѣйшими онаго изъясненіями. Можетъ-быть оно оправдается и со стороны моихъ Читателей сочувствіемъ и согласіемъ хотя нѣкоторыхъ: надежда, свойственная всякому писателю! — Что-же касается до моего *опыта гипотезы*, то это добровольная дань моя новѣйшимъ системамъ — *мира-дѣля* и *общенія-ради*, — и ея дальнѣйшее бытіе зависитъ уже совершенно сколько отъ ихъ собственной судьбы, столько и отъ ихъ произвола. Съ ихъ стороны, надѣюсь, ни одна не обвинитъ меня по крайней мѣрѣ въ невниманіи къ ней; ибо я старался выразумѣть существенное отличіе каждой — чья-бы ни была она, опредѣлить ея отличіе и значеніе въ кругу всѣхъ системъ, и расположить ихъ систематически. Я сказалъ объ нихъ свое — не-знаю, во всемъ-ли справедливое, но всегда настоящее и открытое мнѣніе. Если нѣкая мнѣнія и пропущены, то это такія, которыхъ еще не успѣлъ я рассмотреть, (не получивъ еще очень многихъ книгъ по части Русской Исторіи), или такія, въ которыхъ не замѣтилъ никакой существенной особенностн; за то инымъ я возвратилъ право на старшинство и вызвалъ ихъ изъ забвенія. На труды писателей нашихъ я смотрѣлъ здѣсь по ихъ отношенію только къ мнѣнію о происхожденіи Руси; безъ отношенія къ ихъ участию въ успѣхахъ Отечественной Исторіи вообще: ибо эти два отношенія могутъ и не быть вмѣстѣ. Поэтому-то, на-примѣръ, говоря такъ мало на сей разъ о Карамзинѣ, я всего чаще говорилъ о Шлецерѣ и большею частию вопреки его мнѣнію, отдалъ первенство мнѣнію Ломоносова.

Ломоносовъ, хотя десятилѣтнимъ плодомъ ученыхъ своихъ занятій — *Россійскою Исторіей* —

имѣлъ ограниченное участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ Русской Исторіи вообще; однако-же она есть первое у насъ явленіе, первое начало Исторіи Русской: это былъ новый годъ ея, ровно черезъ 9 вѣковъ послѣ того года, съ котораго нашъ первый *Лѣтописецъ* ведетъ начало Русской Земли, въ который началась историческая жизнь Руси, блеснула первая заря ея Православія! Однако онъ былъ отличнымъ *Систематикомъ* въ искомой нами истинѣ; а своимъ дѣловымъ поборствомъ за Словенизмъ Руси, онъ—въ лицѣ Миллера, но не изъ частной личности къ нему—на 60 лѣтъ разрядилъ у насъ первую тучу Байеровской школы (съ 1749 по 1809), обративъ ее на свое поле Русской Исторіи, которое—съ перворостками системы его, прозябавшими въ писаніяхъ Тредьяковскаго, обращеннаго Миллера, Князя Щербатова—было потоплено полноводнымъ разливомъ системы Татищевской и застужено Сѣвернымъ вѣтромъ критики Шлецеровской.

Но Карамзинъ, посвятившій 23 года и лучшее время своей жизни исключительно Русской Исторіи, оказалъ для нея наибольшую услугу своею богатою сокровищницею и славной Русской былины и краснаго слова Русскаго; однако почти мимоходомъ высказалъ свое мнѣніе о происхожденіи Руси, чуждое систематическаго ограниченія и рѣшительности, какъ и все его твореніе (гдѣ *Лѣтопись* является въ сопровожденіи критики, но безъ систематическаго, насильственнаго направленія къ извѣстной цѣли, по предварительной собственной мысли Писателя). Онъ „искалъ выраженія въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ; желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему, ясную стройнымъ сближеніемъ частей . . . не боялся съ важностью говорить о томъ, что уважалось нашими предками;

хотѣлъ представить и характеръ времени и характеръ Лѣтописцевъ“. — Напротивъ Шлецеръ, въ продолженіе 40 лѣтъ непокидавшій Русской Лѣтописи, среди гигантскихъ работъ своего ученаго критицизма, — оказавшій важную услугу первымъ листамъ нашей Лѣтописи, привязавъ къ нимъ Атлантовскую ношу учености, — былъ самый упорный и односторонній Систематикъ своего мнѣнія о Руси. Какъ Критикъ-Систематикъ, Шлецеръ пронесся морокомъ въ нашей Исторіи, смутивъ на время ясность и просторъ ея небосклона, но просушивъ и скрѣпивъ ея землю, — которую Карамзинъ покрылъ зеленымъ шелковымъ покровомъ своего творенія — этою свѣтлою, цвѣтущею весною новаго лѣта Исторіи Русской! Въ 1816 году, ровно черезъ полвѣка послѣ новаго года Русской Исторіи, настала эта весна ея: и Карамзинъ въ своей *Исторіи Россійскаго Государства* былъ вмѣстѣ „первый нашъ Историкъ и послѣдній Лѣтописецъ“, по выраженію Пушкина. Съ кончиною Исторіографа (въ 1826 г.) кончилось первое полугодіе новаго лѣта Русской Исторіи; и 1829 годъ былъ уже годомъ ея перехода за черту средолѣтія.

Появленіе 1-го тома *Исторіи Русскаго Народа* — какъ явленіе фаэтона въ тропическомъ поясѣ для мореходцевъ — было главнымъ показателемъ поступленія Русской Исторіи въ поворотный кругъ систематизма, въ первую — общую или созерцательную степень онаго. Полевой требовалъ „Исторіи, создаемой Философіей, по общей идеѣ человечества, — очищенной отъ всѣхъ частныхъ направленій, — отвлеченной отъ своего вѣка, своего народа, самаго себя“. Такое требованіе было довершеніемъ наконецъ и въ Исторіи Русской той идеальности, которая первоначально — какъ *Геній чистой Красоты*, съ своей высоты поднебесной — слетѣла къ намъ Поэзіей *Пѣвца во стани*

Русскихъ воиновъ, возвѣстилась его Лирою, и разви-
ваясь въ 4-мъ отдѣлѣ новаго періода нашей Словес-
ности, подъ конецъ онаго обратилась въ философ-
ское направленіе. Это направленіе въ Исторіи,
въ томъ-же году, явилось и въ другомъ видѣ: иде-
альнымъ построеніемъ Древнѣйшей Русской Исто-
ріи, по законамъ логической возможности—въ си-
стемѣ Венелина; а вмѣстѣ съ тѣмъ и мнительный
произволь критицизма Шлецеровскаго достигъ
до всеобщности и скептическаго отрицанія на-
шей Древней Исторіи—въ системѣ Каченовскаго,
на основаніи той-же логической возможности и
вѣроятія,—хотя въ обоихъ случаяхъ съ одною
цѣлю: достигъ достовѣрности и дѣйствитель-
ности исторической. Два явленія эти произошли
въ Южномъ, какъ новѣйшемъ разрядѣ системъ;
но мы видѣли, что и другихъ школъ системы,
въ продолженіе послѣдняго, систематическаго
десятилѣтія, возникли съ разнovidнымъ устрем-
леніемъ ко всеобщности и всеобъемлемости, къ
переизслѣдованію и пересозданію исторической
дѣйствительности (6).

Но изданный въ 1829-же году XII-й томъ
Исторіи Карамзина какъ-бы напомнилъ собою
еще прежде названное ею направленіе
для нашей Исторіи. Въ томъ-же году и Поэзія
наша—историческою Поэмою Пушкина Полта-
вою, и историческимъ Романомъ Загоскина—возвѣ-
стила вступленіе Словесности нашей въ новый
кругъ самобытности и своенародности, состав-
ляющихъ собственное отличіе и стремленіе на-
шего вполне-историческаго вѣка. Вскорѣ за тѣмъ
(1830-32) воздвигся Сводъ Законовъ, съ погоднымъ

(6.) Я не считаю нужнымъ здѣсь распространяться о томъ, что
довершеніе предыдущаго періода бываетъ обыкновенно въ то
время, когда возникаетъ начало послѣдующаго: и такимъ обра-
зомъ бываетъ современно нѣсколько направленій, и часто старшен-
ствуется еще прежнее направленіе въ періодѣ новонаставшемъ.

страстнымъ охотникомъ до чтенія, почти наизусть выучилъ Евангеліе и Псалтирь. Добрый Зотовъ былъ достоинъ своего назначенія. Онъ вразумлялъ ученика въ истины закона Божія, читалъ съ нимъ духовныя книги и лѣтописи, перебиралъ разные рисунки, велѣлъ изобразить главнѣйшія событія Русской исторіи въ картинахъ и развѣсилъ ихъ по стѣнамъ учебной комнаты. Въ часы отдыха, онъ указывалъ ученику своему на картинки и повѣствовалъ ему дѣянія Святослава, Владиміра, Александра Невского, Дмитрія Донскаго, двухъ Иоанновъ, дѣда его Михаила и родителя его, царя Алексія. На картинкахъ представлены были взятіе Казани, Куликовская битва, изображены весь *воинскій артикулъ* ратнаго дѣла, знатнѣйшіе «Европейскіе» города, корабли и воинскія орудія. Скоро недостаю уже познаній Зотова удовлетворять всѣ вопросы, какіе предлагали ему любопытство ученика и страсть его все знать, всему изучаться (5^а). Воинскія игры Царевича съ избранными родителями его сверстниками не прерывались.

Постоянное измѣненіе дѣлъ при Дворѣ, подъ вліяніемъ Симеона Полоцкаго, начали наконецъ тревожить Мпославскихъ, когда необыкновенный характеръ юнаго Петра являлся во всѣхъ словахъ и поступкахъ его, а добродѣтель, благотворительность, благочестіе и тихая жизнь царяцы Наталіи заставляли Θεодора, при отеческомъ вниманіи къ брату, умножать къ ней истинно сыновнее почтеніе. Рѣшился прежде всего удалить царяцу Наталію съ дѣтьми ея отъ лица государева. Бояринъ Языковъ, подъ предлогомъ тѣспоты въ Кремлѣ, дерзко предложивъ ей переселиться въ отдален-

увлекаясь какъ-нибудь однимъ изъ нихъ— должна собрать ихъ все и обратить въ одно живое, всеобщее, всестороннее и постепенное изслѣдованіе богатства нашей прежней жизни, во всѣхъ ея многостороннихъ явленіяхъ и разнообразныхъ выраженіяхъ,— для будущей величавой полноты, несомнѣнной положительности и стройной цѣлости *Исторіи Русской*... „Изъ великаго ихъ множества (говоритъ Ломоносовъ) немало по общей судьбинѣ во мракъ забвенія покрыто. Однако, противу мнѣнія и чаянія многихъ, толь довольно предки наши оставили на память, что примѣняясь къ Лѣтописателямъ другихъ народовъ, на своихъ жаловаться не найдемъ причины.“—

Въ заключеніе сего общаго Примѣчанія, предлагаю сокращенно *историко-систематическое обозрѣніе мнѣній о Руси* (при составленіи коего приняты во вниманіе ихъ первое появленіе и обнародованіе на Русскомъ языкѣ и распространеніе у насъ въ общественномъ мнѣніи).

I.—Первую или *Словено-Русскую* область историческихъ мнѣній о Руси составляютъ *Старая* или *собственно-Русская*, *Несторо-Ломоносовская* школа, основанная на преданіяхъ спечесшвенныхъ, на живыхъ и своенародныхъ историческихъ свидѣтельствахъ, ознаменованная вѣрованіемъ въ ихъ положительность и единствомъ мнѣнія о *Словенизмѣ Руси*.

1.) Отъ Нестора до Ломоносова продолжался *первый—Догматическій* или *Монастырскій* періодъ Словено-Русской школы (Прим. 53), ознаменованный господствомъ проспаго, догматическаго вѣрованія въ показанія историческихъ свидѣтельствъ и понятій. — Въ седми-вѣковомъ развитіи сего періода можно различить слѣдующія степени:

а.) *Лѣтосказательную* или *Древне-Русскую*—отъ Несторовой *Повѣсти временныхъ лѣтъ*, съ исхода IX вѣка,—продолжавшуюся около пяти столѣтій.

б.) *Родословную* или *Московскую*—ошь Макарьевской *Степенной Книги*, съ половины XVI вѣка,—господствовавшую въ Великой Россіи два столѣтія.

в.) *Синопитическую* или *Кіевскую*,—Монастырско-Академическую,—начашую *Хроникю* Софоновича, 1672 г., и ознаменованную господствомъ Гизелевскаго *Синописиса*, напечатаннаго 1674 г.—Вліяніе Синописиса въ Великой Россіи усилилось съ 1714 г., и въ С.-Петербургѣ слилось въ одно *родословное* направление *Зерцала Историческаго*, 1748 г.—Ломоносовъ, своимъ *Краткимъ Летописцемъ Россійскимъ*, 1760 г., заключилъ первый періодъ Словено-Русской школы, и первое *лыто* Истории Русской.

2.) *Россійскою Исторіей*, изданною 1766 г., доведенною до 1054 г., Ломоносовъ положилъ у насъ основаніе *второму* или *Академическому періоду* Словено-Русской школы, ограничивъ ея прежній догматизмъ новымъ ученымъ критицизмомъ, еще до него начатымъ у насъ 30-лѣтними трудами Татищева, съ 1719 г., и трудами Байера, вызваннаго въ Академію Наукъ 1726 г.—Словено-Русская школа, послѣ сего обновленія, господствовала у насъ еще до 1788 г.,—хотѣла безъ дальнѣйшаго возвышенія, но затѣмъ съ богатою прибылью ошь обнародованія ея памятниковъ историческихъ: потому она и во *второмъ* или *Критическомъ* періодѣ нашей Истории есть *старшая историческая школа*.—Ея возобновленіе въ новѣйшемъ или *Систематическомъ* періодѣ начинается 1836 г., розысканіемъ Морошкина (Прим. 20) и предлагаемымъ нынѣ моимъ сочиненіемъ.

II—Вторую область мнѣній о Руси составляютъ *новыя мнѣнія*, зачавшіяся во *второмъ*—*Новомъ* или *Академическомъ* періодѣ, подъ перевѣсомъ критическаго, болѣе или менѣе произвольнаго изслѣдованія и толкованія историческихъ свидѣтельствъ, при *отрицаніи* Словенизма Руси и разномысліи о ея племени и происхожденіи.

1.) Первый, *Сѣверный разрядъ* новыхъ мнѣній, отрицающій *Русь не-Словенскую Забалтійскую*, явился 1735 г., съ одной стороны—Академическими Разсужденіями Байера, съ другой—критическими Прилѣчаніями Татищева (составляющими первый томъ его своднаго Лѣтописанія, названнаго *Россійскою Исторіей*).—Разсужденіе перваго по-Русски явилось 1767 г., въ переводѣ

Кондрашовича—(прибавьте къ Прим 3); критическія изслѣдованія втораго вышли въ свѣтъ 1768 г.—Сѣверный разрядъ мнѣній о Руси развился въ двѣ школы:

а.) Болтинъ съ 1788 года, своими критическими замѣчаніями на Леклерка, Щербатова, и друг., образовалъ у насъ *первую новую школу*, изъ Татищевскаго мнѣнія о происхожденіи Руси *отъ Финновъ*. Въ 1836 году эта *Татищевско-Болтинская* школа опоздалась въ мнѣніи Буткова, съ увеличеніемъ до объема Старой Русской школы (см. Прим. 5).

б.) Шлецеръ (1802 г.), своими критическими Изслѣдованіями Нестора, по-Русски явившимися 1809 г. въ переводѣ Языкова,—образовалъ у насъ *вторую новую школу*, изъ системы Байера и Тунмана, принимающую происхожденіе Руси *отъ Скандинавовъ*.—Господство ея началось у насъ особенно въ 1816 г., съ Исторіи Карамзина, но съ направленіемъ къ *Словенизму Руси*. Собственное-же начало сей *Байеро-Шлецеровской* школы обособилъ Погодинъ (1825), обобщилъ Полевой (1829), и наконецъ у Сенковского (1834) оно преувеличено и обращено къ давнему вѣрованію въ преданія и сказанія народныя (по преимущественно Скандинавскія).—

Въ Примѣчаніи 3-мъ сказано, какъ это ученіе было не помысли Соотечественникамъ нашимъ въ вѣкъ Елисаветы; здѣсь прибавлю, что и производство Руси *отъ Финновъ* было также не помысли Рускимъ. Великая Екаперина, созидая одинъ изъ блистательнѣйшихъ вѣковъ нашей *Исторіи-Жизни*, открыла новый свѣтъ и для *Русской Исторіи-Науки*, принимала участіе въ ея ходѣ не только царственное, но и ученое—какъ „Собиратель“ *Записокъ касательно Россійской Исторіи*, кои сначала напечатаны были въ *Собесѣдникѣ*, 1783-84 г.

Въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1835 г. N, 1., помѣщены снимки съ собственноручныхъ замѣчаній Государыни на Исторію Сприштера, гдѣ между прочимъ говорится: „Соблазнительно покажется всей Россіи, еще примемъ толкованіе Сприштера о происхожденіи Россійскаго народа *отъ Финновъ*.—Самое отвращеніе и соблазнъ не малое доказательство, что происхожденія разныя.—Сравните Россійскаго крестьянина съ Финскимъ: похожи-ли другъ на друга? похожи-ли языкъ?

Хотя Россіане со Славяны разнаго происхожденія конечно, но отъращеніе не находились между ими.— Сприштеръ откуда уроженецъ?“... и ш. д.— По собственному мнѣнію Государыни, *Руссы* были особый древнѣйшій народъ, населявшій Великую Россію еще до пришествія Словенъ, кой около 480 г. овладѣли ими, передали имъ свой языкъ и смѣшались съ ними въ одинъ народъ *Словено-Русскій*; по кончинѣ Гостомысла въ 860 г., сіи Словены-Русь соединились съ Варягами-Русью, пришедшими съ сыномъ Короля Финляндскаго Рюрикомъ и его братьсями.— Замѣчу здѣсь и то, что „Собирашель Записокъ“ первый обратилъ вниманіе на сравненіе Россійской Исторіи съ Исторіями современниковъ Князей Русскихъ каждаго вѣка, дабы „усмотрѣть умоначерсаніе всякаго вѣка.“ Ломоносовъ указалъ сходство и различіе исторической жизни Россіи только съ жизнію Спараго Рима.—

2.) Второй, *Южный разрядъ* мнѣній о Руси начался въ 80-ные годы, въ Московскомъ Университетѣ, лекціями и записками Чеботарева.

а.) Эверсовыми критическими Изслѣдованіями, сей разрядъ образовался въ третью новую школу, разнообразнѣйшую въ своемъ понятіи о племени, принимаемой ею *Черноморской не-Словенской Руси*.— Начало у насъ сей *Чеботарево-Эверсовской школы* (при господствѣ *второй*) можно положить съ 1825—26 г., съ Погодинскихъ переводовъ Эверса и Неймана. Усиленіе и видоизмѣненіе оной было въ 1834—35 г., въ системѣ Каченовскаго, начавшейся 1829 г.

б.) Въ 1829-же году сей разрядъ умножился *системою Венелина*, принимающею *исконное* или *незапамятное* пребываніе въ нашемъ Ошечествѣ *Руссовъ*, *одноплеменныхъ Словенамъ*: это переходъ сего разряда къ *Словено-Русской школѣ*, съ Юговосточной ея стороны.

И такъ, отъ *перваго появленія*, Сѣверному разряду нынѣ уже минуло 100, а Южному 50 лѣтъ.—

Конецъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	5.
Изслѣдованіе о Руссахъ и Варягахъ.	9.
Послѣсловіе о разнообразіи и един-	
ствѣ ученыхъ мнѣній о Руси	55.
Примѣчанія	61.
Общее Примѣчаніе	154.

ПОГРѢШНОСТИ.

На страницѣ:	Строкъ:	Вмѣсто:	Читайте:
27.	6.	<i>Неметьскрю</i>	<i>Нѣметьскою</i>
43.	20.	концѣ	концѣ
45.	11.	Югри	Югра
69.	13.	<i>Нарци</i>	<i>Нарцы</i>
75.	15.	Одоакръ	Одонарецъ
77.	3 снизу	открыта	раскрыта
85.	31.	въ два послѣднія	съ послѣдняго
96.	22.	не признаются	и признаются
117.	13.	Торковъ	по имени Торковъ
128.	1 снизу	<i>Вагри</i>	<i>Вагрии</i>
130.	14.	экспенты	экцепты
139.	3 снизу	отдадь	и отдадь

Нѣкоторыя орфографическія неисправности въ сей книгѣ Чипашели усмотряшъ сами; ошносительно-же другихъ погрѣшностей скажу словами Суздальскаго инока Лавренція:

„Чшште, исправливая Бога-дѣля, а не кленише!“

и споровъ совершена была присяга по Стрѣлецкимъ г. 1682. слободамъ и въ Нѣмецкихъ войскахъ ⁽⁴¹⁾.

Все совершилось такъ неожиданно, было такъ внезапно, такъ явно обнаружилась притомъ непримиримая, скрытная ненависть другихъ вельможъ къ Милославскимъ, Хованскимъ и Языковымъ, что изумленные любимцы умершаго Царя не смѣли противорѣчить даже единымъ словомъ, дозволили мгновенно вырвать у себя власть и могущество, когда уже не сомнѣвались въ успѣхѣ. Они замѣтили, что многіе изъ бояръ даже пріѣхали во дворецъ въ панцыряхъ, съ оружіемъ, скрытымъ подъ верхними боярскими одеждами. Кромѣ того вражда дѣлила ихъ между собою; ничего не было ни рѣшено, ни приготовлено; Милославскій не вѣрилъ Языкову; Голицынъ искалъ власти себѣ ⁽⁴²⁾. Неизбѣжныя слѣдствія раздора и паденія ихъ оказались немедленно. Немилость царская была объявлена имъ въ самый день избранія Петра; казалось, Милославскій Языковъ, Голицынъ уничтожились навсегда: ихъ не казнили, не сослали, даже не изгоняли изъ Москвы — объ нихъ уже не думали болѣе, ихъ забыли при Дворѣ. Увидимъ, что безпечная увѣренность въ ихъ невозвратномъ паденіи быстро передала имъ снова власть и силу.

На другой день совершены похороны царя Θεодора. Покрытый золотымъ бархатомъ, гробъ его, на рукахъ стольниковъ, перенесенъ былъ въ Архангельскій соборъ, чрезъ Красное дворцовое крыльцо. Патриархъ шелъ впереди гроба; неутѣшную вдову, царицу Мароу несли въ *саняхъ*, обитыхъ чернымъ сукномъ. Правительница государства, царица Наталія Кирилловна,

